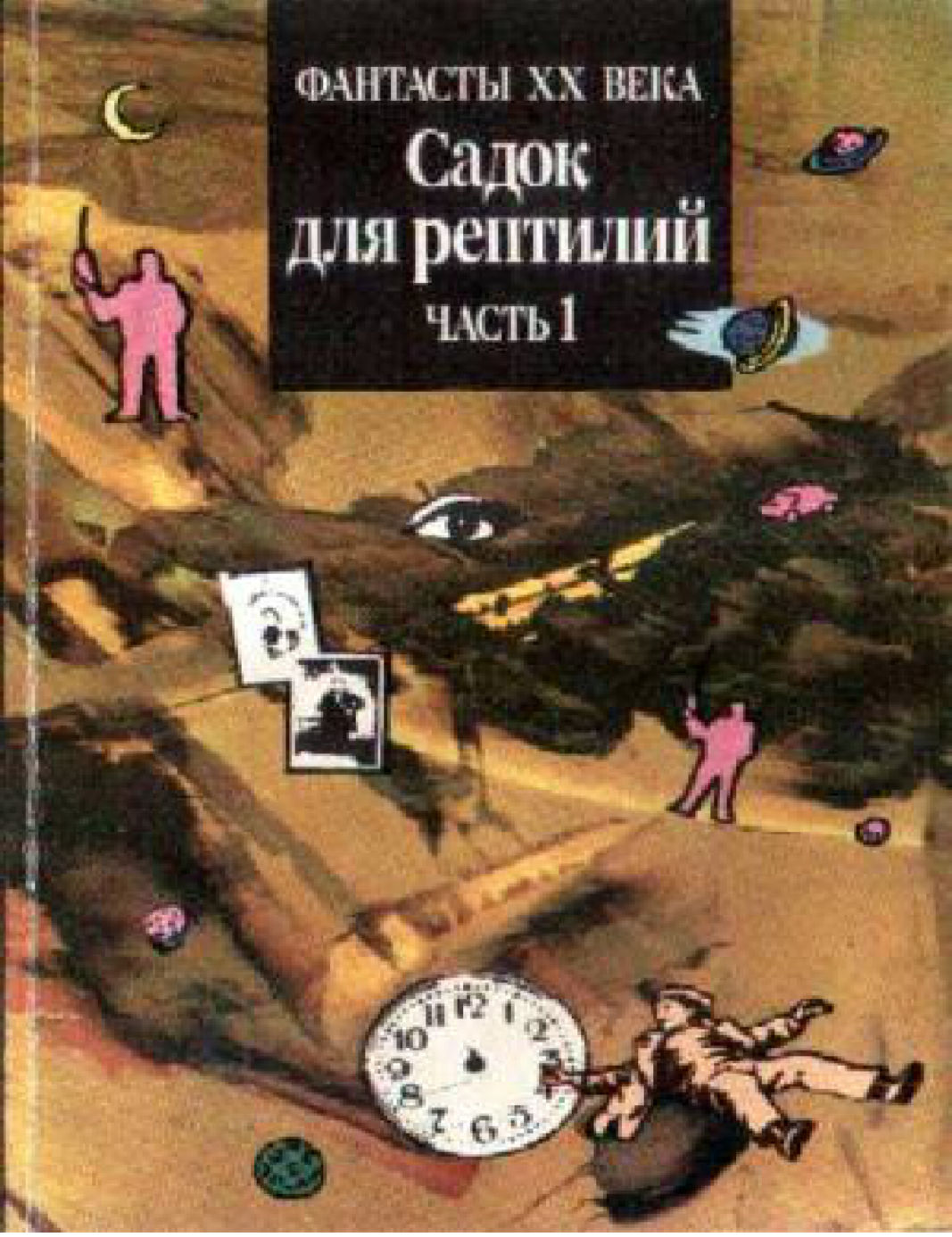
ФАНТАСТЫ XX ВЕКА

Садок для рептилий

ЧАСТЬ 1



Annotation

Двухтомник «Садок для рептилий» — поистине парад звезд популярнейшего у нас жанра научной фантастики. В двухтомнике представлены либо совсем неизвестные отечественному читателю произведения талантливейших англо-американских фантастов, либо только промелькнувшие на страницах газет и журналов.

- САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ
  -
  - Дж. Г. Баллард
  - Роберт Шекли
  - Мюррей Яко
  - Боб Такер
  - Гарри Уолтон
  - Гарри Гаррисон
  - Чарльз Бомонт
  - Генри Слизар
  - Эрик Фрэнк Рассел
  - Айзек Азимов
  - Роберт Блок
  - Ивэн Хантер
  - Айзек Азимов
  - Рэй Брэдбери
  - Джон Браннер
  - Брайан Олдисс
  - Джеральд Керш
  - Брюс Джей Фридман
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ
Часть I
Составители В.Кравченко и В.Терентьев
Двухтомник англо-американской фантастики

ФАНТАСТЫ XX ВЕКА

Научная фантастика США и Англии

Часть I

Минск

ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «ПОЛИФАКТ»

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО «ПАБЛИСИТИ»

1991

Перевод с английского

Дж. Г. Баллард
САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ

Они напоминают мне гадаринских[1] свиней, — объявила Милдред Пелам.

Прервав осмотр битком набитого пляжа, подступавшего к террасе кафетерия, Роджер Пелам взглянул на жену.

— Почему ты так говоришь?

Какое-то время Милдред продолжала читать, потом опустила книгу.

— Ну, а разве нет? — риторически спросила она. — Они похожи на свиней.

Пелам едва улыбнулся при этом слабом, но характерном проявлении мизантропии. Он внимательно посмотрел на торчавшие из шортов собственные белые коленки, на полные руки и плечи жены.

— Все мы похожи, — уклончиво согласился он.

Вряд ли, однако, кто-нибудь мог слышать слова Милдред и обидеться на них. Они сидели за столиком в самом углу, спиной к сидевшим впритык друг к другу сотням посетителей, поглощавших на террасе мороженое и кока-колу. Глухой гул голосов заглушали бесконечные репортажи из транзисторных приемников, пристроенных между бутылок, и доносившиеся из-за дюн далекие звуки с площадки аттракционов.

Чуть ниже террасы был расположен пляж, усеянный множеством распростертых фигур и тянувшийся от самой воды до шоссе, проходившего позади кафетерия, исчезая дальше за дюнами. Не видно было ни песчинки. Даже у кромки воды, которая в этот час затишья между приливом и отливом еле-еле плескалась, покачивая старые сломанные коробки из-под сигарет и другой мусор, на самом краю пляжа, толкалась, скрывая серый песок, толпа ребятишек.

Снова взглянув на пляж, Пелам понял, что недобрые слова жены не что иное, как чистая правда. Повсюду в воздухе торчали голые ляжки и плечи; свернувшись кольцами, по песку раскинулись руки и ноги. Несмотря на солнце и довольно длительное пребывание на пляже, кожа у многих по-прежнему оставалась белой, в лучшем случае сделалась ярко-розовой, словно ошпаренная. Они беспокойно копошились в своих норах в безнадежной попытке устроиться поудобнее.

Обычно зрелище теснящейся и толкающейся чрезмерно обнаженной плоти, отдающей отвратительным букетом запахов

застарелого крема для загара и пота (глянув вдоль пляжа, простиравшегося до далекого мыса, Пелам, как наяву, увидал в воздухе зловонное излучение, поддерживаемое снизу гомоном десяти тысяч транзисторов, гудевших, словно несметный рой мух), заставило бы его тотчас повернуть прочь по первой же ведущей от моря дороге на скорости в сто километров в час. Но на сей раз обычная неприязнь Пелама к скоплениям народа почему-то улетучилась. В присутствии такого множества людей (он уже подсчитал, что на пятимильном отрезке пляжа можно видеть более 50 тысяч человек) он испытывал странное оживление и не хотел покидать террасу, хотя было уже три часа и ни он, ни Милдред ничего не ели с самого завтрака. Стоит только встать, и назад этих мест в уголке ни за что не получишь.

«Едят мороженое на пляже Эхо…» — размышлял он про себя. Он поиграл стоявшим перед ним пустым стаканом. К его стенкам пристали волокна синтетической апельсиновой мякоти, между которыми, жужжа, лениво ползала муха. Море было гладкое и спокойное, непроницаемый серый диск, но в миле от берега, словно пар над ушатом, низко, у самой воды, висел туман.

— У тебя разгоряченный вид, Роджер. Отчего ты не пойдешь искупаться?

— Можно. Знаешь, странная вещь. Из всех людей на пляже никто не купается.

Со скучающим видом Милдред кивнула. Крупная, инертная женщина, она, по-видимому, была бы вполне довольна просто тем, чтобы посидеть на солнышке и почитать книжку. Однако именно она предложила поехать на пляж и даже удержалась от обычной воркотни, когда они попали в первую большую пробку и вынуждены были выйти из машины, пройдя две оставшиеся мили пешком. Пелам десять лет не видел, чтобы она так ходила.

— Странно, — сказала она. — Но сегодня не особенно и жарко.

— Не думаю, — он собрался было продолжить, но внезапно вскочил и через парапет террасы стал всматриваться в пляж. Посередине его, параллельно набережной, по проходу, который образовался сам собой, бесконечным потоком медленно двигались люди, протискиваясь в толпе с бутылками кока-колы, лосьоном и мороженым.

— В чем дело, Роджер?

— Да ничего… Мне почудилось, будто я увидел Шеррингтона.

Пелам осматривал пляж, не обнаруживая там больше никого похожего.

— Вечно тебе мерещится Шеррингтон. Только сегодня это

уже четвертый раз. Перестань волноваться.

— Я и не волнуюсь. Я не уверен; конечно, но мне показалось, что в тот момент я видел Шеррингтона.

Неохотно Пелам снова сел, понемножку пододвигая стул к парапету. Несмотря на то что он пребывал в состоянии вялости и праздной скуки, неопределенное, однако вполне отчетливое ощущение беспокойства владело им весь день. Каким-то образом оно было связано с пребыванием Шеррингтона на пляже, и эта тревога постепенно возрастала. Вероятность того, что Шеррингтон, с которым он работал в университете на факультете физиологии в одном кабинете, действительно выбрал эту часть пляжа, была ничтожна. Пелам даже не был уверен, почему, собственно, он был убежден, что Шеррингтон вообще здесь. Возможно, эти обманчивые видения — тем более невероятные ввиду черной бороды, сурового, с высоким лбом лица и сутулой, при длинных ногах, фигуры Шеррингтона — были попросту продолжением внутреннего напряжения и его странной зависимости от Шеррингтона.

Ощущение беспокойства, однако, было свойственно не одному Пеламу. Хотя Милдред и не поддавалась ему, большинство людей на пляже, как видно, разделяло настроение Пелама. С течением времени беспрерывный общий гомон уступил место обрывкам внезапно возникавших разговоров. Временами гул вообще прекращался, и громадная толпа, словно несметное сборище людей, ожидающих начала какого-то надолго задержанного публичного представления, привстав, садилась, нетерпеливо ерзая на месте. Пеламу, который со своего роста вел внимательные наблюдения за пляжем, четким сигналом таких приливов беспокойной активности, когда все люди огромным, во всю длину пляжа валом подавались вперед, служил металлический блеск тысяч портативных приемников, передвигавшихся будто волна на осциллографе. Каждый раз во время очередного приступа, которые повторялись с промежутком примерно в полчаса, толпа, казалось, пододвигалась чуточку ближе к морю.

Прямо у бетонного основания террасы, среди массы развалившихся на песке фигур расположилось большое семейство, устроив себе нечто вроде отдельного загона. В одном его конце, буквально рукой подать от Пелама, вырыли себе гнездо юные отпрыски; их распростертые угловатые тела в мокрых коротеньких купальниках переплелись друг с другом и высовывались из этого клубка наподобие какого-то странного кольчатого животного. Несмотря на нескончаемый общий гул, доносившийся с пляжа и увеселительной площадки, Пелам

прислушивался к их бессмысленной болтовне, следя за нитью радиорепортажа по транзистору, который они бесцельно крутили, переводя с одной станции на другую.

— Вот-вот запустят новый спутник, — сказал он Милдред. — «Эхо-XXII».

— И чего стараются? — Скучные голубые глаза Милдред разглядывали марево вдали над морем. — По-моему, их и так больше чем достаточно.

— Ну…

Мгновение Пелам обдумывал, стоит ли поддержать беседу, использовав скудные возможности, которые открывал ответ жены. Хотя она была замужем за преподавателем Школы физиологии, ее интерес к ученым материям сводился почти что к огульному осуждению всей этой сферы деятельности. К его собственной работе в университете она относилась с мучительной для него терпимостью, презирая его пребывавший в вечном беспорядке кабинет, студентов-голодранцев и дурацкое лабораторное оборудование. Пеламу так и не удалось установить, какую профессию она уважала. До замужества, как он уразумел впоследствии, она хранила вежливое молчание относительно его деятельности, и за одиннадцать лет супружества отношение это вряд ли изменилось, хотя трудности существования на его скудное жалованье побудили ее заинтересоваться тонкой, сложной и бесконечно утомительной игрой «тише едешь — дальше будешь» в области служебных продвижений.

Как и следовало ожидать, ее ядовитый язычок принес им мало друзей, но — любопытный парадокс — Пелам чувствовал, что ему пошло на пользу то неприязненное уважение, которое Милдред завоевала таким способом. Порой ее язвительные замечания, высказанные на каком-нибудь чересчур затянувшемся приеме — неизменно громким голосом — во время паузы в разговоре (например, она окрестила престарелого преподавателя факультета физиологии «геронтологическим фокусом» в присутствии находившейся в пяти шагах от нее жены профессора), восхищали Пелама своей ядовитой точностью, но вообще в ее непоколебимом отсутствии сострадания к остальной части рода человеческого было что-то пугающее. Ее круглое, равнодушное лицо с церемонно поджатыми, похожими на розовый бутон губами напомнило Пеламу описание Моны Лизы, в котором говорилось, что у нее такой вид, будто она только что съела на обед собственного мужа. Милдред, однако, даже не улыбалась.

— У Шеррингтона довольно занятная теория относительно спутников, — сказал ей Пелам. — Я надеялся, что, может, мы его

встретим и он снова объяснит ее тебе. Думаю, тебе, Милдред, будет любопытно послушать. В настоящий момент он работает над ВМВ…

— Над чем?

Сидевшая позади них компания включила приемник погромче, и у них над головой загремел репортаж с мыса Кеннеди с последним перед стартом отсчетом времени.

— ВМВ, — сказал Пелам, — это внутренние механизмы возбуждения. Я уже тебе о них рассказывал. Это — рефлексы, которые передаются по наследству…

Он остановился, с нетерпением глядя на Милдред.

Милдред перевела на него мертвый взгляд, которым она разглядывала остальных людей на пляже.

— Милдред, — раздраженно рявкнул Пелам. — Я пытаюсь объяснить тебе теорию Шеррингтона о спутниках.

Милдред невозмутимо покачала головой.

— Роджер, здесь так гудят, что я все равно ничего не могу слушать. А тем более теории Шеррингтона.

Почти незаметно по пляжу прокатилась новая волна беспокойства и активности. Возможно, в ответ на кульминацию отсчета в репортажах с далекого мыса Кеннеди люди, привстав, садились и стряхивали друг дружке песок со спины. Пелам наблюдал, как заплясали солнечные зайчики, отражаясь от хромированных транзисторов и зеркальных стекол солнцезащитных очков, когда взволновался и пришел в движение весь пляж. Гул незаметно стих, и сквозь него яснее послышались звуки музыки на площадке аттракционов. Повсюду происходило одно и то же исполненное ожидания копошение. Пляж представлялся Пеламу, взиравшему на него полуприкрытыми от ослепительного света глазами, огромной ямой, кишевшей белыми змеями.

Где-то раздался громкий женский крик. Пелам, сидя, подался вперед, вглядываясь в ряды скрытых под темными очками лиц. В воздухе стояло резкое напряжение, неприятное, почти зловещее ощущение неистовой энергии, бурлящей под оболочкой спокойствия и порядка.

Постепенно, однако, активность спала. Громадная толпа утихомирилась и вновь растянулась на песке. Маслянистая вода лизала неподвижные ступни людей, лежавших у кромки. Над пляжем пролетел легкий ветерок, вызванный волнением в открытом море, разнося сладковатый запах пота и лосьона для загара. Пелам отвернулся, почувствовав, как ему сводит горло от приступа дурноты. Вне всякого сомнения, homo sapiens в массе, размышлял он, представляет собой более отвратительное

зрелище, чем чуть ли не все остальные виды животных. Загон с лошадьми или молодыми быками производит впечатление могучей, нервной грации, тогда как это скопище коленчатой, бесцветной, как у альбиносов, распростертой на песке плоти напоминает больную фантазию художника-сюрреалиста на анатомические темы. Что привело сюда всех этих людей? Прогноз погоды на утро был не очень благоприятен. Большинство сообщений было посвящено известиям о предстоящем запуске спутника, последнего звена всемирной системы связи, которое каждый квадратный фут земной поверхности обеспечит прямой телевизионной связью с одним из десятка спутников, выведенных на орбиту. Очевидно, окончательное соединение этого воздушного моста, которого нельзя избежать, побудило их отправиться на ближайший пляж совершить там в знак покорности символический акт самообнажения.

Пелам беспокойно заерзал на стуле, неожиданно ощутив, как впивается в локти ребро металлической столешницы. Сидеть на сбитом из узких планок дешевом стуле было неудобно и больно, словно его тело было втиснуто в железный футляр с шипами и зажимами. Странное предчувствие ужасного насильственного действия опять шевельнулось в его душе, и он посмотрел на небо, почти ожидая увидеть самолет, который, вынырнув из марева над морем, развалился бы перед ним на куски над собравшейся на пляже толпой.

— Удивительно, каким популярным может сделаться загорание на пляже, — сказал он Милдред. — Перед второй мировой войной это превратилось в Австралии в серьезную проблему.

Оторвавшись от книги, Милдред, мигая, подняла глаза.

— Им, наверное, больше нечего было делать.

— В том-то и дело. Пока люди готовы проводить все время растянувшись на пляже, мало надежды создать другие виды отдыха. Загорать антиобщественно, потому что это абсолютно пассивное препровождение времени. — Он понизил голос, заметив, что сидевшие вокруг них люди оглядываются через плечо и, навострив уши, прислушиваются к его чеканной речи. — С другой стороны, оно, конечно, сближает людей. В голом, или почти голом, виде продавщицу и в самом деле не отличишь от герцогини.

— Неужели?

Пелам передернул плечами.

— Ты же знаешь, что я хочу сказать. Но, по-моему, гораздо интереснее психологическая роль пляжа. Особенно важна полоса прилива, промежуточная область, которая одновременно и

принадлежит морю, и находится выше него, извечно наполовину погруженная в неизвестность времени. Если принять море за воплощение подсознания, тогда это стремление на пляж можно рассматривать как попытку к бегству от своей экзистенциальной роли в повседневной жизни и возвращению в извечное время-море.

— Роджер, помилуй, — Милдред устало отвела глаза в сторону. — Ты говоришь, как Чарльз Шеррингтон.

Пелам снова вперил взгляд в море. Внизу под ним радиокомментатор сообщал местоположение и скорость удачно запущенного спутника и его путь вокруг земного шара. От нечего делать Пелам подсчитал, что спутник долетит сюда минут через пятнадцать, почти ровно в полчетвертого. Его, разумеется, не будет видно с пляжа, хотя последние работы Шеррингтона по восприятию инфракрасных лучей позволяли предположить, что часть посылаемого солнцем инфракрасного излучения неосознанно воспринимается сетчаткой глаза.

Размышляя о том, какие возможности открывает это перед коммерческими или политическими демагогами, Пелам слушал стоявшее внизу на песке радио, к которому вдруг протянулась длинная белая рука и выключила его. Владелица руки, полненькая девушка с белой кожей и лицом безмятежной мадонны, круглые щеки которой обрамляли кудряшки черных волос, перекатилась на спину, отстраняясь от своих приятелей, и с минуту они с Пеламом смотрели друг другу в глаза. Нарочно выключила, решил он, чтобы он не смог услышать репортажа, но потом сообразил, что на самом деле девушка слушала его и надеялась, что он возобновит свой монолог.

Польщенный, Пелам рассматривал круглое, серьезное лицо девушки, ее сложившуюся, но еще детскую фигуру, распростертую на песке чуть ли не в такой же близости от него и в таком же обнаженном виде, в каком она могла быть, находясь в одной с ним постели. Откровенное, юное, но притом странно снисходительное выражение ее лица ничуть не изменилось, и Пелам отвернулся, не желая признавать его смысла, с болью осознав вдруг всю глубину своего смирения перед Милдред и существование теперь уже не преодолимой более изоляции, исключавшей из его жизни всякую возможность испытать что-то новое, настоящее. В течение десяти лет тысячи принимавшихся ежедневно компромиссов и предосторожностей ради того, чтобы жизнь была сносной, выделяли свои дурманящие, обезболивающие соки, и все, что осталось от его личности со всеми ее возможностями, было заспиртовано словно образец в банке. Некогда он презирал бы себя за такое пассивное

подчинение обстоятельствам, но сейчас ему была недоступна любая реальная самооценка, ибо не существовало больше никаких критериев, по которым он мог бы оценить себя; непристойность его положения была гораздо глубже, чем у этого жалкого, вульгарного, глупого стада, окружавшего его.

— Там что-то в воде, — Милдред махнула рукой вдоль пляжа.

Пелам посмотрел в ту сторону, куда указывала ее поднятая рука. В двухстах ярдах от них у воды собралась небольшая толпа; волны лениво плескались у их ног, они наблюдали за чем-то, что творилось на мелководье. Многие для защиты от солнца подняли над головой газеты, пожилые женщины стояли, зажав юбки между колен.

— Ничего не могу разобрать, — Пелам почесал подбородок; его внимание отвлек человек с бородой, стоявший выше него на краю набережной, — не лицо, однако что-то удивительно похожее на него. — Как будто ничего опасного. Может, выбросило на берег необыкновенную морскую рыбу.

На террасе и на пляже все ожидали чего-то, в предвкушении вытянув головы вперед. Чтобы уловить любые звуки от стоявшей в отдалении группы, они приглушили транзисторы, и по пляжу, подобно громадной черной туче, застилающей солнце, волной пробежало молчание. Почти полное отсутствие всякого шума и движения после стольких часов надоедливой возни казалось странным и жутким, придавая тысячам смотрящих на море людей самоуглубленно сосредоточенный вид.

Стоявшая у воды группа не двигалась с места, даже ребятишки невозмутимо разглядывали то, что привлекло внимание родителей. Впервые за все время обнажилась узкая полоска пляжа: беспорядочно брошенные там, наполовину засыпанные песком транзисторы и пляжные принадлежности напоминали свалку металлолома. Постепенно пустоты заполнялись вновь прибывшими с набережной, однако маневр этот не привлек внимания застывшей у воды группы. Пеламу они показались похожими на семейство кающихся пилигримов, которые, совершив длинный путь, стояли теперь у священных вод, терпеливо дожидаясь, пока его животворные силы сотворят свое чудо.

— Что же там происходит? — спросил Пелам через несколько минут. — Группа у воды по-прежнему не проявляла ни малейшего признака движения. Он заметил, что, следуя линии берега, они выстроились не полукругом, а по прямой. — Они вообще ни на что не смотрят.

Марево находилось теперь над морем всего в пятистах ярдах, закрывая контуры громадных валов. Абсолютно непроницаемая

вода походила на горячую нефть; набегавшие время от времени на берег небольшие волны лениво уходили в песок, смешанный с мусором и пачками из-под сигарет, оставляя после себя маслянистые пузыри. Пиная таким образом берег, море походило на поднявшееся из глубин огромное морское животное, слепо пытающееся ухватиться за песок.

— Милдред, я на минутку схожу к воде. — Пелам встал. — Там что-то чудное… — он запнулся и показал на пляж по другую сторону террасы. — Погляди — еще группа. Что бы это?..

И снова, не отрывая взгляда от моря, в семидесяти пяти ярдах от террасы у самой воды выстроилась вторая группа. Всего на пляже собралось уже человек двести, которые в полном молчании смотрели на море прямо перед собой. Пелам заметил, что хрустит костяшками пальцев; потом обеими руками ухватился за парапет террасы, чтобы удержаться и не пойти туда. Его останавливала лишь толчея на пляже.

На этот раз интерес толпы через несколько минут иссяк, и глухой гул голосов послышался опять.

— Бог знает, что они там делают. — Милдред повернулась к группе спиной. — Вон еще одни. Наверное, ждут чего-то.

И действительно, у кромки воды выросло уже с полдюжины таких групп, стоявших почти на одинаковом — в сотню ярдов — расстоянии друг от друга. Пелам внимательно всматривался в дальний конец бухты, стараясь отыскать какие-нибудь признаки моторной лодки. Он поглядел на часы. Было почти три тридцать.

— Не может быть, чтобы они чего-нибудь ждали, — сказал он, пытаясь скрыть, что нервничает. Под столом его ноги беспокойно отбивали чечетку, упираясь в засыпанный песком цемент. — Единственное, чего можно ждать, — это спутник, но его все равно никто не увидит. Очевидно, что-то в воде. — При упоминании о спутнике он снова вспомнил Шеррингтона.

— Милдред, ты не думаешь…

Прежде чем он успел продолжить, сзади, под странным углом, словно собираясь протиснуться к парапету, встал мужчина, вонзив в спину Пелама острое ребро своего стула. Пока он пытался привести мужчину в равновесие, Пелама окутал едкий запах пота и прокисшего пива. Он увидел его уставившийся в одну точку, остекленевший взгляд, шершавый, небритый подбородок и открытый, подобно жерлу орудия, рот; все это с какой-то импульсивной жадностью было обращено к морю.

— Спутник!

Высвободившись, Пелам извернулся и посмотрел на небо. Оно было бледно-голубое и равнодушное, без единого самолета или птицы, хотя нынче утром чайки попадались в двадцати милях

от берега словно в предчувствии шторма. Яркий свет резал глаза, и неясные светящиеся точки взмыли и судорожно заплясали по кругу на фоне неба. Однако одна из них, появившаяся, по-видимому, на западном горизонте, непрерывно двигалась вперед по краю его поля зрения, тусклым пятнышком приближаясь к нему.

Вокруг них поднимались люди — по полу заскрежетали передвигаемые стулья. С одного столика свалилось несколько бутылок. Они разбились на цементном полу.

— Милдред!

Под ними в огромной, беспорядочной, простиравшейся, насколько хватало глаз, свалке люди медленно поднимались на ноги. Неясный шепот сменился более настойчивым и жестким звуком, эхом отдававшимся над головой с обоих концов пляжа. Казалось, весь пляж задергался и судорожно зашевелился. Лишь фигуры людей у воды оставались недвижны. Теперь они образовали вдоль берега сплошной заслон, закрыв собою море. К ним все время подходили новые и новые, и в отдельных местах друг другу в затылок стояло до десяти человек.

На террасе все тоже теперь стояли. Теснимые прибывающими, толпы людей, стоявших на пляже, подавались вперед, и располагавшееся под ними семейство футов на двадцать отодвинулось к морю.

— Милдред, ты нигде не видишь Шеррингтона? — Удостоверившись по ее часам, что было ровно три тридцать, Пелам потянул ее за плечо, стараясь привлечь ее внимание. Милдред посмотрела на него почти отсутствующим взглядом, в котором застыло выражение полного непонимания. — Милдред! Нужно выбраться отсюда! Шеррингтон убежден, — хрипло прокричал он, — что мы можем видеть какую-то часть инфракрасных лучей, исходящих от спутника, и лучи эти могут сложиться в такую систему, которая приведет в движение ВМВ, заложенные миллионы лет назад, когда вокруг земли летали другие космические корабли. Милдред!..

Их приподняло с мест так, словно они были абсолютно беспомощны, и прижало к парапету. Громадное скопище народа двигалось вниз, к морю, и вскоре уже весь пятимильный склон заполняли фигуры стоящих людей. Никто не разговаривал, и на всех лицах застыло одинаковое выражение озабоченной углубленности в себя, какое бывает у людей, когда они уходят со стадиона. Позади них, в увеселительном парке медленно вертелось колесо, но его гондолы были пусты. Пелам оглянулся на опустевшую площадку для развлечений в какой-нибудь сотне ярдов от многотысячного сборища на пляже. Там, среди пустых

павильонов, все еще кружились карусели.

Он быстро помог Милдред перелезть через парапет и спрыгнул на песок, надеясь выбраться на набережную. Но стоило им завернуть за угол, как напиравшая вниз толпа подхватила их и понесла назад через брошенные на песке транзисторы.

По-прежнему держась вместе, они, когда немного спал напор давившей сзади толпы, смогли нащупать землю под ногами. Вновь обретя равновесие, Пелам продолжал:

— …Шеррингтон считает, что кроманьонец доходил от страха до безумия, вроде гадаринских свиней, — большинство их захоронений обнаружено на берегах озер. Рефлекс может оказаться слишком сильным, — он прервал свою речь.

Гул внезапно утих, и громадное скопище, запрудившее теперь пляж до последнего дюйма, безмолвно стояло, обратив лицо к морю. Пелам тоже повернулся к морю, где туманное марево теперь уже всего в пятидесяти футах от берега огромными клубами надвигалось на них. Слегка склонив головы набок, передовая линия толпы безучастно взирала на высоко вздымавшиеся валы. От поверхности воды шло яркое, огромного накала, пульсирующее, призрачное сияние, по сравнению с которым воздух на пляже казался серым, отчего неподвижные фигуры людей напоминали ряды надгробий.

Наискось от Пелама, ярдах в двадцати, стоял впереди них высокий человек со спокойным, задумчивым выражением лица — борода и высокие виски безошибочно указывали, кто он такой.

— Шеррингтон! — закричал было Пелам. Он невольно посмотрел при этом на небо и почувствовал, как светящаяся точка обожгла ему сетчатку.

На увеселительной площадке в пустом воздухе кружила позади них музыка.

Потом, в каком-то внезапном порыве все, кто находился на пляже, двинулись в воду.

Роберт Шекли
ТЕЛО

Когда профессор Майер открыл глаза, он увидел напряженно склонившихся над ним троих молодых людей, которые провели операцию. Его сразу поразило то, что они были слишком молоды для такой операции, как эта. Молоды и непочтительны, с железными нервами и стальными пальцами, и к тому же бессердечны. Они обладали обширными техническими знаниями, и только. Скорее, это были автоматы, а не люди.

Его настолько захватили эти послеанестезионные размышления, что он не сразу понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете?

— Вы нас слышите?

— Вы можете говорить? Если нет, то кивните головой.

Они нетерпеливо всматривались в своего пациента.

Профессор Майер глотнул, пробуя свое новое небо, язык и горло. Затем сказал хриплым голосом:

— Я думаю… Мне кажется…

— Все в порядке! — заорал Кэссиди.

— Фельдман! Проснись!

Фельдман вскочил со стоящей поблизости койки и стал искать очки.

— Он уже пришел в себя? Он говорит?

— Да, говорит! Говорит, как ангел! Наконец-то мы добились своего!

Фельдман нащупал свои очки и бросился к операционному столу.

— Скажите что-нибудь, сэр! Что-нибудь!

— Я… я…

— О, боже, — пробормотал Фельдман, — я, кажется, упаду в обморок.

Все трое захохотали. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман засмеялся тоже, но вскоре поперхнулся и закашлялся.

— Где Кент? — заорал Кэссиди. — Он должен быть здесь! Он держал свой чертов осциллограф на отметке целых десять часов! Такой устойчивости я еще не видел. Куда же он провалился?

Кент ворвался в комнату с двумя бумажными пакетами в руках и с половиной сандвича во рту. Чуть не подавившись, он закричал:

— Он говорит? Что он сказал?

За спиной Кента нарастал гул голосов. Белая толпа корреспондентов устремилась к дверям.

— Убрать их отсюда! — взвизгнул Фельдман. — Никаких интервью сегодня! Где полицейский?

Через толпу пробился полицейский и загородил собою дверь.

— Вы слышали, что говорят доктора, ребята?

— Но это несправедливо! Этот Майер принадлежит всему миру!

— Что он сказал, когда очнулся?

— Его действительно превратили в собаку?

— Какой породы?

— Он может вилять хвостом?

— Он сказал, что чувствует себя хорошо, — отвечал полицейский, сдерживая натиск, — расходитесь, ребята!

Под руку полицейского нырнул фотограф. Он взглянул на профессора Майера, лежавшего на операционном столе, ахнул: «Господи» — и поднял фотоаппарат.

— Посмотри-ка сюда, приятель!

Кент заслонил рукой объектив. Фотолампа вспыхнула.

— Ты зачем это сделал? — разъярился фотограф.

— Теперь у тебя есть фотография моей ладони, — сказал Кент насмешливо, — увеличь ее и повесь в музей совершенного искусства. А теперь убирайся, пока тебе не намяли бока.

— Ну, давайте, ребята, — говорил полицейский, выпроваживая посетителей. Он обернулся, взглянул на профессора Майера и пробормотал: «Провалиться мне, но этого не может быть!»

Дверь за ним немедленно закрылась.

— А теперь выпьем! — крикнул Кэссиди.

— Отметим!

— Черт побери, мы это действительно заслужили!

Профессор Майер улыбнулся — внутренне, конечно, поскольку внешнее проявление его чувств было теперь ограничено. К нему подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, профессор?

— Хорошо, — ответил Майер, тщательно выговаривая слова. — Немного смущен, пожалуй…

— Но вы не жалеете? — спросил Фельдман.

— Еще не знаю, — сказал Майер, — в принципе я был против этого, как вы знаете. Незаменимых людей нет.

— А вы? Я был на ваших лекциях. Не буду притворяться и утверждать, что понимал хотя бы десятую часть того, что вы говорили. Математическая символика не для меня, но эти факты

объединения…

— Пожалуйста, — остановил его Майер.

— Нет, позвольте мне сказать, сэр. Вы продолжили работу Эйнштейна и других. Никто больше не может ее закончить. Никто! Вам нужно еще несколько лет, в любой оболочке, которую современная наука может вам дать. Я только жалею, что нам не удалось найти более подходящее вместилище для вашего интеллекта. Человеческие формы были для нас недоступны, и вот пришлось…

— Это не имеет значения, — сказал Майер, — главное, сохранить интеллект, мозг. Но у меня еще кружится голова.

— Я помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, — продолжал Фельдман, сжимая руки. — Вы были так стары, сэр! Мне хотелось плакать. Это усталое дряхлое тело…

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? — Кэссиди держал в руке бокал.

— Боюсь, что мое новое лицо непригодно для этой посуды, — усмехнулся Майер, — уж лучше миска.

— Правильно, — произнес Кэссиди, — мы принесем миску. О, боже!

— Извините нас, сэр, — вмешался Фельдман, — напряжение, которое мы испытали, было ужасным. Мы не выходили из этой комнаты целую неделю и почти не спали, временами у нас почти не было надежды, сэр…

— Вот ваша миска! — крикнул Лупович. — Что будете пить, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду, пожалуйста, — ответил Майер. — Как вы думаете, я могу встать?

— Только не волнуйтесь, — Лупович осторожно снял его со стола и поставил на пол. Майер неуклюже закачался на своих четырех ногах.

— Браво! — закричали вокруг.

— Мне кажется, я смогу начать работать завтра, — сказал Майер. — Следует изобрести какой-нибудь механизм, чтобы я смог писать. Думаю, это будет несложно. Конечно, возникнут и другие трудности. Все же в голове у меня не все еще прояснилось.

— Вы, главное, не торопитесь!

— О, нет! Где здесь ванная?

Молодые люди переглянулись.

— Зачем?

— Заткнись, идиот! Вот сюда, сэр. Я помогу вам открыть дверь.

Майер последовал за одним из них, оценивая на ходу преимущества передвижения на четырех конечностях.

Когда он вернулся, в комнате шел разговор о технических подробностях операции:

— …Никогда за миллион лет!

— Я не согласен. То, что можно сказать…

— Не читай нам лекций, мальчик. Ты прекрасно знаешь, что налицо была невероятная комбинация случайных факторов. Нам просто повезло!

— Ну, нет! Некоторые из этих биоэлектрических изменений…

— Тише, он идет!

— Ему не следует слишком много ходить. Ну, как ты себя чувствуешь, малыш?

— Я вам не малыш, — отрезал профессор, — я достаточно стар, чтобы быть вашим дедушкой!

— Извините сэр! Мне кажется, вам пора спать.

— Да, — вздохнул Майер, — я еще слаб и голова все еще кружится.

Кент поднял его и положил на койку. Они окружили его, обхватив друг друга за плечи. Они улыбались, очень довольные собой.

— Что бы вы еще хотели, сэр?

— Вот ваша вода и миска, сэр!

— А здесь на столе пара сандвичей, сэр!

— Отдыхайте, сэр, — сказал Кэссиди нежно. Потом непроизвольно, совсем машинально он потрепал профессора по его продолговатой, поросшей гладкой шерстью голове.

Фельдман крикнул что-то нечленораздельное.

— Я совсем забыл, — пробормотал Кэссиди смущенно.

— Мы должны следить друг за другом. Он ведь человек, в конце концов.

— Конечно, я знаю. Должно быть, с усталости… но он так похож на собаку, что можно забыть.

— Убирайтесь отсюда, — приказал Фельдман. — Быстро!

Он вытолкал всех за дверь и вернулся к профессору Майеру.

— Что бы вам еще хотелось, сэр?

Майер попытался заговорить, но слова не шли.

— Это никогда больше не повторится, сэр. Даю вам слово. Вы ведь профессор Майер.

Он быстро накрыл одеялом содрогающееся тело профессора.

— Все будет хорошо, сэр, — успокаивающе говорил Фельдман, стараясь не смотреть на койку. — Ведь интеллект прежде всего! Ваш мозг!

— Конечно, — согласился знаменитый математик, профессор Майер, — но знаете, мне просто странно, но… не могли бы вы… потрепать меня по голове еще раз?

Мюррей Яко
ТЕСТ НА РАЗУМНОСТЬ (Пер. с англ. С.Авдеенко)

За тридцать миллионов километров до планеты Китер занялся прослушиванием радио и телевизионных программ планеты. Два дня он не смыкал глаз, затем выключил приемник и принялся за тщательное изучение своих записей, относящихся к английским идиомам и неправильным глаголам.

Двенадцать часов спустя, убедившись, что языковых трудностей у него не возникнет, он покинул рубку, вошел в свою каюту и рухнул на кровать.

Проснувшись, он подошел к шкафу и долго выбирал подходящую одежду. На голову водрузил шлем, весьма напоминающий «космические шлемы», которые он видел в нескольких телепередачах. Он никого не разочарует, удовлетворенно подумал Китер, сдувая толстый слой пыли с поверхности шлема.

Брюки и рубашку подобрать оказалось потруднее, но в конце концов он остановился на одежде военного покроя.

Затем в рубке он проверил взаимное месторасположение двух зеленых сигналов на панели, выключил основной двигатель и перешел на ручное управление. Менее чем два часа спустя, в 11.30 по средневосточному времени, он мягко и тихо приземлился неподалеку от мемориала Джефферсона в Вашингтоне, округ Колумбия.

Наблюдая через иллюминатор за происходящим снаружи, Китер был потрясен выдержкой комитета по встрече. Очевидно, уже за несколько часов до его прибытия весь город был начеку. Теперь на улицах можно было увидеть лишь солдат, осторожно продвигавшихся к ослепительно белому кораблю и его единственному обитателю.

Он открыл люк и ступил на небольшую площадку. Он стоял так на высоте добрых ста футов над газоном парка и наблюдал за тем, как на расстояние выстрела приблизился и остановился бронетранспортер. Сейчас или никогда, подумал он и поднял обе руки вверх. Он надеялся, что этот жест недвусмысленно означал мир, дружбу и доверие.

Чуть позднее в этот же день за закрытыми дверями, сидя посреди громадного стола для заседаний, Китер объяснял возбужденным представителям общественности, что на эту

планету он приземлился случайно.

— Я не знал, где я, черт побери, нахожусь, — небрежно промолвил он на великолепном английском языке. — У меня обнаружились неполадки в компьютере корабля, если, конечно, вы знаете, что такое компьютер. — Он зевнул, закрывшись ладонью, и продолжал: — Во всяком случае, завтра утром все будет в порядке, и я больше не побеспокою вас. Плохо, что мне пришлось приземлиться в густонаселенном месте, но сверху оно мне никак не напоминало город. Сейчас, если вы не возражаете, я вернусь на корабль и…

Сенатор Филмор, сидящий на противоположном конце стола, вскочил со своего места:

— Вы хотите сказать, что не желаете вступить с нами в контакт? Боже мой, неужели вы не понимаете, что это для нас значит? Впервые мы получили доказательство, что мы не одни во Вселенной…

Китер нетерпеливо помахал рукой, требуя тишины.

— Послушайте, джентльмены. Вы не единственная цивилизация во Вселенной. У нас нет времени для общения с каждой недоразвитой расой, которую нам случается встретить. Туземцам всегда так долго приходится объяснять…

— Мы понимаем, что, с вашей точки зрения, наша планета еще не достигла культурного и технического уровня вашей… родины… — обратился к пришельцу председательствующий на встрече генерал Бимиш.

— Вот именно, — согласился Китер, чистивший ногти наколкой с эмблемой ООН, которую ему кто-то утром нацепил на рубашку.

— Послушайте, — предпринял новую попытку генерал. — Мы не так глупы, как вы думаете. На нашей планете — миллиарды людей, мы достигли больших успехов и в технике. Лет через десять мы закрепимся на Луне — нашем спутнике. У нас даже дети мечтают о космосе.

— Конечно, — сказал Китер, и, прежде чем кто-либо осознал, что происходит, он радушно помахал, прощаясь, и вышел.

Обратно к кораблю Китер шел пешком. Никто не попытался остановить его. Он взошел на борт, заставил себя перекусить, прошел в кладовую и достал из груды всевозможного хлама испорченный транзистор. Пятнадцать минут спустя штабная машина доставила его в конференц-зал.

Все оживились при его появлении. Особенно сиял Бимиш. Китер уселся за стол, вытащил из кармана транзистор и приступил прямо к делу.

— Наверно, все это не имеет смысла, но мне нужна запасная

часть для этого проклятого компьютера. Что-то случилось со схемой автоматического ремонта, а я не собираюсь всю ночь заниматься выяснением причины. — Он протянул вперед транзистор. — Честно говоря, я не думаю, что вам удастся воспроизвести это, но все же я решил спросить…

Из-за стола встали трое и сгрудились вокруг Бимиша, пытаясь взглянуть вблизи на инопланетную вещицу.

— Ну, — сказал Китер, — что вы об этом думаете? Не бойтесь, скажите прямо, что для вас это слишком сложно. Я пойду на корабль и займусь делом.

— Что вы, что вы? — сказал маленький седой человечек, которому наконец удалось выхватить транзистор из рук Бимиша. — Я уверен, что утром вы получите точную ее копию.

— Я в этом не очень уверен, — сказал, зевая, Китер, — но мне так или иначе нужно выспаться. Увидимся завтра в восемь. — Он снова зевнул, встал из-за стола и вышел.

Когда Китер вновь появился утром, Бимиш провел его в конференц-зал, и едва все уселись за стол, он вынул из кармана небольшую шкатулку и торжественно вручил ее Китеру.

Китер пожал плечами и открыл шкатулку. На подушечке из черного бархата сверкали двенадцать аккуратных одинаковых транзисторов.

— Ну? — нетерпеливо произнес Бимиш.

— Гм, — ответил Китер.

— Что вы имеете в виду? — нервно осведомился Бимиш.

— Мне кажется, что так упаковывать транзисторы чертовски глупо.

— Но…

— Но похоже, что они подойдут, — сказал Китер, захлопывая крышку.

Раздался всеобщий вздох облегчения. Китер отставил стул и встал.

— Я знаю, что причинил вам массу хлопот, и мне бы хотелось каким-либо образом отблагодарить вас, но, по правде говоря, джентльмены, я не знаю, чем я могу быть…

— Можете, можете, — взволнованно произнес Бимиш. — Я хочу сказать, если вы действительно хотите, то вы можете. Вы можете дать нам небольшую информацию. — Бимиш явно нервничал.

— Генерал, я прошу вас поконкретней выразить свою мысль, — нахмурился Китер.

— Что ж, мы думаем… было бы чудесно, если бы вы согласились потолковать с нашими людьми. Например, часок с нашими физиками, затем полчаса с социологами и, быть может,

столько же времени с сенатской комиссией…

Китер закрыл глаза и вздохнул.

— О'кей, ребята, но сделаем это по-быстрому. Давайте положим по двадцать минут на каждый допрос. Ну так, с чего мы начнем?

Первыми были ученые. С ними было легче всего. Он преподнес им информацию, достаточную для удовлетворения их аппетита, и в то же время дал понять, что ему пришлось набраться большого терпения, чтобы вести беседу с такими отсталыми людьми.

— Джентльмены, я бы очень хотел объяснить вам принцип нейтринного движения, но, честно говоря, я не знаю, с чего начать. Вы не поймете даже всей механики этого. — Он не удосужился добавить, что и сам в этом ничего не понимал…

— Да, конечно, я понимаю, куда вы клоните. О боже! Даже ребенок знает эти уравнения…

— И это вы называете константой массы и энергии? Не обижайтесь, старина, но боюсь, что вам придется начинать сначала. Вы же знаете, что кроме гипотез существуют и доказательства.

С социологами все происходило следующим образом:

— Как я только что объяснял, мы — двуполые существа и живем организованной общественной жизнью, которую, впрочем, на вашем языке более подробно объяснить невозможно. Можно сказать, что наша культурная продолжительность (для вас этот термин не имеет смысла) — функция структурного социального организма с основными координатами, которые довольно сильно запрятаны внутрь. Вы следите за моей мыслью, джентльмены?

Никто, конечно, ничего не понял.

Но сенатская комиссия, как водится, получила необходимую информацию.

— Итак, молодой человек, вы заявили, что ваша база находится на одной из трех обитаемых планет Альдебарана, — выступал сенатор Хампер. — Вы также утверждаете, что в исследованной части Вселенной имеется тысяча двести населенных миров, организованных во что-то вроде супер-ООН. Так мы вас поняли?

— Угу.

— Ну вот, это уже лучше. Скажите нам, что требуется для планеты, чтобы вступить в организацию?

— Нужно пройти тест «БРКСЛ-Хавкре-Гаал». Мы даем его всякому, кто хочет вступить в организацию.

— А в чем он состоит? Тест на разумность?

— Да, вы можете назвать это так, хотя в нем есть ряд

разделов. Вообще-то Гаал разделил его на три части. Во-первых, тест на топливо.

— Что это значит?

— Позвольте мне объяснить. Все очень просто. Давайте рассмотрим тот случай, когда планета по всем меркам подходит для вступления в Федерацию, за исключением одного. Она не умеет осуществлять межзвездные перелеты. Теперь, когда членство включает в себя обязанности по торговым, дипломатическим и научным связям между членами Федерации, абитуриент должен быть в состоянии довольно быстро развить систему транспорта. Вам это ясно?

— Да, да, продолжайте.

— Так как самым трудным техническим препятствием для большинства планет является необходимость изготовления топлива, мы им в этом помогаем. Иначе говоря, предлагаем им тест на топливо: даем им немного нашего 3-67ас — стандартного термоядерного источника энергии. Если абитуриент способен воспроизвести это топливо в большом количестве, это то, что и требуется. Значит, планета способна осуществлять межзвездные перелеты. Ясно?

— Конечно. Теперь о второй части теста…

— Вторая часть — оружие.

— Простите, я, кажется, вас не расслышал. Мне показалось, что вы сказали «оружие».

— Да. Знаете, здесь все дело в самообороне. Имеется целый ряд примитивных миров, способных на космические путешествия, и в то же время они не достигли культурного и социального уровня, необходимого для вступления в Федерацию. В результате они весьма недовольны тем, что их не приняли в федерацию, и занимаются тем, что нападают на любой корабль Федерации, оказывающийся поблизости. Думаю, вы бы назвали их пиратами. Во всяком случае, Федеральная сторожевая служба держит их в узде, но иногда Голубые — мы прозвали их так, потому что все их корабли голубого цвета, — ухитряются совершать нападения на какую-либо из планет Федерации. И вполне естественно, что каждый корабль должен иметь на борту необходимое оружие; стандартным является ракета — компьютер Р37ах, что представляет еще большую трудность для производства, чем ядерное горючее. Мы даем ему образец этого оружия — вместе с нашим благословением. Остальное зависит от него.

— А в чем заключается последняя часть теста?

— Это относится к генетике. К нам необходимо направить человеческую особь, женщину с планеты-абитуриента. Она попадает в лабораторию федерации и подвергается изучению с

точки зрения генетики, физиологии и психологии. Уже после двухнедельного исследования наши люди могут выяснить расовое будущее, а иногда и культурное развитие всей планеты. Конечно, весь процесс исследования безболезнен. Сразу же после теста женщина возвращается на родную планету.

— А не кажется ли вам — после того как вы нас узнали, — что мы можем, во всяком случае, попробовать пройти тест? Я уверен, что вы будете удивлены…

— О, не надо! Я выполнил все обязанности перед вами, ответив на ваши вопросы. Вы же помните наше условие? Информацию в обмен на транзисторы. Теперь, джентльмены, если вы не возражаете…

Китер позволил доставить себя к кораблю на штабном автомобиле. Пройдя в рубку, он проверил показания ряда детекторов, убедился в отсутствии всяких признаков того, что Голубые напали на его след, и направился в кладовку.

Он отобрал пластиковый вакуумный электромагнит, подержал его в руке, затем уронил на пол. Поднял, покосился на него и вновь вышел наружу.

Генерал Бимиш был доволен. Довольны были все.

— Это не составит никакого труда, — сказал Бимиш, только что сделавший телефонный звонок, который привел в действие две тысячи ученых и техников. — Мы сделаем это очень быстро.

— Надеюсь, — произнес Китер. Часть его надменности улетучилась, и было видно, что еще одна просьба о помощи вызывает у него заметную неловкость.

Электромагниты, сорок штук, были доставлены на следующее утро.

Китер поднялся со стула и обратился к собравшимся:

— Джентльмены, я хочу, чтобы вы знали, как дорога мне эта услуга. Кажется, я недооценил ваш технический уровень и приношу свои извинения. Я не знаю, чем я могу отплатить вам за вашу последнюю любезность, но, если желаете, мне доставит удовольствие формально представить вашу просьбу о членстве в Федерации сразу же по возвращении на Альдебаран.

— Когда это произойдет? — бесцеремонно спросил сенатор Хампер.

— Через десять ваших лет.

— Десять лет! О боже! А поскорее нельзя?

— Что ж, думаю, что могу сам засвидетельствовать две первые части теста. Да, я мог бы привезти ваши образцы и ваших людей в филиал федеральной лаборатории на Андромеде…

— Прекрасно! — вскричал Бимиш. — Когда мы начнем?

Китер был очень изумлен, когда через три недели в корабль

начали грузить 3-67ас в громадных количествах. Он не проверял, но был уверен, что топливо до последнего атома было идентично образцу горючего, которое он предоставил землянам.

Ракеты-компьютеры Р37ах прибыли одновременно с топливом. Их было четыреста. Он взял одну наугад и отнес в лабораторию корабля. Здесь он осуществил ряд испытаний. Ракета не была точной копией образца! В схему внесли несколько поправок! Китер угрюмо подумал, что такая цивилизация, очевидно, сможет быстро создать систему запуска и управления таким оружием и через несколько недель вся планета может покрыться сетью систем запуска. Если Голубые все же напали на его след, думал он, они будут обращены в атомы, прежде чем приблизятся к этой планете на полмиллиона миль.

Особь для генетических исследований, о чем он уже совершенно забыл, прибыла за час до отлета. Он вновь остолбенел. Она была, несомненно, самой красивой женщиной, которую он видел в жизни.

— О, я так взволнована, — сказала молодая леди. Провоцирующий тон ее голоса принадлежал самой невинности, находящейся на полпути к самопожертвованию.

— Я тоже взволнован, — честно признался Китер.

В рубке Китер проложил курс до Арктура. Затем он нажал на кнопку, и месячный запас земного топлива влился в почти пустые камеры реактора. Нажатием другой кнопки он вставил пятьдесят ракет-компьютеров в пятьдесят совершенно пустых гнезд.

Он проверил детекторы, но не обнаружил никаких следов голубых кораблей Федеральной сторожевой службы. Китер облегченно вздохнул. До Арктура предстоял долгий путь, слишком долгий путь в одиночестве даже для видавшего виды пирата. Затем он вспомнил, что именно поэтому попросил себе спутницу.

Боб Такер
ТУРИЗМ (Пер. сангл. Т.Хейфеца и О.Глебова)

В то утро Джуди вскарабкалась на свое место за столом и объявила, что вчера вечером у нее в комнате был призрак, красивый дядя-призрак, который вежливо спросил ее, как она поживает.

Мама Джуди, нормальная здравомыслящая американка, сказала:

— Не говори ерунды, детка, призраков не бывает.

— Тогда кто же тот дядя, который приходил в мою комнату вчера вечером, а? — спросила Джуди.

Мама Джуди от испуга перестала жевать гренок и озадаченно спросила:

— Дядя, детка?

— Да, мама. Красивый дядя, красивее даже, чем папа, и на нем был какой-то коричневый мундир, не как у военных, конечно, просто мундир.

— Дядя в мундире?

— Да, мама. Ты знаешь, очень хороший дядя.

— Нет, — возразила мама, — не может быть. Неужели у тебя в комнате действительно ночью был чужой дядя?

— Конечно, мама. Это был призрак, дядя-призрак.

— Ох, Джуди! Опять эти призраки. Сколько раз я тебя просила прекратить эти разговоры! Призраков не бывает.

— Ну, может быть, и нет, мама, но этот дядя приехал сквозь стену на каком-то странном мотороллере. Потом он остановился и произнес речь, совсем как тот человек, когда мы были в музее, помнишь, а потом спросил меня, как я поживаю.

— Ах, даже так, Джуди!

— Да, мама. Я сказала — хорошо, а он сказал — ну, я рад за тебя, и опять сел на свой мотороллер, и проехал через мою комнату, и исчез через другую стену.

— Джуди, прекрати! Это тебе приснилось.

— Да, мама. Мотороллер совсем не шумел, а дядя был одет в мундир.

— Ладно, детка. Забудь об этом, милая.

Джуди не забыла, просто до поры до времени все это было заперто в шкатулку, где дети обычно хранят вещи и события, которые они не в состоянии объяснить. Во всяком случае, этот

вопрос не интересовал ее до вечера, когда пора было идти спать. Не прошло и пятнадцати минут, как она снова предстала в гостиной перед родителями.

Папа сидел в кресле с детективом и пытался сосредоточиться, несмотря на громкие звуки радио. Мама слушала радио, одновременно решая головоломку. Джуди остановилась на пороге гостиной, пижамка ее была еще не измята, а халатик она волочила по полу.

— В чем дело, детка? Ты должна была уже десять минут назад быть в постели.

— Этот дядя-призрак пришел опять.

— Ну, Джуди, не начинай этот вздор.

— Но, мама, он вернулся, и не один, с ним еще несколько человек на этот раз, и они все едут в…

— Джуди!!!

— Да, мама?

— В постель.

— Хорошо, мама.

Девочка повернулась и медленно пошла по ступенькам. Ее шаги затихли, и вскоре послышался знакомый стук захлопнувшейся двери в детскую. Мама вздохнула и посмотрела в другой угол комнаты на отца.

— Дональд, ты должен что-то сделать. У этого ребенка одни призраки на уме; я от нее только и слышу: призраки, призраки, призраки. Я очень беспокоюсь. Может быть, ей нужно меньше слушать радио?

Дональд неохотно оторвался от книги:

— Все дети проходят через это. Тебе не следует беспокоиться. Просто у нее богатое воображение.

— Но какое воображение! Это может отразиться на ее здоровье.

— А, ерунда. Если ей не мешать, она станет актрисой, или писательницей, или еще кем-нибудь в этом роде. Послушай…

Он замолчал на полуслове, услышав, как дверь, ведущая в спальню Джуди, открывается. Девочка снова медленно спускалась в гостиную.

Джуди нерешительно остановилась на пороге, глядя то на мать, то на отца.

— Уже поздно, Джуди, — заговорил папа. — Опять эти призраки?

— Да, папа.

— Я полагаю, они не дают тебе спать.

— Да, папа.

— Сколько их, как ты думаешь?

Джуди просияла:

— Их четверо, нет, пять, считая тетю, застрявшую в стене, только она вроде как в тумане, и я ее никак не разгляжу. И тот дядя в мундире.

— Ах, в мундире? А что он делает?

— Он показывает всем им мою комнату, и он управляет мотороллером, в котором они все едут, и он рассказывает им о моей мебели, о моих куклах и других вещах. Папочка, ему не очень-то нравится у нас.

— Ну, это уж слишком, — прервала ее Луиза.

— Минутку, Луиза. Я знаю, что делать. — Он снова обратился к дочке: — Ему не нравится твоя мебель, а, Джуди? Откуда ты это знаешь?

— Это видно, когда он говорит, папа. Он сказал, что это Промэра или что-то такое, и он махнул рукой и посмотрел на свой нос, совсем как ты, папа, когда тебе что-нибудь не нравится. Ну, как будто все это никуда не годится, понимаешь?

— Конечно, понимаю. Что же, очень печально. Нам это нравится, а если ему не нравится, то это его дело, так, кажется, ты говоришь? Что они собираются делать дальше?

— Он спросил меня, кто еще живет в этом доме,

— Ах, он хотел знать это! Что ж, ты должна была ему сказать, что мы здесь, в гостиной.

— Я так и сказала, папа. А дядя в мундире велел мне спуститься вниз и сказать вам, что они приехали.

— Понятно, — он кивнул и с глубокомысленным видом приготовился одной фразой покончить с этим делом.

— Ну, мне не очень хочется обижать твоего призрака, Джуди, но ни у твоей мамы, ни у меня сейчас нет желания подниматься наверх и разговаривать с ними. Ты передашь это ему?

— Конечно, папочка.

— Вот умница. Джуди, спокойной ночи.

Джуди быстро взбежала по лестнице, и дверь спальни захлопнулась со знакомым стуком. Через секунду Джуди снова была внизу. Она заглянула в гостиную.

— Папочка!

— А, что? — Он не сразу оторвался от книги.

— Призрак говорит, что тебе лучше подняться, а то…

— Вот как! А то что?

— А то он пожалуется на тебя.

Дональд швырнул книгу на пол. Джуди в страхе отпрянула.

— Но, папа, он, правда, сказал так! Он сказал… — девочка заплакала.

— Джуди, отправляйся сейчас же наверх и скажи этому

призраку, что я не пойду к нему. Не пойду, пока он не сыграет «Янки Дудл» на саксофоне. Поняла?

— Да, папа.

— Ладно, тогда отправляйся спать. И спокойной ночи!

— Спокойной ночи, папа.

Маленькие ножки опять застучали по лестнице, и вскоре снова знакомо хлопнула дверь. После этого наверху воцарилась желанная тишина.

— Вот видишь, — торжествующе сказал Дональд. — Я сказал тебе, что справлюсь с ней. Такт. Здесь нужен только такт. — И он снова повалился в свое удобное кресло, отыскивая нужную страницу в детективном романе.

Из спальни Джуди послышался надрывный рев саксофона, в котором можно было различить что-то вроде «Янки Дудл».

Дональд вскочил с кресла и запустил книгу в другой конец комнаты, что едва не стоило семейству вазы. Одним сердитым движением выдернув ремень из брюк, он помчался в детскую, перепрыгивая через ступеньки. Когда дверь спальни открылась и опять захлопнулась, его жена закрыла глаза и заткнула уши. Саксофон перестал реветь. Она нервно мяла в руках листочек с головоломкой, ожидая, что вот-вот наверху начнется расправа. Вместо этого Дональд спустился вниз и остановился в дверях.

— Луиза…

— Да, Дональд?

— Призрак хочет, чтобы ты тоже поднялась наверх.

— Дональд!

— Но он настаивает. Он сказал, что хочет продемонстрировать всех членов этой семейки и что ты должна явиться веселая и приветливая, а то он пожалуется на нас. Лучше пойти, Луиза.

И он снова направился к лестнице.

— Наконец-то! — воскликнул джентльмен. Он повернулся, обращаясь к людям позади него: все они сидели в какой-то странной низкой машине.

— Перед вами полная семейная ячейка двадцатого века, — объявил он с очевидным удовлетворением. — Они происходят от расы аборигенов, населявших Североамериканский континент примерно с пятнадцатого века до тридцать третьего. На данной стадии их развития они жили в жилищах, которые называли «домами», то есть в конструкциях, содержащих много маленьких отсеков, аналогичных этому. Обычно каждый член семьи спал в отдельном отсеке, а остальной частью того, что называется «дом», они пользовались совместно.

— Обратите внимание на мужчину. На этой ранней стадии

истории он уже занял место главы семейной ячейки, и он часто демонстрирует свою главенствующую роль, роль предводителя, показывая свое умственное и физическое превосходство. Рассмотрите его лицо, и вы увидите волосы, или щетину. Это называлось «борода»; ее выращивали, чтобы подчеркнуть независимость. Эти первобытные мужчины были крайне упрямы, как вы сами могли убедиться минуту назад, когда мне пришлось воспользоваться музыкальным инструментом двадцатого века, чтобы вызвать его из его отсека.

— Уходите, — сказал Дональд мужчине в мундире. — Вы мешаете нам.

— Еще раньше, в начале развития их расы, как вы скоро увидите, когда мы сделаем следующую остановку, эти люди не умели пользоваться орудиями труда и, конечно, не могли строить такие убежища, как это. В тот отдаленный период они жили в естественных пещерах, защищавших их от непогоды, и, греясь вокруг костров, готовили на них пищу. В настоящий период, как вы видите, они нашли способ перенести в дома костры для отопления и приготовления пищи, а также создали несколько примитивных инструментов для еды. В тот период, который вы сейчас наблюдаете, сырые продукты уже не отправляли в рот с помощью пальцев.

— Нет, ты только послушай! — воскликнула Луиза.

— Кончайте, черт побери, — вступил в разговор Дональд. — Ребенку пора спать. Убирайтесь!

— Эта раса, — продолжал мужчина в аккуратном мундире, — называлась индейцы, или американцы, это два взаимно заменяемых названия. Все они были разделены на большие группы, или племена: каждое племя принимало имя какого-нибудь святого покровителя или грабителя-барона, которым они платили дань в виде денег и почестей. Их племена иногда носили колоритные названия, такие, как Огайо, Джонс, Республиканец и так далее.

— Да он радикал! — воскликнул Дональд. — А сейчас убирайтесь отсюда, или я спущу на вас собаку.

— Об их социальном укладе известно не слишком много. Эти племена постоянно воевали между собой, что сделало исторические исследования чрезвычайно опасными, а сбор информации крайне трудным. Мы еще раз остановимся в этой эре для того, чтобы присутствовать на собрании старейшин племени, где вы увидите, как вводятся в силу законы и обычаи, как собираются налоги и так далее. Потом мы двинемся немного дальше, чтобы бегло познакомиться с жизнью предков этой семьи. Возможно, если нам будет сопутствовать удача, мы увидим, как

они охотятся в лесах с примитивным оружием. Напоминаю, что в этой части путешествия вам следует все время держать закрытыми предохранительные щитки, так как случайные стрелы могут падать среди нас.

Здесь он замолчал и, повернувшись, нажал какой-то маленький рычаг. Машина начала двигаться по комнате, и женщина, которая неопределенным силуэтом вырисовывалась на стене, обрела человеческий облик. Мужчина в мундире бросил взгляд через плечо.

— Итак, мы прощаемся с красочным, романтическим двадцатым веком, с его множеством племен, его примитивными народами и причудливыми обычаями.

Повернувшись к ошеломленному Дональду, он, пристально глядя на него, тихо приказал:

— И смотри, чтобы ты вовремя был тут, приятель. И чтобы не было больше этих глупостей с саксофоном.

Машина проехала через комнату и исчезла сквозь противоположную стену: женщина на заднем сиденье обернулась, чтобы бросить последний веселый взгляд на причудливую мебель Промышленной эры. Затем и ее лицо растаяло.

— Дональд, — дрожащим голосом начала его жена.

— Я не позволю так обращаться со мной, — загремел Дональд. — Я налогоплательщик! Я заявлю об этом депутату от нашего округа!

— Папа, правда, это хороший дядя?

Папа был уверен, что этот хороший дядя в мундире и его странная машина с пассажирами-призраками вернется вечером следующего дня, и решил подготовиться к этому.

За несколько минут до того часа, когда Джуди обычно ложилась спать, машина осторожно выехала через одну из стен спальни, и можно было видеть, как гид в мундире поднимается со своего места, готовясь разразиться лекцией о семейной ячейке двадцатого века. Как только призрак принял явственные очертания, он окинул взглядом комнату и заметил отсутствие жены и дочери Дональда.

— Что это еще такое? — сказал он с неудовольствием. — Приведите остальных членов семьи. Сегодня у меня много народу.

— У меня для вас сюрприз, — тихо ответил Дональд.

— Вот как? — сказал гид. — Какой?

— А вот какой! — закричал Дональд, выхватил из-за спины двуствольное ружье, поднял его и выстрелил из обоих стволов в переполненную машину. С противоположной стены во все стороны полетела штукатурка, а с подоконника посыпались

осколки стекла.

Гид покачал головой:

— Позор! Пожалуйста, позовите семью, — он потянулся за лежащим позади него саксофоном. — Или я должен снова сыграть вашу песенку?

— Вот, — сказал он ожидающим туристам, — мужчина двадцатого века. Вы только что присутствовали при примитивном фейерверке, который имел место у этого народа при приветствии гостей или при проведении торжественных праздников, посвященных их богам. Нам следует всячески показать этому человеку, что мы оценили фейерверк, который он приготовил для нас. Первобытные люди, знаете, обожали лесть и внимание. — Он начал вежливо аплодировать, и туристы, сидящие сзади, поддержали его. Кто-то бросил несколько монет.

Дональд в ярости швырнул ружье на пол и стал топтать его.

— Сейчас мужчина двадцатого века начинает приветственный танец, который входил в ритуал его племени еще в те далекие времена, когда его предки жгли костры в пещерах и бродили в лесах. Я держу в руках музыкальный инструмент этого века, называемый саксофоном, и сейчас сыграю небольшую песенку, которая вызовет его подругу и ребенка из нижних частей здания, в которых они проживают…

Однако Дональд не терял надежды. На следующий вечер он старательно протянул шланг из ванной в спальню и, когда из стены появились посетители — на этот раз их было немного, попытался смыть их сильной струёй воды. Струя прошла сквозь посетителей и залила потрескавшуюся противоположную стену.

— Вот, — сказал гид, — мужчина двадцатого века. Он приветствует нас в своем жилище особым ритуалом с водой, смысл которого заключается в смывании злых духов, которые, как он боится, могут помешать нашему приходу. Когда он хорошо очистит стены своего жилища и сделает этот отсек безопасным для нас, он начнет свой приветственный танец, а мы должны будем выразить нашу признательность аплодисментами или маленькими подарками и монетами. Затем, извлекая музыкальные звуки из инструмента, который я держу в руках, я вызову остальных членов его семьи. Теперь обратите внимание на причудливую мебель в этой…

Уходя, гид признался Дональду:

— Продолжай в том же духе, приятель. Ты устраиваешь мне прекрасный спектакль, самый лучший за всю экскурсию. Те, кто это видит, создают нам отличную рекламу.

И Дональд продолжал в том же духе. Он испробовал гранаты с удушливыми газами, с тем единственным результатом, что он и

семья вынуждены были покинуть дом; он принес радиоприемник, проигрыватель, несколько автомобильных рожков и даже раздобыл в долг сирену, пытаясь преградить дорогу туристам из будущего стеной звука, с тем единственным результатом, что его собственные барабанные перепонки чуть не лопнули; он выпустил в комнате пчелиный рой и был жестоко искусан; жена силой помешала ему свалить мебель и постели в середине комнаты и поджечь их при появлении гида и его подопечных.

— Вот мужчина двадцатого века. Он готовится приветствовать нас, поджигая эти бесчисленные маленькие предметы, лежащие, как вы видите, на полу его жилого отсека. Сейчас эти красные предметы взорвутся со страшным грохотом, выгоняя прочь всех злых духов, которые, как он думает, притаились здесь…

Опершись на фонарный столб, на углу улицы стоял изможденный человек с покрасневшими глазами. Жена оставила его, вернулась к своей матери, заявив, что она и девочка вернутся в этот ужасный дом тогда и только тогда, когда он раз и навсегда избавится от этих ужасных гостей, посещающих комнату Джуди. Он больше недели не появлялся на работе, и ему грозило увольнение; все это время он не спал, и здоровье его также было под угрозой. Друзья избегали его, считая, что он попал в объятия зеленого змия. Вообще, это был не очень-то веселый экземпляр мужчины двадцатого века. И он готов был покончить со всем этим, когда мимо проехал автобус.

Его внимание привлек громкий голос, и он поднял голову, инстинктивно съежившись от страха при виде туристского автобуса, проезжающего по улице. С тоской в сердце он повернулся, чтобы уйти прочь, и вдруг увидел, что прохожие смотрят на автобус, полные любопытства.

Дональд широко раскрыл глаза…

Как всегда вечером, из стены комнаты появилась низкая машина.

Гид в мундире вопросительно взглянул на Дональда.

— Тут что-то очень спокойно, приятель. Не можешь ли ты устроить что-нибудь?

— Конечно, могу, ваша честь. Вы только подождите здесь. — Он подошел к двери спальни и распахнул ее, впуская толпу.

— Вот они, ребята, — закричал он, — все, как было объявлено!

Подставляя шляпу, он пропускал в комнату людей одного за другим, следя за тем, чтобы каждый опустил в шляпу монетку.

— Настоящие, подлинные духи, ребята. Единственный дом с призраками в Либертвилле! Каждую ночь в этот час эта компания

призраков появляется из той стены и разъезжает по комнате. Подойдите прямо к ним, ребята, потрогайте их, пощупайте. А, не можете! Входите и познакомьтесь с моими призраками!

Маленькая спальня наполнилась толпой людей, в благоговейном страхе пробирающихся вперед, чтобы разглядеть призрачный экипаж. Любопытные руки старались пощупать туристов из будущего и ощущали только воздух. Фоторепортеры щелкали лампами-вспышками, надеясь получить фотографии призраков. Представитель американского эфемерного общества нацепил на нос очки и поднес зажженную спичку к аккуратному мундиру гида призраков в надежде, что загоревшаяся материя вскроет надувательство. Гид уставился на фотолампу, слегка ошеломленный.

— Ах, вот как, — сказал он, — об этом будет доложено.

— Он ходит, он говорит, он играет на саксофоне! — вопил Дональд, стараясь перекричать всех. — Настоящие, неподдельные духи, ребята! Заходите прямо сюда, взгляните на настоящих духов!

— Откуда, черт побери, они явились? — хотел узнать один из репортеров, нахально протыкая двумя пальцами неодобрительное лицо гида. — Будь я проклят, если я их испугаюсь.

— Это предание, связанное с домом, — бойко объяснял Дональд. — Рассказывают, человек в мундире — это чудак-изобретатель, который жил здесь, пока не покончил с собой. В легенде говорится, что он был освобожден от военной службы, но носил этот мундир для очистки совести; он всегда утверждал, что изобретает военные машины для правительства. Видите тех людей позади него?

Все вытянули шеи, стараясь разглядеть туристов.

— Они были убиты! — хрипло прошептал Дональд. — По преданию, этот сумасшедший изобретатель убил их всех и замуровал трупы в стене. И каждую ночь он усаживает все привидения в эту идиотскую машину, которую, как он думает, он изобрел, и провозит их сквозь стены.

Новая толпа посетителей привлекла его внимание. Схватив шляпу с звенящими в ней монетами, Дональд с трудом пробился к двери.

— Заходите прямо сюда, ребята. Призраки здесь! Заходите прямо сюда и познакомьтесь с подлинными призраками в единственном доме с привидениями в городе! Каждую ночь…

В следующую субботу жена и дочь Дональда вернулись домой. Джуди поместили в новую спальню; вскоре она стала интересоваться ковбоями.

Гарри Уолтон
ТОТ, КТО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ
(Пер. с англ. И.Шуваловой)

Каждый раз, когда фары прорезали ночную тьму, Шмидт с надеждой поднимал голову, а его дочь автоматически вытирала несколько и без того сухих тарелок.

— Я думаю, кто-нибудь, наконец, остановится и поможет нам, — пробормотал он. — С шести часов вечера сидим как в колбе.

Снаружи пара огней свернула с дороги, пробежала бензоколонку и остановилась. Двое напряженно смотрели, как приближался мужской силуэт. Человек подошел к двери, резко распахнул ее.

— Кафе открыто? Отлично. Бензин не нужен. Но от кофе и какой-нибудь лепешки я бы не отказался.

Он был высок, молод и если не красив, то по крайней мере не безобразен, — обыкновенный средний представитель мужского пола.

Она зачерпнула кофе из старомодного котла. Шмидт слез со стула и пошел к двери. Дочь наблюдала за ним украдкой, стараясь, чтобы посетитель не заметил. Но он заметил.

— Закрываетесь? Я вас не задержу. Выпью кофе, а если дадите пару сандвичей — прихвачу с собой.

У двери Шмидт резко рванулся и отпрянул, согнувшись, как от невидимого удара.

— Мы открыты до полуночи, — сказала девушка. — Так что не спешите. Впрочем, это не имеет значения. То есть я хотела сказать, мы живем здесь.

Посетитель кивнул и принялся за сандвич. Шмидт вернулся. Когда он взбирался на стул, голова у него слегка тряслась.

Потянувшись за второй чашкой кофе, незнакомец заметил, что оба не сводят с него глаз.

— В чем, собственно, дело? На мне узоры или пятна?

Девушка попыталась улыбнуться и покачала головой. Он протянул ей доллар, и она отсчитала ему сдачу, как обычному клиенту.

— До свидания, — бросил он через плечо, пытаясь открыть дверь. Потом обернулся с улыбкой. — Ну, а в чем тут секрет? Я почувствовал неладное, как только вошел. Вы что, вставили в эту дверь бронебойное стекло? Что же ты хочешь, мой пончик?

Джекоб Шмидт покачал головой. Девушка ошеломленно молчала.

— Что все это значит? — грохотал незнакомец. — Что вам от меня нужно?! Это шантаж!

Шмидт положил ему на плечо руку с узловатыми венами.

— Это не шантаж. Хуже. Катастрофа. Да, это катастрофа, мистер…

— Эд Келланд.

— Посмотрите сюда, мистер Келланд, — сказала девушка, срывая со стола громадную скатерть. Потом оттащила стол в сторону. Там, где он только что стоял, плавал полуметровый светящийся куб.

Келланд обошел его со всех сторон, нагнулся и провел рукой под кубом. Подошел вплотную, хотел прикоснуться пальцем, но побоялся и тронул его карандашом. Карандаш задрожал, наткнувшись на упругую пустоту.

— Как эта штука сюда попала? — повернулся Келланд к Шмидтам.

— В шесть часов отец хотел выйти проверить насос и не смог. Дверь оказалась запертой. Потом я увидела это. Оно висело в воздухе и светилось под столом. Я накрыла стол скатертью, потому что нам было страшно смотреть на это.

— По-вашему, дверь заперта. А как же я вошел?

— Если бы мы могли предположить, что вам это удастся, то остановили бы вас. Неужели не понимаете? Мы хотели, чтобы нам кто-нибудь помог, а теперь сидим в одной ловушке.

Молодой человек вытер лоб платком сомнительной свежести.

— Такое, знаете, трудно проглотить сразу. А задняя дверь?

— Попробуйте сами. Сюда, за стойку.

Келланд поколебался, затем пошел к двери. Вернувшись, он шагнул к окну и попытался открыть ставню. Рука наткнулась на что-то упругое и гладкое. Невесело усмехнувшись, он отдернул руку.

— Может, попробуйте тесаком, — неуверенно произнес Шмидт. — Вот, посмотрите, еще с войны остался.

Келланд взял нож и встал перед дверью. Тяжелое лезвие сверкнуло в воздухе и беззвучно вошло в невидимый барьер. Еще и еще сыпались удары, сильные, но бесполезные. Наконец он вскрикнул, выронил тесак и стал дуть на ладонь.

— Черт побери, нож раскалился, как на огне. Похоже, ничего не выйдет. Эта невидимая стена прочна как камень.

Келланд походил перед дверью, все еще продолжая дуть на пальцы.

— А как насчет телефона?

— Мы об этом думали.

— Молчит, значит… И вы понятия не имеете, чьих рук это дело?

— Вы спрашиваете, кто мог сделать то, чего сделать нельзя? — возразил Шмидт устало. Келланд пожал плечами.

— Просто я хотел узнать, нет ли у вас идеи. Хотя бы самой невероятной идеи.

Ослепительный свет скользнул по стойке бара, дальней стене, пробежался по столам.

— Еще машина, — прошептала девушка.

Грузовик пронесся, не остановившись.

— Наверняка все это связано с полицией. Как в гангстерских фильмах, — сказал Шмидт. — После минутного молчания он добавил осторожно: — Разве что пуля возьмет это. Вообще-то у меня есть кольт… — Он замялся. — Так, на всякий случай, мало ли чего бывает…

— Понимаю. Давайте ваше приспособление.

Шмидт пошарил рукой в каком-то ящичке бара и вытащил здоровенный допотопный кольт.

Келланд усмехнулся и с ожесточением раздавил сигарету.

— Послушайте, выстрел вряд ли что изменит, но все же хочу попробовать.

Ему никто не ответил. Он подождал, пока фары очередной машины приблизились, взвел курок и выстрелил. Кафе содрогнулось от грохота. Неподалеку, скатившись с порога, лежал продолговатый предмет, от которого вился легкий дымок. Келланд схватил пулю носовым платком. Даже через платок он чувствовал, насколько она горяча. Горяча, но не деформирована!

— Думается, мы кое-что узнали, — сказал он задумчиво.

— Что даже пуля не может вылететь? — Шмидт покачал головой. — Это мало нам поможет.

— Еще как поможет! Стальная пуля, конечно, не сплющится, как свинцовая, но и на ней останутся следы, если на таком расстоянии она наткнется на что-то более плотное, чем кипа хлопка. Значит, это не материя, не вещество. Скорее силовое поле. Эх, черт! Хотел бы я вспомнить физику, ведь когда-то учил в колледже! Силовое поле… Силовое поле, пульсирующее в пространстве, невидимое, но достаточно реальное.

— А что это такое — силовое поле? — спросил Шмидт.

— Эдакая крепенькая ловушка материи… Только вот кем установлена? — Келланд бросил быстрый взгляд на Шмидта. — Как вас зовут?

— Джекоб. А мою дочь Кэти. Она учится в колледже…

— Так вот, мистер Джекоб. Пока мы одни, вы уж лучше

расскажите мне все.

— Не знаю, о чем вы…

— Знаете. Это я не знаю — пока. Выкладывайте!

Шмидт провел рукой по лицу.

— Я даже Кэти не рассказывал. Боялся, как бы она не подумала, что я…

— Теперь она уже не подумает.

Шмидт глубоко вздохнул.

— Это было позапрошлой ночью, после того как Генри Уилкокс рассказывал о летающем блюдце, а все хохотали над ним. В пятницу. В одиннадцать я запер насос. На небе был молодой месяц и туман, но не сильный. На обратном пути я увидел… ну как бы вам сказать…

— Что это было такое?

— Размером с дом, круглое или, может быть, как яйцо. Оно висело над домом. Туман мешал рассмотреть его как следует, но что-то, я клянусь, что-то там было. Оно не шумело и не светилось, но оно там было.

Келланд зажег сигарету и посмотрел на куб.

— Логично предположить, что силовое поле начинается от этой штуки. А если ее уничтожить?

— Как бы не так, — сказал Шмидт. — Вы к ней и прикоснуться-то не сможете.

Встав на колено перед кубом, Келланд ударил его тесаком. Лезвие скользнуло по невидимой гладкой поверхности.

— Похоже, так у нас ничего не выйдет. Вряд ли они оставили уязвимые места в этом поле…

— Что бы это могло быть? — Кэти взглянула Келланду в глаза. — И почему вы сказали «они»?

— Ни одна из существующих на земле машин не может висеть бесшумно. Вполне возможно, что видение вашего отца было чужого, неземного происхождения.

Девушка напряженно кивнула. И тут же спросила:

— А почему бы им не отправиться в Вашингтон, или в исследовательский центр, или даже в редакцию газеты, чем в придорожное кафе?

Келланд посмотрел на нее, размышляя.

— Попробуем рассуждать так: прежде чем отправиться туда, они захотели узнать кое-что о самых обыкновенных представителях человечества. Например, что мы делаем, попав в беду. Как реагируем на загадки за пределами нашего ежедневного быта. Возможно, они выбрали место наобум. Возможно, они посадили нас в ловушку и наблюдают за нами.

— Значит, остается только ждать?

— Не ждать. Думать! — взорвался Келланд. — И думать быстро. Если моя теория верна, то существует выход.

— Выход? — спросила Кэти. — Но почему?

— Потому что, очевидно, они не собираются куда-то увозить нас. Просто испытание на сообразительность. Когда мы изучаем животных, мы ставим перед ними проблему, которую они в состоянии решить. Мы привязываем бананы возле обезьяньей клетки там, где обезьяны не могут до них дотянуться. Или сажаем крысу в лабиринт, а пищу кладем снаружи. Но мы оставляем обезьяне палку сбить бананы, а крыса может найти выход из лабиринта.

Шмидт и дочь молчали. Келланд зашел за стойку, положил сигарету на газовую горелку и налил из крана стакан воды. Он пил медленно, наблюдая, как вьется от сигареты сизый дымок, и приводя в порядок свои мысли.

Вдруг он резко выпрямился, стакан выскользнул у него из рук. Куб начал пульсировать, разгораясь нестерпимо яркой белизной. Шмидт почувствовал, будто ему стиснули череп руками.

— У меня уши заложило, как в самолете при посадке, — с трудом выговорила Кэти.

— Посмотрите, — выдохнул Шмидт, — я не могу дотянуться до чашки на столике.

Столик стоял у стены. Келланд потянулся к чашке — и наткнулся на невидимый барьер.

— Кэти, проверьте барьер на той стороне, — скомандовал он. Вскочив на стул, он попытался дотронуться до потолка. Опять барьер. Вытащив свежую сигарету, Келланд помедлил и отбросил ее в сторону. Возможно, им еще пригодится каждая частица кислорода.

Кэти возвратилась.

— Около метра от окна. Что это значит?

— Это значит, что наше пространство сжимается, а количество воздуха для дыхания уменьшается. Это также означает, что связка бананов поднята повыше, чтобы посмотреть, как будут вести себя подопытные.

— Что же делать?

— Не знаю. Я все стараюсь припомнить что-то, но оно вылетело у меня из головы. Я стоял у плиты… пил воду…

— Да, вы положили сигарету и пили воду. Я, помню, смотрела, как дымок идет к вентилятору.

— Вот именно! К вентилятору! — Келланд двумя прыжками очутился за стойкой и уставился на маленький вентилятор. Он был вставлен в железный цилиндр, проходящий сквозь стену.

— Если дым выходил — а он выходил, — значит, барьер не перекрывал трубу. Вентилятор выгонял воздух, а свежий воздух шел через окно. Теперь по-другому. Они сузили барьер, и вентилятор остался снаружи.

Для наглядности он залез на стул. Его рука остановилась в полуметре от вентилятора.

— Каково бы ни было его происхождение, барьер суживается, сжимая воздух внутри. Вот почему у нас закладывает уши.

— Вы хотите сказать, что мы задохнемся?

— Возможно. Если не поймем, почему раньше воздух выходил.

— Дым всегда выходит сквозь это металлическое кольцо, — простодушно сказала Кэти.

— Верно, сквозь кольцо, сквозь пространство, ограниченное со всех сторон металлом. Как водосточная труба. Может быть, кольцо пробивает барьер? Есть в этом кафе хоть подобие кольца?

— Да, мистер Келланд, обруч от мешка с кофе, — сказала Кэти.

Она подняла крышку кофейного бака и сняла никелированное кольцо. Келланд встал на колени и поднес кольцо к барьеру.

Металл наткнулся на пустоту.

— Не вышло. — В голосе девушки прозвучало разочарование.

— Подождите. Его нужно держать параллельно стене.

Он почувствовал, как кольцо вошло в прозрачную непроницаемость. Держа руку внутри, он пронес кольцо сквозь барьер и вытянул обратно. Шмидт из-за стола завороженно наблюдал за ним.

— Убедились? — спросил Келланд. — Я думаю, вопрос ясен. Нужно кольцо достаточно большое, чтобы через него пролезть. — Он огляделся.

— Другого кольца нет, — печально сказала Кэти.

— А отвертка или хотя бы подобие ее найдется?

Кэти достала отвертку, и он стал обдирать металлические борта стойки. Борт распался на полоски длиной метра по два.

— Гвозди, — командовал Келланд, — молоток.

Он свернул ленту, скрепил гвоздями концы.

— На эту штуку не рассчитывайте, — предупредил он.

Кэти помогла ему поднять импровизированное кольцо и поднести к барьеру. Он установил его в исходное положение у невидимой стены. На лбу у него выступил пот.

— Сопротивляется, — проворчал он. — Барахло это, а не кольцо.

Неожиданно приспособление вошло в барьер. Келланд издал

победный клич, тотчас же сменившийся криком боли. Он отдернул руки, и раскаленная докрасна железная лента упала на пол. Кэти побежала за маслом для его обожженных рук.

— Все равно мы на верном пути, — бормотал Келланд. — Поле возбуждает ток в цилиндре, и цилиндр нагревается. Значит, нужно другое кольцо, потолще. И достаточно большое, чтобы через него можно было пролезть. Это Сезам из проклятой ловушки. Но пока у нас только это.

Он указал на кольцо от кофейного мешка. Его движение как бы выпустило злого джинна. Вторая волна сжатия, намного сильнее первой, сдавила барабанные перепонки. Закричал Шмидт. Он рванулся и, как помешанный, бросился в соседнюю комнату. То была кладовая, забитая консервными банками, садовым инвентарем, мешками с картофелем. Барьер проходил уже возле дверей в кладовую. Шмидт остервенело кидался на него, и его пальцы яростно рвали пустоту.

— Спокойно, спокойно, — сказал Келланд, беря его за плечо. — Что вы там хотели взять?

От его прикосновения Шмидт как будто успокоился.

— Там кольцо, и оно нам нужно.

— Вижу! Обод от старого колеса! — завопил Келланд. — Ну конечно же!

Это был обод от колес тарантаса начала века, пылившийся в углу кладовой.

— Мы должны его достать, — заявил Келланд, обращаясь к Кэти. — Еще одно сжатие — и в ту комнату вообще не попадешь. Но как?

— Используйте это, — сказала Кэти, подавая Келланду никелированное кольцо. — Просуньте в него мотыгу или палку.

Келланд встал на колени и осторожно приладил кольцо к невидимой стене. Обеими руками он ввел в него острие мотыги, осторожно зацепил мешок картофеля, лежащий на ободе, и свалил его в сторону. Нацепив обод на рукоятку мотыги, он быстро протащил его через барьер.

— Вы первая, — сказал Келланд. Он ввел обод в поле.

— Не надо, пожалуйста. — Отец оттянул Кэти в сторону. — Мы еще не знаем, что случится с человеком, когда он пойдет через поле. Я пойду первым.

Шмидт опустился на корточки, сунул голову и плечи в громадный обод и пролез сквозь него. Как бы удивленный столь легким успехом, он встал на ноги по ту сторону барьера и уставился на остальных. Затем он повернулся и пошел к двери, вытянув перед собой руки. Ничто ему не препятствовало, и он вышел наружу, но тотчас же вернулся.

Келланд повернулся к Кэти.

— Ваш отец ждет вас.

Кэти зарыдала. Потом она нагнулась, опустилась на корточки и поползла. Отец взял ее за руку и помог подняться.

Обод в руках Келланда был теплым, но не горячим. Какова бы ни была природа энергии барьера, толстый обод с ней справлялся. Келланд никак не мог прогнать мысль, что поле ослабло, даже исчезло. Но когда он попробовал руками вокруг, то убедился, что наваждение все еще тут, рядом, и только обод образовал остров в этом море невидимого вещества.

Они вышли на шоссе. Рядом светилось кафе, похожее на завернутую в целлофан игрушку. В теплом вечернем воздухе исчезло все, что казалось фантастическим и страшным.

— Просто не верится. Кошмар какой-то! — сказала Кэти.

— Кошмары страшны, когда они реальны, — возразил Келланд. — Вы умеете водить машину?

Она удивленно кивнула.

— Вот, возьмите ключи. Идите в машину и ждите.

— Что вы задумали?

— Хочу еще разок взглянуть на это.

Он говорил нарочито беззаботным тоном. На самом деле он чувствовал себя далеко не так спокойно. Но он знал, что ничто на свете, даже реальная угроза смерти, не заставит его отказаться от мысли разгадать химеру. Кэти, должно быть, все поняла. Она больше не произнесла ни слова, повернулась и повела отца к машине. Келланд вернулся, приладил обод и проник за барьер.

Белый куб тихо подрагивал в воздухе. Была ли это загадка? Было ли что открывать?

Все еще неся в руках обод, чтобы обеспечить себе выход, Келланд подошел к кубу. Что, если это силовой щит, скрывающий некое существо, которое настороженно и зорко наблюдает из-за матовой, тускло поблескивающей оболочки за ним, Келландом? А может быть, куб — барьер в барьере, более концентрированное поле того же рода, что и большое?

Подчиняясь внезапному побуждению, Келланд поднял обод обеими руками и бросил на куб. На мгновение ему показалось, будто время остановилось, и в этой замершей машине времени только сердце человека бьется сильными и болезненными толчками.

Обод не упал. Он закачался в воздухе над кубом, тотчас же разгоревшись до красного каления. Келланд отступил на шаг. Обод опустился еще немного, и в воздухе запахло горячим металлом. Ослепительно белое сияние куба потускнело. Затем обод раскалился еще больше, а куб внезапно потух.

Келланд отошел подальше.

И тогда куб двинулся. Он поднялся, вернее старался подняться, будто стремясь сбросить с себя груз. Обод поднялся вместе с ним как бы на воздушной подушке. Яростный белый круг блестел каплями расплавленного металла. С последней вспышкой неяркого света куб погрузился в странную красноватую темноту. Обод упал на пол. Что-то еще упало. Что-то внутри раскаленного кольца, вспыхнувшего языками пламени погребального костра. Келланд поспешно схватил со стойки ведро воды и выплеснул на пламя. Пар с шипением и свистом образовал густое облако, огонь погас.

Когда белый туман рассеялся, он ясно увидел внутри обода это. Крохотное эфемерное тельце было раздавлено, как под ударом гигантского кулака. Тонкие голубые кости прорвали кожу. То, что могло быть конечностями, было изуродовано и сморщено в смертной агонии. Но Келланд мог поклясться, что существо убила не жара, а нечто другое, для чего этот хрупкий каркас не предназначался. Нечто совсем другое, что никогда не позволит существам подобного рода отнять у человека права, данные ему при рождении.

— Давление воздушного столба, — пробормотал Келланд. — Куб был его батисферой. Как только он разрушился, существо погибло.

Теперь ничто не мешало ему вернуться к машине.

Гарри Гаррисон
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ
(Пер. с англ. А.Чапковского)

Ровно в девять почта открылась, и первые посетителя прошли внутрь. Говардс все знал, но, разворачивая на прилавке свою Книгу, не удержался и бросил беспокойный взгляд на большие стенные часы. Почему? Начинался обычный день, ничего особенного. Стоило длинной черной стрелке пройти еще одно деление, как страх скрылся в самой глубине его сознания.

Еще один день — чего так волноваться? Он нервно усмехнулся, отомкнул ключом стоящий перед ним мультифранк и увидел, как двое людей одновременно подошли к прилавку.

— Я хочу отправить вот это письмо в Сьерра-Леоне, — сказал мужчина.

— Двухкредитную страховую марку, пожалуйста, — сказала женщина.

Они вдруг начали пререкаться, выясняя, кто подошел первым, потом перешли на крик. Говардс положил левую руку на Книгу и поднял правую.

— Перестаньте, — сказал он, и они умолкли, почувствовав власть в его голосе. — Согласно пункту В-864/234 Книги Почтовых Правил, все разногласия и споры решает почтовый служащий. Дамы обслуживаются первыми. Вот ваша марка, мадам.

Мужчина отступил, женщина робко протянула страховую книжку — он уже держал палец на пусковой кнопке. Взяв свободной рукой книжку, он просунул страницу в прорезь и нажал кнопку.

— С вас двадцать два восемьдесят, мадам, — кредитки легли в ящик кассы, сдача зазвенела в тарелочке на прилавке.

— Следующий, — бросил он чуть снисходительно.

Мужчина не возражал: он понимал, что спорить нечего. Не стоит. Против Книги не пойдешь. Когда он отошел, Говардсу пришло на ум, что день начался немного хлопотно. Но почему так противно сосет под ложечкой? Непонятно. Он потер бок рукой.

Рыжий детина, заросший густой черной бородой, загородил собой окошко.

— Знаешь, что это? — прорычал он.

— Конечно, — ответил Говардс. (Уж не дрогнул ли его голос?) — Это игольчатый пистолет.

— Верно, — детина шипел, как сработавший баллон с ядовитыми газами. — Выстрела никто не услышит, а игла проткнет тебя с такой скоростью, что гидростатическая волна обеспечит паралич нервной системы. Ну как?

— Что вам надо?

— Четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов, поживее!

— Но у меня нет столько. В кассу поступает…

— Идиот! Я все знаю. На сумму выше пяти тысяч кредитов требуется специальное разрешение. Поэтому — четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов. Ну!

— Минуту, — с готовностью сказал Говардс, он нажал клавиши и сосчитал вслух: — Четыре, девять, девять, девять…

— Теперь пусковую кнопку!

На какое-то мгновение Говардс замешкался, потом задержал дыхание и надавил кнопку.

На тарелочке послышался звон мелочи, человек опустил глаза, и струя белого пара ударила ему в лицо.

Он вскрикнул, скорчился и упал — отравляющие, нервно-паралитические и нарывные вещества одновременно ударили в него.

— Кретин, — пробормотал Говардс, прикрыв лицо платком и отступив на шаг. — Служба Безопасности сработала, как только я набрал четыреста девяносто девять миллионов девятьсот тысяч кредитов. Простой фокус со знаком.

День как день, но откуда же это чувство?

— Помогите мне, — услышал он женский голос.

— Конечно, мадам. — Откуда она взялась так быстро?

— Вот мое пенсионное удостоверение, — дрожащая рука, вся в шелухе, протянула замызганную и драную книжку. — Мне не платят по ней деньги.

— Причитающиеся деньги всегда платят, — сказал Говардс, брезгливо раскрывая двумя пальцами засаленную книжку. Он указал на вырванную страницу: — Вот в чем дело. Не хватает страницы. Книжка станет действительной, если вы заполните бланк 925/1к/43.

— Я уже заполнила, — сказала женщина, чуть не швыряя в него еще более мятую и грязную бумажку.

Говардс положил бумагу перед собой, надеясь, что его чувства не отражаются на лице.

— Все верно, мадам, но бумага не полностью заполнена. Вот здесь надо проставить номер страховки вашего мужа.

— Я не знаю его номера! — закричала женщина, вцепившись в край прилавка. — Он умер, и все его бумаги пропали.

— В таком случае вы должны заполнить бланк 276/ро/67 — заявление в соответствующие инстанции для получения необходимых сведений. — Он вернул бумагу, выдавливая из себя вежливую улыбку. — Вы можете получить этот бланк…

— Я прежде помру, — завопила женщина, она бросила в воздух все бумаги, и они замелькали вокруг словно грязные конфетти. — Я уже неделю не ела. Я требую справедливости. У меня нет денег на хлеб…

— Мне бы очень хотелось помочь вам, мадам, но я не имею права. Вы должны заполнить бланк заявления Чрезвычайному Уполномоченному…

— Я прежде помру, — хрипела женщина, просовывая голову в окошко. — Для вас бумажки дороже людей! Я себе так и сказала: покончу с собой, если не достану сегодня денег на пропитание. Спасите меня!

— Пожалуйста, не угрожайте! Я сделал, что мог.

Так ли это? Не должен ли он был позвать какое-нибудь начальство? Правильно ли он сделал…

— Лучше я умру сразу, чем буду подыхать медленной голодной смертью.

В ее руках оказался длинный хлебный нож, которым она взмахнула перед ним. Угроза? Полагается ли в этом случае вызывать охрану?

— Я не могу, — выдавил из себя Говардс, его пальцы нервно и нерешительно засновали по клавишам. Охрану? Полицию?

— Раз так, я умираю и не пожалею об этом мире!

Она положила руку вверх ладонью на прилавок и страшным ударом ножа располосовала запястье. Из раны хлынула кровь.

— Что вы сделали? — закричал он, сжав кулаки. Она завопила, взмахнула рукой, кровь брызнула на него и залила прилавок.

— Книга! — застонал он. — Вы залили кровью Книгу. Что вы наделали!

Он схватил Книгу и принялся вытирать ее платком, но тут вспомнил, что до сих пор не вызвал врача. На мгновение он замешкался, потом отложил Книгу и бросился на место. Все вокруг было залито кровью — может быть, он совершил ошибку? — женщины возле прилавка не было, но он слышал ее всхлипывания.

— Скорую помощь, — говорил он в микрофон. — Необходима срочная медицинская помощь. Немедленно.

Должен ли он был что-нибудь сделать для нее? Он не имел права оставлять свое место. И везде кровь — на руках и рубашке. Он в ужасе оглядел свои руки.

Что у него с руками? Может быть, он забыл что-то, что должен помнить? В памяти словно отзвук пронеслись какие-то воспоминания — какие воспоминания? Все в порядке: он сидит на своем месте, рука лежит на Книге, а перед ним — сияющий мультифранк. На своем месте… Конечно, на своем — но почему снова это чувство, отдаленное, пугающее воспоминание, что все на самом деле не так?

Почему он глядит на свои руки?

Говардс передернулся, открыл мультифранк, включил его, сбросил цифры, щелкнул пробным и рабочим выключателями, а когда загорелся зеленый свет, поглядел на циферблат и набрал: 4.999…

Что-то не то. Почему он так сделал? Украдкой оглянувшись, он тотчас сбросил цифры. Длинная черная стрелка часов передвинулась еще на одно деление, замерла на вертикали и тут же перед его окном выросла громадная очередь. Люди тесно прижались друг к другу и молча глядели на него, только в конце очереди раздавались приглушенные голоса.

— Доброе утро, сэр, — обратился он к розоволицему джентльмену, стоявшему впереди. — Чем могу…

— Давайте без разговоров. Надо работать, а не языком чесать. Это заказное письмо надо послать в Капителло, в Италию. Сколько с меня?

— Это зависит… — начал Говардс.

— От чего зависит, черт возьми? Мне надо письмо отправлять, а не байки слушать.

По толпе пробежал нетерпеливый ропот, и Говардс, деланно улыбнувшись, сказал:

— Это зависит от веса, сэр. Заказные письма доставляются орбитальной ракетой, и оплата зависит от веса.

— Тогда, черт возьми, кончайте наконец болтать и взвесьте его, — он протянул письмо Говардсу.

Говардс взял письмо, просунул его в прорезь и назвал цифру.

— Это просто черт знает как дорого! Я только вчера посылал письмо в Капителло — обошлось гораздо дешевле.

— Возможно, оно весило меньше, сэр.

— По-вашему, выходит, я вру? — кричал розоволицый джентльмен, все больше наливаясь краской.

— Что вы, сэр, я просто сказал, что раз отправка письма стоила дешевле, значит, его вес был меньше…

— Какая наглость — называть человека лжецом! Вам это так не пройдет! Я хочу немедленно поговорить с начальником смены!

— Начальник смены не принимает посетителей. Если вам угодно подать жалобу, то пройдите в Бюро Жалоб — Комната

восемь тысяч девятьсот тридцать четыре.

Появился долговязый рыжий парень.

— Я бы хотел дать телеграмму моему дяде: «Дорогой дядя, срочно вышли сто кредитов…»

— Заполните, пожалуйста, бланк, — сказал Говардс, нажимая кнопку, подающую бланки в наружный ящик.

— Но я не могу, — сказал парень, протягивая ему обе руки — они были в бинтах и гипсе. — Я не могу писать, но могу продиктовать вам: «Дорогой дядя…»

— Я очень сожалею, но мы не принимаем телеграмм под диктовку. Вы можете это сделать по любому телефону.

— Но я не могу опустить монету в автомат. Очень коротко: «Дорогой дядя…»

— Бесчеловечная жестокость, — возмутилась стоявшая следом девушка.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал Говардс, — но это запрещено правилами. Я уверен, что кто-нибудь из стоящих в конце очереди заполнит вам бланк, а я с радостью приму телеграмму.

— Как вы все разом разрешили! — улыбнулась девушка. Она была очень хороша, и стоило ей немного наклониться, как ее грудь легла на прилавок. — Я хочу купить несколько марок.

Говардс улыбнулся в ответ:

— Я был бы очень рад помочь вам, мисс, — но почта больше не выпускает марок. Стоимость отправления печатается прямо на конверте.

— Очень разумно. Тогда, может быть, у вас на складе найдутся юбилейные марки?

— Это другое дело. Продажа юбилейных марок разрешается согласно пункту У-23Н/48 Книги.

— Как вы образованны — просто прелесть. Тогда, пожалуйста, выпуск, посвященный Столетию Автоматической Службы Пеленок.

— Какое хамство — спроваживать людей! — закричал розоволицый джентльмен, просовываясь в окошко. — Комната восемь тысяч девятьсот сорок четыре заперта.

— Совершенно точно. — Комната восемь тысяч девятьсот сорок четыре заперта, — холодно сказал Говардс, — И мне неизвестно, что происходит в Комнате восемь тысяч девятьсот сорок четыре. Бюро Жалоб находится в Комнате восемь тысяч девятьсот тридцать четыре.

— Тогда какого черта вы посылаете меня в восемь тысяч девятьсот сорок четвертую Комнату?

— Я вас не посылал туда.

— Посылали!

— Нет, нет. Я не мог сделать такой ошибки.

Ошибка? Мелькнуло в мозгу Говардса. О нет, ни за что.

— Прошу прощения, я ошибся, — побледнев, обратился он к девушке. — Недавно выпущено специальное указание, запрещающее торговлю юбилейными марками на почте.

— Ну, какая разница, — сказала девушка, игриво надув губы. — Я прошу всего несколько малюсеньких марочек…

— Поверьте, будь это в моей власти, я был бы счастлив сделать для вас все, но нарушать правила я не могу.

— А посылки бить вы можете? — рассерженный верзила оттолкнул девушку и швырнул на прилавок сверток. Сверток источал отвратительный запах.

— Я уверяю вас, сэр, что это не я разбил.

— Мой сын говорит, что разбили вы.

— Тем не менее, это не так.

— Выходит, мой мальчик врет! — заревел мужчина и, перегнувшись через прилавок, сгреб Говардса за грудки.

— Перестаньте, — выдавил из себя Говардс, вырываясь, и услыхал, как затрещала материя. Он нашарил кнопку вызова охраны и надавил ее. Кнопка отломилась и упала. Говардс рванулся сильнее — клок рубашки остался в руках верзилы.

— Марку, пожалуйста, — услыхал он, и письмо полетело в прорезь.

— Два кредита, — сказал Говардс, изо всех сил нажимая кнопку аварийного вызова, потом принял письмо.

— Вы сказали. Комната восемь тысяч четыреста сорок четыре! — не унимался розоволицый.

— Так с техникой не обращаются, — раздраженно заявил монтер, появившийся подле Говардса.

— Но я только дотронулся до кнопки, как она отлетела.

— Эти машины не ломаются.

— Помогите мне, — просила хрупкая старушонка, просовывая дрожащей рукой замызганную и драную книжку.

— Причитающиеся деньги всегда выплачивают, — сказал Говардс, на мгновение закрывая глаза. — Почему? — и потянулся за книжкой. Он поймал взглядом детину, проталкивающегося к прилавку, — косматая черная борода и зверское выражение лица.

— Я знаю… — начал Говардс и смолк. Что он знает? Что-то напряглось в его мозгу, словно желая вырваться вон.

— Знаешь, что это? Игольчатый пистолет.

— Комната восемь тысяч девятьсот сорок четыре!

В отчаянии Говардс схватился за голову, даже не сознавая, кричит ли он или слышит чей-то крик.

Спасительный мрак поглотил его.

— Теперь глотните вот этого, и через минуту все пройдет.

Говардс взял чашку, которую Экзаменатор протянул ему, и с удивлением заметил, что одной рукой ему с ней не справиться. Руки были покрыты крупными градинами пота. Он отхлебнул немного, и шлем, поднявшись над его головой, исчез в выемке потолка.

— Экзамен… вы будете приступать к нему?

Экзаменатор усмехнулся и облокотился на стол.

— Обычный вопрос, — сказал он. — Экзамен кончен.

— Я ничего не помню. Шлем словно опустили, а потом снова подняли. Но у меня мокрые руки, — он поглядел на них, потом вздрогнул — до него все дошло. — Экзамен кончен. И я…

— Имейте терпение, — важно произнес Экзаменатор. — Результаты необходимо проанализировать, сравнить, потом дать ответ. Даже электронная обработка требует времени. Не стоит возмущаться.

— Что вы, я вовсе не возмущаюсь, — поспешно заверил его Говардс, потупив взгляд. — Я очень благодарен.

— Еще бы. Подумайте только о том, как все это делалось прежде. На устные и письменные экзамены уходили часы, а лучшие отметки получали зубрилы. Теперь зубрежка не поможет.

— Я знаю, Экзаменатор.

— Минутное отключение — и машина прощупывает вас, задает ситуации и следит за вашей реакцией на них. Реальные ситуации, с которыми может столкнуться почтовый служащий, выполняя свои обычные обязанности.

— Да, обычные обязанности, — повторил Говардс, хмуро поглядел на свои руки и быстро их вытер.

Экзаменатор поглядел на цифры, бегавшие по вмонтированному в стол экрану.

— Я ожидал от вас большего, Говардс, — строго сказал он. — В этом году вы не будете почтовым служащим.

— Но… я был уверен… двенадцатый раз…

— Быть служащим — это больше, чем просто знать Книгу. Идите. Учитесь. Думайте. Ваших знаний оказалось достаточно, чтобы продолжить обучение на год. Больше работайте. Почти никому из обучающихся не разрешалось учиться пятнадцать лет.

— Жена просила меня спросить вас, мы ведь не молодеем. Разрешение на ребенка…

— Не может быть и речи. Во-первых, перенаселение, во-вторых, ваше положение. Будь вы служащим, мы бы могли рассмотреть вашу просьбу.

— Но ведь служащих так мало, — искательно сказал Говардс.

— Как и вакансий. Радуйтесь, что ваше обучение продолжается, и вы не потеряли питания и квартиры. Вы знаете, что такое быть Кандидатом в безработные?

— Спасибо, сэр. До свидания, сэр: Вы были очень добры.

Говардс быстро захлопнул дверь. Почему ему все еще кажется, что его руки в крови? Он встряхнул головой, желая забыться.

Нелегко будет рассказать об этом Доре. Она так надеялась.

Но Книгу ему, по крайней мере, оставили. И весь год он сможет ее учить. Это хорошо. И в Книге будут новые дополнения и разъяснения — это тоже хорошо.

Проходя в коридоре мимо почты, он опустил глаза.

Чарльз Бомонт
КРАСИВЫЕ ЛЮДИ (Пер. с англ. С.Васильевой)

Мэри не шелохнулась, когда на ее глазах у красивого мужчины взрывом оторвало ноги и в полыхающей заревом ночи огромный космолет начал деформироваться и разваливаться на части. Она беспокойно шевельнулась, видя, как в ужасающем безмолвии, медленно, точно во сне, поплыли вперемешку с обломками космолета искромсанные человеческие тела. Но когда на людей обрушился метеоритный ливень, разрывая плоть и раскалывая кости, Мэри зажмурилась:

— Мама!

Миссис Кьюберли оторвала взгляд от журнала.

— Нам еще долго ждать?

— Не думаю. А что?

Мэри молча кивнула на стену-экран.

— Ах, вот в чем дело. — Миссис Кьюберли рассмеялась и покачала головой: — Это же старый, давно надоевший фильм. Почитай лучше журнал, как я.

— Мама, а экран обязательно должен быть включен?

— Вроде бы никто на него не смотрит. Пожалуй, доктор не рассердится, если я выключу.

Миссис Кьюберли встала с дивана и подошла к стене. Она нажала маленькую кнопку, и изображение, вспыхнув и замерцав, исчезло.

Мэри открыла глаза.

— Честно говоря, — сказала миссис Кьюберли сидевшей рядом с ней женщине, — я думала, они покажут что-нибудь другое. Ведь мы могли бы посмотреть историю первой высадки на Марс в музее.

Не отрывая глаз от журнальной страницы, женщина произнесла:

— Это идея доктора. Психологический прием.

Миссис Кьюберли приоткрыла рот и понимающе кивнула:

— Мне следовало догадаться, что это неспроста. Но кто смотрит фильм?

— Дети. Он заставляет их задуматься, пробуждает в них чувство благодарности или еще какие-нибудь возвышенные эмоции.

— А! Да, конечно.

Мэри взяла журнал и перелистала его. Сплошь одни фотографии: мужчины и женщины. Женщины, похожие на мать и на других, сидевших сейчас вместе с ней в приемной. И мужчины с великолепно развитой мускулатурой и блестящими густыми волосами. Женщины и мужчины, все одинаково совершенные физически и красивые.

— Мама…

— Ну, что еще! Неужели ты не можешь посидеть минутку спокойно?

— Но мы здесь уже три часа. Разве это так уж необходимо?

— Не будь дурочкой, Мэри. После всех тех ужасов, что ты мне наговорила, без этого никак не обойтись.

В приемную вошла женщина с оливкового цвета кожей, одетая в прозрачную белую униформу:

— Кьюберли. Миссис Зена Кьюберли!

— Это я.

— Доктор вас ждет.

Миссис Кьюберли взяла Мэри за руку, и они пошли вслед за сестрой по длинному коридору.

Мужчина, которому на вид можно было дать лет двадцать пять — двадцать семь, оторвал взгляд от письменного стола. Он улыбнулся и жестом указал на стоявшие неподалеку от него два стула:

— Я вас слушаю.

— Доктор Хортел, я…

Доктор прищелкнул пальцами:

— Да, да, знаю. Ваша дочь, И я знаю, что вас беспокоит. Их сейчас так много, что я трачу на это большую часть времени.

Он повернул свое красивое лицо к Мэри:

— Сколько тебе лет, девочка?

— Восемнадцать, сэр.

— Ого, вот так нетерпение! Ну, ясно, уже пора. А как тебя зовут?

— Мэри.

— Очаровательное имя! И такое необычное. Я, Мэри, беру на себя смелость сказать, что понимаю причину твоего беспокойства, понимаю целиком и полностью.

Миссис Кьюберли улыбнулась и разгладила металлическое шитье на своем жакете.

— Сударыня, вы не знаете, сколько в наше время таких, как ваша дочь. Одна девочка, как я помню, настолько была выбита из колеи, что, забросив все свои дела, целыми днями только и делала, что предавалась горестным размышлениям.

— Именно это и происходит с Мэри. Когда она, наконец, во

всем мне призналась, доктор, я подумала, что она сошла… ну, вы понимаете.

— Дела ваши настолько плохи? Боюсь, что нам придется ввести новую программу образования, и побыстрей, иначе они все станут такими.

— Я вас не совсем понимаю, доктор.

— Дети, миссис Кьюберли, должны быть как следует проинструктированы. Как следует! Многое у нас считается само собой разумеющимся, а детский ум не воспринимает ряд явлений без четкого объяснения.

— Разумеется, но какое это имеет отношение к…

— Мэри, как приблизительно половина шестнадцати —, семнадцати —, восемнадцатилетних, становится болезненно застенчивой. Ей кажется, что ее тело достаточно развилось и готово к Трансформации, а на самом деле это не так. Мэри видит вас, окружающих ее женщин, фотографии, а потом смотрится в зеркало и приходит в ужас. Она спрашивает себя: «Почему я должна быть безобразной, неуклюжей, непропорционально сложенной?»

— Но… — начала миссис Кьюберли.

— Эта сторона вопроса вам, несомненно, понятна. Итак, Мэри, твой протест направлен против того, что мы не даем тебе и твоим сверстникам убедительных, логически обоснованных объяснений, почему нужно ждать до девятнадцати лет.

— Нет, нет, доктор! — вскричала миссис Кьюберли. — У нас все наоборот.

— Прошу прощения, сударыня?

— Дело в том, что вы меня неправильно поняли. Мэри, скажи доктору то, о чем ты говорила мне.

Мэри беспокойно заерзала на стуле:

— Понимаете, доктор, я… я не хочу этого.

У доктора отвисла челюсть:

— Что ты сказала? Повтори, пожалуйста.

— Я сказала, что не хочу подвергаться Трансформации.

— Невероятно! Такое я слышу впервые в жизни. Ты шутишь, девочка!

Мэри отрицательно покачала головой.

— Вы видите, доктор. Что это может быть?

Доктор поцокал языком и достал из маленького шкафчика опутанную проводами черную коробку с множеством кнопок и дисков. Он укрепил на голове Мэри черные зажимы.

— О нет, не думаете же вы…

— Сейчас увидим.

Доктор повернул несколько дисков и взглянул на лампочку в

центре крышки коробки. Она не зажглась. Он снял с головы Мэри зажимы.

— Ну и ну, — произнес он. — Ваша дочь, миссис Кьюберли, совершенно здорова.

— Тогда что же это?

— Быть может, она лжет.

Еще несколько тестов. Еще несколько каких-то аппаратов. И еще несколько отрицательных результатов.

— Девочка, ты и впрямь хочешь убедить нас, что предпочитаешь вот это тело? — спросил красивый мужчина.

— Оно мне нравится. Это… трудно объяснить, но ведь это я — вот что для меня важно. Мне нравится не моя внешность, а то, что это я.

— Миссис Кьюберли, — произнес доктор, — пусть с Мэри серьезно побеседует ваш муж.

— Мой муж погиб. Катастрофа у Ганимеда.

— О, какая героическая смерть! Значит, он был космонавтом, да? — Доктор почесал щеку. — Когда она впервые заговорила об этом?

— Да довольно давно. Я раньше относила это за счет того, что она еще совсем ребенок. Но позже, когда приблизилось время, решила все-таки обратиться к вам.

— Да, да, конечно, очень разумно. Мм… а ведет она себя тоже странно?

— Однажды ночью я нашла ее на втором уровне. Она лежала на полу и, когда я спросила, что она делает, ответила, что пытается заснуть.

Мэри вздрогнула. Она пожалела, что мать знает об этом.

— Вы сказали «заснуть»?

— Совершенно верно.

— Но кто мог подать ей такую идею?

— Понятия не имею.

— Мэри, ты ведь знаешь, что в наше время никто не спит. Что теперь, когда побеждено это бесполезное, бессознательное состояние, в нашем распоряжении неизмеримо больший период жизни, чем у наших бедных предков. Дитя, ты в самом деле спала? Ни один человек теперь не знает, как это делается.

— Нет, сэр, но чуть было не заснула.

Доктор выдохнул струю воздуха:

— Но почему ты пыталась делать то, о чем люди давным-давно забыли?

— Это было так красиво описано в книге, что сон показался мне приятным занятием. Вот и все.

— Где? В книге? Неужели в вашем блоке, сударыня, есть

книги?

— Возможно. Я давно не занимаюсь уборкой.

— Удивительное дело. Уже много лет я не видел ни одной книги.

Во взгляде Мэри отразилась тревога.

— Но почему тебе понадобилось читать книги, когда есть видеоленты? Где ты их достала?

— Это папины книги. Ему передал их его отец, а дедушке — прадед. Папа говорил, что они лучше, чем видеоленты, и был прав.

Миссис Кьюберли вспыхнула:

— Мой муж был несколько странным человеком, доктор Хортел. Он хранил эти книги, несмотря на все мои возражения.

Атлетически сложенный доктор подошел к другому шкафу и взял одну из стоявших на полке бутылочек. Из нее он высыпал на ладонь две большие пилюли и проглотил их.

— Сон… книги… не хочет подвергнуться Трансформации… Миссис Кьюберли, дорогая моя, это очень серьезно. Я буду вам признателен, если вы смените психиатра. Видите ли, я очень занят, а ваша проблема весьма специфична. Я советую обратиться в Центральный Купол. Там много прекрасных врачей. До свидания.

Мэри рассматривала свое отражение в зеркальной стене. Сидя на полу, она принимала различные позы и разглядывала себя в профиль, фас, во весь рост, обнаженной, в одежде. Потом она взяла журнал, просмотрела его и вздохнула:

— Ну-ка, зеркальце, скажи…

Слова как-то неуверенно просочились в ее сознание и сорвались с губ. Она вспомнила, что узнала их не из книги. Эти слова говорил отец, «цитировал», по его выражению. Но, однако, это были строчки из книги… «Кто прекрасней всех…»

На туалетном столике стоял портрет матери, и Мэри внимательно в него вгляделась. Она долго смотрела на изящную шею безукоризненной формы. Золотистая кожа, гладкая, без единого пятнышка, без морщин и без возраста. Темно-карие глаза и тонкие дуги бровей, длинные черные ресницы. Черты лица абсолютно симметричны. Равнодушный рот, фиолетовый на золотистом фоне, белые сверкающие зубы. Мать — красивая трансформированная мать. И назад — к зеркалу:

— «…прекрасней всех на свете?..»

Молодая, довольно полная девушка, ни грации, ни ритма линий. Пористая кожа, припухшие веки, красная сыпь на лбу. Бесформенные пряди волос, спускающиеся на бесформенные плечи и бесформенное тело.

Мэри задумалась, стараясь вспомнить, что именно говорили отец и дедушка. Почему они считали Трансформацию вредной и почему она, Мэри, тогда поверила им и полностью с ними согласилась? Хоть она не все поняла, но они были правы. Правы! И когда-нибудь она поймет все до конца.

Миссис Кьюберли громко хлопнула дверью, и Мэри вскочила на ноги.

— Не так уж дорого включать окна. Ты что, даже не хочешь видеть людей?

— Нет. Это мне мешает думать.

— Так вот, Мэри, пора с этим кончать. Ты так огорчила доктора Хортела. Он ведь теперь откажется меня принять, а ты меня ежедневно травмируешь.

Миссис Кьюберли села на диван и аккуратно положила ногу на ногу:

— Почему ты опять лежала на полу?

— Я пыталась заснуть.

— Чтоб я больше этого не слышала! Почему тебе взбрела в голову такая глупость?

— Книги…

— Ты не должна читать эти отвратительные книги.

— Мама…

— В блоке полно видеолент, полным-полно! Каких угодно!

Мэри упрямо выпятила нижнюю губу:

— Но я не хочу смотреть их!

Миссис Кьюберли вскочила с дивана, схватила книги, лежавшие в углу, и те, что стояли в стенном шкафу. Она вынесла их из комнаты и бросила в лифт. Повинуясь кнопке, двери закрылись.

— Я знала, что ты это сделаешь, — медленно произнесла Мэри, — и поэтому почти все хорошие книги я спрятала. Там, где ты их никогда не найдешь!

Она тяжело дышала, сердце ее неистово колотилось.

Миссис Кьюберли прижала к глазам шелковый платочек:

— Не знаю, чем только я это заслужила!

— Что заслужила, мама? Разве я делаю что-нибудь дурное?

Мысли Мэри смешались и текли теперь слабым ручейком.

— Что? — со слезами вскричала миссис Кьюберли, — Что ты сказала? Ты думаешь, мне хочется, чтобы люди показывали на тебя пальцем?

Голос ее внезапно смягчился, в нем зазвучала мольба:

— А ты не передумала, дорогая?

— Нет.

— Ты же знаешь, это совсем не больно. Они только снимают

немного кожи и заменяют ее другой, дают таблетки, делают электронные процедуры и еще что-то похожее.

— Нет.

— Если тебя пугает обработка костей, так это же не больно. Делают укол, а когда человек просыпается, его костям уже придана нужная форма с учетом индивидуальности.

— Мне безразлично.

— Но почему же?

— Я нравлюсь себе такой, какая я есть.

— Ты так уродлива, дорогая! Даже доктор Хортел заметил это. А мистер Уилмс на заводе сказал кому-то, что, по его мнению, ты самая некрасивая девушка из всех, которых он видел.

— А папа говорил, что я красивая.

— Ну что ты, милочка! У тебя, правда, неплохие глаза, но…

— Папа говорил, что истинная красота не во внешности человека, а в его душе. Он говорил еще многое другое, и, когда я прочла книги, я поняла, что он прав…

На стене вспыхнула и замерцала лампочка. Миссис Кьюберли нетвердой походкой направилась к шкафу и достала маленькую картонную коробочку:

— Пора завтракать.

Мэри кивнула. Еще один момент, о котором писалось в книгах и не упоминалось в видеолентах. Когда-то, в незапамятные времена, завтрак, судя по всему, был каким-то особенным, во всяком случае иным, чем теперь… В книгах описывалось, как люди наполняли рот различными веществами и пережевывали их, получая от этого удовольствие. Удивительно…

— Собирайся-ка ты на работу.

— Хорошо, мама.

В проектном бюро было тихо и полностью отсутствовали тени. Светились стены, и все письменные столы и чертежные доски одинаково освещались со всех сторон. Было ни жарко, ни холодно.

Мэри твердо держала линейку, и перо легко скользило вдоль ее металлического края. Только что нанесенные черные линии были тонки и аккуратны. Она склонила голову набок и сравнила чертеж, над которым работала, с лежавшими рядом записями.

Из-за стола, расположенного в другом конце помещения, встал высокий мужчина и направился по проходу к Мэри. Он принялся рассматривать ее работу, то и дело переводя взгляд с чертежа на ее лицо.

Мэри взглянула на него.

— Хорошо сделано, — произнес мужчина.

— Спасибо, мистер Уилмс.

— Скажи, детка, у тебя найдется свободное время?

— Да, сэр.

— Пройдем-ка в кабинет Мэлинсона.

Статный, красивый мужчина привел ее в уютную комнату. Он указал ей на стул, а сам сел на край письменного стола.

— Детка, я не из тех, кто начинает издалека. Тут недавно завернул ко мне один человек и стал болтать какую-то чушь о том, что будто бы ты не хочешь подвергнуться Трансформации.

Мэри отвела взгляд, но тут же снова посмотрела мужчине в глаза.

— Это не чушь, мистер Уилмс, — произнесла она. — Это правда. Я хочу остаться такой, какая я есть.

Мужчина недоуменно уставился на нее и в замешательстве кашлянул:

— Какого черта… прости, детка, но… я что-то тебя не понимаю. Ты же не…

— Не сумасшедшая? Нет. Это вам подтвердит доктор Хортел.

Мужчина нервно рассмеялся.

— Так… Послушай, ведь ты еще совсем девочка, а как здорово работаешь. Но как бы там ни было, а мистеру Пулу это не понравится.

— Знаю. Я понимаю, на что вы намекаете, мистер Уилмс. Но ничто не заставит меня переменить решение.

— Ты состаришься, не прожив и половины жизни!

Да, она будет старой. Старой, морщинистой и слабой, не способной быстро и легко передвигаться. Старой.

— Мне трудно вам объяснить, почему я так решила. Но непонятно, какое это имеет значение, пока я в состоянии выполнять свою работу.

— Пойми меня правильно, детка. Тут дело не во мне. Ты же знаешь, что не я возглавляю Интерплан. В мои обязанности входит следить за порядком. Но как только все узнают о твоем решении, порядок нарушится. И начнется черт знает что.

— Мистер Уилмс, вы примете мое заявление об уходе с работы?

— А ты не передумаешь?

— Нет, сэр.

— Мне очень жаль, Мэри. С учетом того, как ты работаешь, тебя лет в двадцать могут послать на один из астероидов.

Мэри прошла на свое рабочее место. Мимо выстроившихся радами столов, мимо мужчин и женщин. Красивых мужчин и красивых женщин — внешне безукоризненных, одинаковых. Совершенно одинаковых.

Она села и взяла в руки линейку и перо.

Мэри вошла в лифт и спустилась до второго уровня.

Миссис Кьюберли с убитым видом сидела на полу перед телевизором. Глаза ее покраснели, прическа растрепалась, и пряди светлых волос в беспорядке свисали на лоб.

— Можешь мне ничего не рассказывать. Теперь никто не возьмет тебя на работу.

Мэри села рядом с матерью.

Телевизор зазвучал громче. Миссис Кьюберли несколько раз переменила каналы, потом выключила его.

— Что ты сегодня делала, мама?

— А что я могу делать? К нам ведь теперь никто и не зайдет!

— Мама!

Мэри вышла в другую комнату. Ломая руки, миссис Кьюберли последовала за ней.

— Как мы будем жить дальше? — рыдала она. — Где мы теперь возьмем деньги? Потом уволят и меня!

— Этого не сделают.

— Ни один человек еще никогда не отказывался от Трансформации. А ты, когда все к твоим услугам, отвергаешь ее. Хочешь остаться уродом!

Мэри обняла мать за плечи.

Миссис Кьюберли опустила руку в карман жакета, достала фиолетовую пилюлю и проглотила ее.

Когда из желоба выпало письмо, миссис Кьюберли быстро схватила его, прочла и улыбнулась:

— Я так боялась, что они не ответят. Теперь-то мы посмотрим!

Она протянула письмо Мэри, и та прочла:

«Миссис Зене Кьюберли

Блок 451-Д, II и III уровень

Город

Дорогая сударыня!

Отвечаем на Ваше письмо от 3 декабря 36 года. Мы отнеслись к Вашей жалобе с должным вниманием и считаем, что необходимо принять строгие меры. Но поскольку такого рода жалобы ранее к нам не поступали, в данный момент наш отдел не может дать Вам никаких четких инструкций.

Однако, учитывая необычный характер дела, мы договорились, что Вас примут в Центральном Куполе (8-й уровень, 16-й блок) 3 января 37 года в 23.00. Мы пригласили также доктора Хортела. Вы, в свою очередь, должны привести с собой лицо, о котором идет речь».

Мэри разжала пальцы, и листок бумаги, трепеща, упал на пол.

Она не спеша направилась к лифту и нажала кнопку III уровня. Когда лифт остановился, она с плачем бросилась в свою комнату.

Она читала, пока не разболелись глаза, разболелись настолько, что она больше не могла прочесть ни строчки. И Мэри заснула незаметно для себя, не понимая, что с ней происходит.

Но сон ее не был спокойным и безмятежным.

— Леди и джентльмены, — произнес моложавый красивый мужчина в мантии, — проблему эту решить нелегко. Как свидетельствует присутствующий здесь доктор Хортел, Мэри Кьюберли не душевнобольная. Далее, если судить по заключениям квалифицированных специалистов, совершенно очевидно, что в организме Мэри Кьюберли нет никаких отклонений, которые могли бы затруднить ее Трансформацию. И вместе с тем… — мужчина вздохнул, — …мы сталкиваемся с этим отказом. Осмелюсь спросить, что же нам в связи с этим предпринять?

Мэри упорно смотрела на металлическую поверхность стола.

Там, где рядами сидели красивые люди, говор стал громче. Миссис Кьюберли нервно постукивала ногой и часто проводила гребнем по волосам.

— Мэри Кьюберли, — продолжал мужчина, — ты знаешь, что у тебя было бессчетное количество возможностей пересмотреть свое решение.

— Да, знаю. Но я не хочу.

Красивые люди смотрели на Мэри и смеялись. Некоторые неодобрительно качали головами. Мужчина в мантии воздел руки:

— Девочка, ты сознаешь, к чему привело твое упорство? Люди обеспокоены, теряют драгоценное время. Скажи, неужели для тебя ничего не значит счастье твоей дорогой матери? Или твой долг перед Землей? Перед всей Солнечной Системой?

В последнем ряду поднялась стройная гибкая женщина и крикнула на весь зал:

— Примите же, наконец, какие-нибудь меры!

Мужчина на кафедре поднял руку:

— Спокойно! Несмотря на всю необычность этой ситуации, мы должны действовать согласованно.

Женщина неохотно села, мужчина снова повернулся к Мэри:

— Они настаивают, чтобы в случае твоего окончательного отказа тебя приговорили к Трансформации судом. И чтобы впредь это стало законом.

Мэри широко раскрыла глаза и замерла.

— Почему? — чуть погодя спросила она.

Мужчина в мантии пригладил волосы.

Еще один голос из публики:

— Сенатор, подпишите нашу петицию!

Все хором:

— Подпишите, подпишите!

— Но почему же? — Мэри заплакала.

Ропот толпы сменяется дикими воплями.

— Так не пойдет! — крикнул мужчина в мантии. — Мы должны действовать согласованно!

И красивые люди стали скандировать:

«Да!», пока мужчина, взяв перо, не подписал лежавшую на его столе бумагу…

Трансформационное Ателье занимало целый уровень. Здесь всегда было людно.

Но сегодня все держались в отдалении. Народу собралось больше, чем обычно, везде была установлена телевизионная аппаратура, на каждом шагу стояли звукозаписывающие устройства. Однако отсутствовала привычная для этого места суматоха.

В Трансформационном Ателье царило гнетущее спокойствие.

Мэри шла мимо толпы, за ней по пятам следовали мать и мужчина. Она взглянула на людей, как ежедневно смотрела на них из своей комнаты, включив окна. Но не заметила никакой разницы. Люди были красивы, без единого изъяна.

Эти красивые люди, эти безобразные люди, выглядывавшие из чужих тел. Ходившие на сделанных для них ногах, смеявшиеся искусственными голосами, жестикулировавшие красиво скроенными руками.

Мэри шла медленно, хотя ее подталкивали сзади. В ее глазах отражались смущение и недоумение.

Она посмотрела вниз, на свое тело, потом перевела взгляд на стены, в которых оно отражалось. Ее плоть, ее кости, все ее собственное, никем не переделанное. Толстая, бесформенная, несистематизированная Мэри. Но зато Мэри.

Ну, конечно. Конечно же! Именно это имел в виду отец, именно об этом толковал дедушка и писалось в книгах. И они, эти люди, тоже знали бы об этом, если бы прочли книги.

«Где же они, эти люди? — спросила себя Мэри, — Что с ними произошло? Неужели они не тоскуют по себе, эти сфабрикованные существа?»

Она внезапно остановилась.

Да! Все они забыли самих себя!

Откуда-то появилась изящная женщина и взяла Мэри за руку. Кожа женщины была окрашена в темный цвет. Стройные

ритмичные линии обтесанных костей, осанка — результат электропроцедур, все сделанное, все приукрашенное…

— Отлично, девочка. Мы можем начинать?

Мэри подвели к изогнутому кожаному сиденью.

С вершины длинного серебристого шеста спустился какой-то аппарат. Засветились крошечные лампочки, защелкали элементы. На экране аппарата стало медленно проступать изображение. Лампочки повернулись в сторону Мэри, затем вернулись в исходное положение. Крутились диски, щелкали кнопки.

Изображение было готово.

— Ты не хочешь взглянуть?

Мэри зажмурила глаза, крепко-крепко.

— Право же, получилось очень мило, — женщина обернулась к толпе.

— Многое можно будет сохранить. К примеру, мы не изменим форму носа да, пожалуй, не тронем и локти.

Миссис Кьюберли взглянула на Мэри и улыбнулась.

— Не так уж все страшно, как тебе казалось, правда? — произнесла она.

— А теперь вам придется нас извинить, — сказала женщина. — Останутся только машины.

Люди, переговариваясь вполголоса, с недовольным видом потянулись к выходу.

Мэри взглянула на изображение.

С экрана на нее смотрела женщина среднего роста. Женщина с точеной фигурой и тонкими ногами, взбитые серебристые волосы коротко подстрижены, полные чувственные губы, маленькая грудь, плоский живот, безукоризненная кожа.

Незнакомка, которую никто раньше не видел.

Сестра начала снимать с Мэри одежду.

— Джофф, — сказала женщина, — поди сюда, взгляни-ка на нее. Много лет нам не попадалось такого скверного тела. Поразительно, что мы сможем сохранить хоть что-то.

— Да, хуже не придумаешь.

— Успокойся, дитя, перестань наконец плакать. Ты же прекрасно знаешь, что это совсем не больно.

— Я хочу себя! — вскричала Мэри. — А не это!

Она указала на изображение.

Вместе со стулом ее отвезли в какое-то полутемное помещение. Теперь она была обнажена, и мужчины подняли ее и положили на стол. Поверхность его напоминала стекло, покрытое черной пленкой. Над столом в тени висел большой аппарат.

Щелкают зажимы, растягивая в стороны конечности. Сюда переносят экран с изображением. Вокруг мужчины и женщины,

теперь уже больше женщин. В углу сидит доктор Хортел и качает головой.

Мэри громко заплакала — во весь голос, перекрывая гул механизмов.

— Ш-ш-ш… Господи, что за шум! Ведь теперь все неприятности позади.

Из мрака с воем спустился большой аппарат.

— Где же я найду себя?! — крикнула Мэри. — Что со мной будет?

В неподатливую плоть вонзилась длинная игла, и красивые люди со всех сторон обступили стол.

И большой аппарат включили.

Генри Слизар
ПОСЛЕ ВОЙНЫ (Пер. с англ. Л.Брехмана)

ДОКТОР

Чиновник службы трудоустройства, обычно умевший сохранять профессиональное спокойствие, воскликнул с совсем непрофессиональным отчаянием

— Но ведь должна же для вас найтись какая-нибудь работа, доктор! С вашим-то преподавательским стажем. После войны потребность в учителях повысилась в тысячи раз…

Д-р Мейгэн откинулся в кресле и тяжело вздохнул.

— Вы не понимаете. Я не являюсь преподавателем в обычном смысле этого слова, а на предмет, с которым я лучше всего знаком, больше нет спроса. Конечно, люди нуждаются в знании — они хотят знать, как им восстановить разрушенный мир. Они хотят быть каменщиками, техниками, инженерами. Они хотят знать, как строить города, чинить машины, заживлять радиационные ожоги и сломанные кости. Они хотят знать, как делать искусственные конечности для жертв войны, обучать слепых, возвращать разум сумасшедшим и человеческий облик обезображенным. Вот этим вещам они и стремятся учиться. Вы это лучше меня знаете.

— А ваша специальность, доктор? Вы думаете, что она уже никому не нужна?

Д-р Мейгэн коротко рассмеялся.

— Я не думаю, я это знаю. Я пытался заинтересовать многих людей, но безрезультатно. Двадцать пять лет я учил студентов развивать у себя идеальную память. Я опубликовал шесть книг, из них две стали признанными учебниками в университетах. На протяжении первого года после заключения перемирия я объявил о восьминедельном курсе обучении — и получил только одно заявление. Как могу я найти применение делу своей жизни в этом новом мире ужаса и смерти?

Чиновник службы трудоустройства задумчиво пожевал губами. Вопрос доктора прозвучал для него как вызов. Когда д-р Мейгэн уходил, ответа на этот вопрос еще не было. Чиновник

молча смотрел, как выходит из комнаты, шаркая ногами, понурый, отчаявшийся человек, и сам чувствовал отчаяние. Но этой же ночью, проснувшись от знакомого, привычного кошмара, он долго лежал без сна в своем убежище и думал о д-ре Мейгэне. К утру он знал ответ.

Через месяц в правительственной газете появилось объявление, вызвавшее быструю и бурную реакцию населения:

ХЬЮГО МЕЙГЭН
объявляет ускоренный 8-недельный курс
«УЧИТЕСЬ ЗАБЫВАТЬ»
Запись начинается 9 сентября

АДВОКАТ

— Буду с вами откровенен, — сказал Даррел своему клиенту. — Если бы не произошла война и все так не переменилось, я мог бы добиться для вас относительно неплохого решения суда присяжных, ну, скажем, — непреднамеренное убийство. Но при теперешнем положении вещей…

Он устало потрепал молодого человека по плечу. Мак-Аллистер никак не отреагировал — он, казалось, окаменел.

— И что же теперь делать? — уныло спросил он. — Высшая мера?

— Попытайтесь же понять настроение суда, — ответил адвокат. — В результате войны население уменьшилось на девяносто процентов. И, что еще хуже, соотношение женщины — мужчины составляет примерно восемьсот к одному, и нет никаких признаков улучшения. — Он задумчиво нахмурил брови, — То, что я вам сейчас скажу, будет, пожалуй, передавать скорее дух закона, нежели его букву: если бы вы убили в ссоре женщин у, приговор суда был бы вполовину мягче. Таков уж сейчас мир, сынок. Вот до чего мы дошли.

— Значит, у меня нет ни шанса? Высшая мера?

— Это, разумеется, решат присяжные, но я хотел предупредить заранее. Нужно готовиться к худшему.

Дверь комнаты открылась и показалось тяжелое квадратное лицо бейлифа.

— Присяжные вернулись, Мак-Аллистер. Пойдем.

Адвокат молча пожал ему руку.

Решение присяжных: виновен в преднамеренном убийстве. Судья немедленно огласил приговор, чтобы он мог быть без

проволочек приведен в исполнение. На следующий день Мак-Аллистер, бледный, стиснув зубы, зарегистрировал свой брак с восемнадцатью женами убитого им человека. Теперь у Мак-Аллистера была тридцать одна жена.

ТОРГОВЕЦ

Свансон вошел в зал с таким невозмутимым видом, что это восхитило даже его недругов. Все знали, что сегодня ему придется нести ответ за неудачное руководство Объединенной Галантерейной Корпорацией. Но Свансона, казалось, ничто не тревожило. Составлявшие оппозицию члены совета, хотя и считали его спокойствие показным, стали тревожно переглядываться.

Председатель начал заседание без обычного торжественного вступления и сразу потребовал доклад от Отдела продажи. Содержание доклада заранее было всем известно, и сейчас никто не слушал унылое перечисление убытков. Гораздо интереснее было наблюдать за лицом Свансона: как он отреагирует на это публичное заявление о его неспособности руководить корпорацией.

Потом выступил Свансон.

— Джентльмены, — сказал он без малейшего намека на дрожь в голосе» — как мы сейчас услышали, продажа галантерейных изделий после войны резко уменьшилась. Сокращение прибылей никого из нас не удивило, но дело уже не в этом сокращении, а в том обстоятельстве, что предсказывается дальнейшее снижение спроса на наши изделия;

Джентльмены, я опровергаю прогноз Отдела продажи; я заявляю, что спрос будет высоким, как никогда раньше!

В зале стало шумно, в самом конце длинного стола кто-то нервно хихикнул.

— Я знаю, моим словам сейчас трудно поверить, — продолжал Свансон, — и собираюсь подробно все объяснить. Но вначале вам предстоит услышать очень необычное сообщение от очень необычного человека — профессора Ральфа Энтвиллера из Американского центра генетики.

Медленно поднялся бледнолицый человек, сидевший в почетном кресле рядом с президентом. Он слегка поклонился, потом заговорил едва слышным голосом.

— Мистер Свансон попросил меня рассказать вам кое-что о

будущем, — неуверенно начал он. — Я ничего не знаю о проблемах галантереи. Моя область — генетика, а специальность — изучение радиационной биологии…

— Вы не могли бы говорить несколько более конкретно? — вмешался Свансон.

— Да, конечно. Я занимаюсь мутациями, джентльмены, мутациями, которые скоро станут нормой для новорожденных. Сейчас уже рождается около шестидесяти пяти процентов детей-мутантов, и мы ожидаем дальнейшего увеличения числа уродств…

— Мне все это непонятно, — недовольно проворчал председатель. — Какое это имеет к нам отношение?

Свансон улыбнулся.

— О, весьма большое. — Он взялся за отворот пиджака и внимательно оглядел лица сидящих за столом. — Дело в том, джентльмены, что скоро мы будем продавать в два раза больше шляп.

ВОЖДЬ

Мбойна, вождь племени аолори, спокойно, не выказывая никаких признаков страха, наблюдал за приближающимся к острову баркасом. Но лицо его оставалось бесстрастным не только потому, что так полагалось вести себя вождю племени: единственный из островитян, он уже видел белых людей. Правда, очень давно — лет пятьдесят, когда Мбойна был еще одним из деревенских мальчишек.

Баркас пристал к берегу, и один из белых, человек ученого вида, с короткой серебристой бородой, направился к островитянам, приветственно подняв руку. Говорил он запинаясь, но на родном языке Мбойны.

— Мы пришли с миром, — сказал он. — Мы проделали большой путь, чтобы найти вас. Я — Морган, а это мои товарищи, Хендрикс и Кэрью; мы ученые.

— Ну, говори! — свирепо прохрипел Мбойна, не забывавший о своем авторитете перед племенем.

— Была большая война, — начал Морган, опасливо поглядывая на окруживших вождя воинов. — Белые люди за большой водой метали друг в друга ужасные молнии. Своим оружием они отравили воду, воздух и тела людей. Но мы были уверены, что где-то остались Места, которых не коснулись

мертвящие пальцы войны. Твой остров — одно из таких мест, о великий вождь, и мы приехали, чтобы жить здесь. Но вначале мы хотим кое-что показать: надеемся на ваше терпение.

Белые люди принесли из баркаса какие-то странные металлические ящики с крохотными окошечками. Они неуверенно приблизились к вождю и его соплеменникам, наставив на них эти непонятные штуки. Некоторые воины испуганно съежились, другие угрожающе подняли копья.

— Не бойтесь, — сказал Морган. — Это всего лишь игрушки нашей науки. Обратите внимание — они не издают никакого звука, когда их пустые глаза осматривают вас. Но — слушайте сейчас!

Белые люди направили ящички на себя, и раздалось быстрое громкое щелканье.

— Великая магия», — зашептали потрясенные островитяне.

— Великая магия, — почтительно повторил Мбойна, склоняясь перед белыми богами и свидетельством их божественности — щелкающими ящиками.

Со всеми возможными почестями островитяне проводили белых людей в деревню, где после подобающей церемонии обезглавили, разделали и съели за ужином.

Три дня и три ночи они праздновали свою удачу — ибо они тоже стали теперь богами. Маленькие ящики, если их направляли на кого-нибудь из островитян, начинали магически щелкать.

Эрик Фрэнк Рассел
ЛУЧШИЙ ДРУГ ЧЕЛОВЕКА(Пер. с англ. Ю.Зараховича)

Затворившись в своей каюте, Морфад угрюмо уставился в переборку, не в силах больше одерживать тревогу. Он с ужасом почувствовал себя мышью в гигантской мышеловке, вырваться из которой можно было только объединенными усилиями всех пленников.

Но, кроме него, никто и пальцем о палец не ударит, это уж точно. Как предостеречь человека от беды, если он уже влип по уши, а слушать тебя все равно не хочет и ничего не замечает?

Мышь заставляет метаться в клетке сам вид решеток, постоянно напоминающий о печальной реальности неволи. Но пребывай мышь в блаженном неведении своего рабства, станет ли она метаться, биться, рваться на волю? Нет, конечно. Во всяком случае, за всю долгую историю обитающих на этой планете разумных существ никому из них и в голову не приходило попытаться вырваться. А что взять с пятидесяти критически мыслящих альтаирцев, если три миллиарда землян ничего не знают и знать не хотят?

Он все еще сидел, погрузившись в свои раздумья, когда в каюту вошел Харака и объявил:

— Стартуем на закате.

Морфад не отвечал.

— Жаль улетать, — добавил Харака. Харака был капитаном их корабля, типичный дородный рослый альтаирец. Сплетая вместе гибкие пальцы, он продолжал: — Повезло же нам обнаружить эту планету, ну и повезло! Подумать только — породниться с расой, полностью соответствующей нашим критериям разума, с человечеством, которое дружески приняло нас и готово сотрудничать с нами. И которое тоже, как и мы, развивает звездоплавание!

Морфад хранил молчание.

Осекшись, Харака взглянул на него:

— Что ты надулся и сидишь букой?

— Радости не чувствую.

— Оно и видно. Физиономия кислая. Да еще во время такого торжества. Уж не заболел ли?

— Нет. — Медленно повернувшись, Морфад посмотрел ему прямо в глаза: — Скажите, вы верите в телепатию?

Харака опешил:

— Не знаю, право. Я — капитан, опытный инженер-навигатор, но не более, и прикидываться знатоком сверхъестественных явлений не стану. Не знаю даже, что тебе и сказать. А ты веришь?

— Теперь верю.

— Теперь? Почему именно теперь?

— Потому что пришлось поверить. — Морфад поколебался было, но все же выпалил, отчаявшись: — Потому что я обнаружил телепатические способности у самого себя.

Недоверчиво взглянув на него, Харака переспросил:

— Обнаружил? То есть они у тебя прорезались совсем недавно?

— Да.

— Когда же?

— Когда мы прибыли на Землю.

— Ничего не понимаю, — сознался обескураженный Харака. — Ты утверждаешь, что какая-то специфическая особенность Земли неожиданно сделала для тебя возможным чтение моих мыслей?

— Нет, я не могу читать ваши мысли.

— Но ты же только что сказал, что стал телепатом.

— Вот именно. Мысли я слышу так же ясно, как слова, если бы мне их орали прямо в ухо. Но не ваши мысли и не мысли остальных членов нашего экипажа.

Харака склонился к нему, лицо его мгновенно напряглось:

— Ты умеешь читать мысли землян? И то, что ты прочел в их мыслях, беспокоит тебя? Морфад, как твой капитан и командир я приказываю тебе исполнить свой долг и информировать меня о всех своих подозрениях, касающихся землян. — Он подождал немного, потом сказал настойчиво и нетерпеливо: — Говори же, докладывай.

— Мне об этих гуманоидах известно не больше вашего, — ответил Морфад. — У меня нет абсолютно никаких оснований сомневаться в искренности их дружеских чувств к нам, но мысли их мне неизвестны.

— Клянусь звездами, я ничего не понимаю…

— Мы говорим не об одном и том же, — перебил Морфад. — Чтобы с точностью ответить на вопрос, слышу я мысли землян или нет, следует договориться прежде всего, кого считать землянами.

— Вот как? Так чьи же мысли ты воспринимаешь?

Морфад собрался с духом и решился:

— Земных собак.

— Собак? — Харака отпрянул и внимательно посмотрел на

него: — Собак? Ты это всерьез?

— Я никогда не был более серьезен. Я слышу мысли собак и ничьи другие. Почему? Не спрашивайте, я и сам не знаю. Какое-то отклонение от нормы.

— И с первой же минуты нашего пребывания на Земле ты читал их мысли?

— Да.

— И что же у них на уме?

— Премудрость чужой расы открылась мне, — сказал Морфад. — И чем больше я ее постигаю, тем страшнее мне становится.

— Ну-ка, ну-ка, попытайся напугать меня, — сказал Харака, с трудом пряча улыбку.

— Цитирую: «Высший критерий истинного разума есть умение жить в свое удовольствие, не трудясь». Цитирую: «Высшее проявление искусства отмщения — умение скрыть месть так, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения». Цитирую: «Лесть — самое острое, самое тонкое, самое эффективное оружие во всей Вселенной».

— Что-что?

— Цитирую: «Каждое мыслящее существо в глубине души мнит себя богом. Чти его как божество — и оно твой добровольный раб».

— Что за бред! — всплеснул руками Харака.

— Нет, не бред, — Морфад показал на иллюминатор: — Пожалуйста, там, внизу, живут три миллиарда маленьких божков. Перед ними старательно трепещут, ходят на задних лапках, каждое их движение ловят обожающие глаза. Боги ведь всегда щедры к тем, кто почитает их. Почитатели очень хорошо это знают и не скупятся на любовь и благоговение.

— Совсем с ума сошел, — сказал Харака растерянно.

— Цитирую: «Подвластные и подозревать не должны, что ими правят. В этом и есть секрет успеха истинно незыблемой власти». Безумие, по-вашему? Отнюдь нет, мудрость. И здесь, на Земле, перед нами ее практическое воплощение.

— Но…

— Вот, взгляните, — он бросил маленький предмет на колени Хараки. — Знаете, что это такое?

— Да, земляне это называют крекером.

— Верно. Чтобы сделать крекер, одни земляне пахали поле и в вёдро, и в ненастье, другие сеяли зерно и собирали урожай машинами, над изготовлением которых гнули спины третьи. Потом люди везли пшеницу на элеваторы и мельницы, мололи муку, улучшали ее различными научными методами, пекли

крекеры, упаковывали их и доставляли в магазины. Человеку этот крекер стоит большого труда и пота.

— Ну и что с того?

— То, что собаке он не стоит ровно ничего. Ей достаточно повилять хвостом, умильно приласкаться к своему богу — и все! Все!

— Чтоб мне треснуть, но у собак ведь нет разума!

— Как сказать, — ответил Морфад.

— Они же ничего не могут делать: у них нет рук.

— С их мозгами им и руки не нужны.

— Слушай, Морфад, — вспылил Харака, — мы, альтаирцы, создали корабли, проложившие нам дорогу к звездам. То же сделали и земляне. Земным собакам не создать такого корабля и за миллион лет. Когда хоть один пес проявит достаточно разума и сноровки, чтобы достичь другой планеты, я съем свою шляпу.

— Можете съесть ее прямо сейчас, — ответил Морфад. — У вас на борту две собаки, и мы летим сегодня на Альтаир.

Харака презрительно фыркнул:

— Земляне подарили их нам на память.

— Вот-вот, но по чьей воле?

— Это произошло само собой, спонтанно.

— Вы в этом уверены?

— Ты что, хочешь сказать, что на эту мысль людей навели собаки?

— Я уверен в этом, — хмуро ответил Морфад. — И подарили нам кого? Двух кобелей, двух сук? Как бы не так — нам всучили кобеля и суку да еще выразили надежду, что они будут успешно плодиться и размножаться на нашей планете. Мы и опомниться не успеем, как наш мир преисполнится неугасимой любви к нам со стороны лучшего друга человека.

— Чокнулся, — констатировал Харака.

— Вы мыслите старыми, абсолютно неприменимыми в нынешней ситуации концепциями. Вы исходите из привычных представлений о завоевании и покорении, считая, что им всегда предшествует агрессия. Как вы не можете понять, что раса, образ мышления которой в корне, принципиально отличается от привычного нам, действует и методами, такими же принципиально отличными от наших? Собаки применяют свою тактику, свойственную им, а не нам. Они не могут покорить нас с помощью кораблей, пушек и пальбы, да им это и не нужно. Они могут вползти к нам, сверкая любящими, преданными глазами и виляя хвостом.

— Пожалуй, я нашел определение твоей болезни, — сказал Харака. — Ты страдаешь собакофобией.

— Не без веских на то оснований.

— Воображаемых.

— Я вчера зашел в собачий салон красоты. И кто же там обхаживал собачек? Кто их купал, пудрил, сбрызгивал духами, завивал? Другие собаки? Держите карман шире! Их ублажали люди! Это тоже плод моего больного воображения?

— Не более чем проявление свойственной землянам эксцентричности. Ну и что с того? У нас тоже есть свои причуды.

— Что верно, то верно, — согласился Морфад. — Одна из ваших причуд, например, хорошо мне известна.

Глаза Хараки сузились:

— Уж если мы перешли на личности, то что именно ты имеешь в виду? Выкладывай, я ведь не боюсь посмотреть на себя со стороны.

— Хорошо, но вы сами этого хотели. У вас есть любимчик — Нашим. Вы им восхищаетесь, вы всегда для него доступны, всегда прислушиваетесь к его мнению, и ни к чьему другому. Все, что вы слышите от Кашима, вы воспринимаете как бесспорную истину.

— Ревнуешь, значит, к Кашиму?

— Отнюдь нет, — заверил Морфад, презрительно пожав плечами. — Я просто презираю его так же, как и все остальные. Он профессиональный лизоблюд. Его призвание — обхаживать вас, льстить вам, ловить каждое ваше слово, ублажать вас. Он врожденный подлиза и обращается с вами точь-в-точь, как земная собака со своим хозяином. Вам это нравится. Вы купаетесь в его благоговении, оно действует на вас неотразимо, как наркотик. Оно достигает своей цели, и не отрицайте этого, мы все знаем, что дела именно так и обстоят.

— Я не дурак. Кашима я вижу насквозь. И я вовсе не нахожусь под его влиянием.

— Три миллиарда землян убеждены, что видят насквозь четыреста миллионов своих собак, и мысль о том, что люди могут попасть под их влияние, землянам и в голову не придет.

— Я в это не верю!

— Я и не надеялся, что вы поверите. Раз это говорит Морфад, то он либо лжец, либо псих. Вот если бы это вам рассказал Кашим, распластавшись на брюхе у подножия вашего трона, вы проглотили бы наживку вместе с крючком, поплавком и леской. У Кашима ум земной собаки, и действует он собачьими методами. Ясно?

— У меня есть более веские основания не верить тебе, чем ты думаешь.

— Какие же именно?

— Среди землян есть телепаты. Отсюда очевидно, что, если

бы в твоих россказнях о коварном владычестве собак был хоть гран достоверности, земные телепаты знали бы о нем. На этой планете не осталось бы тогда ни одной живой собаки. — Харака сделал паузу и добавил: — Как видишь, собак пока не режут.

— Земляне-телепаты читают мысли особей своей расы, а не собак. Я же воспринимаю мысли именно собак, и никого другого. Я не знаю почему, я знаю только, что именно так все и есть.

— А, ерунда.

— Ничего другого я в ответ и не ждал. Но и вас винить вряд ли стоит. Просто я попал в трудное положение — единственный, кто слышит в мире глухих.

Харака задумался. Потом сказал:

— Допустим, просто допустим, что я тебе поверил на слово, не требуя доказательств. Что я, по-твоему, должен в таком случае предпринять?

— Отказаться брать с собой собак, — не раздумывая ответил Морфад.

— Легко сказать «отказаться»! Хорошие отношения с землянами жизненно важны для нас. Как отвергнуть сделанный от души подарок, не обидев дарителя?

— Можно ведь и не отвергать. Можно ведь просто попросить дать нам либо двух кобелей, либо двух сук, сославшись на какой-нибудь альтаирский закон, запрещающий ввоз с других планет способных размножаться животных.

— Поздно. Мы уже приняли дар и выразили свою признательность за него. Более того, в их способности размножаться и есть суть подарка. Земляне именно хотели подарить нам целый новый вид животных.

— Что и требовалось доказать, — вставил Морфад.

— По той же причине, — продолжал рассуждать Харака, — мы даже не сможем препятствовать им плодиться и размножаться на Альтаире. Отныне мы с землянами будем регулярно и часто посылать друг к другу корабли. Как только они обнаружат, что эти две собаки у нас не прижились и не дали потомства, они сразу же расчувствуются и от щедрот своих отвалят нам еще дюжину, а то и сотню псов. Мы тогда окажемся в еще более затруднительном положении.

Морфад безнадежно пожал плечами:

— Коль скоро вы намерены встречать в штыки любое разумное решение вопроса, то мы можем сдаться и без борьбы. Смиримся с тем, что станем еще одной подвластной собакам расой. Цитирую снова: «Подвластные и подозревать не должны, что ими правят. В этом и есть секрет успеха истинно незыблемой власти». Знаете, капитан, будь моя воля, подождал бы я до выхода

в глубокий космос и там, где-нибудь на полпути к дому, от всей души угостил бы этих собачек добрым пинком под зад, да так, чтобы они пулей вылетели в люк.

Харака кисло усмехнулся с видом человека, намеренного положить конец заумным бредням раз и навсегда:

— Это было бы самым весомым доказательством того, что тобой овладела мания.

— Почему же? — спросил Морфад, глубоко вздохнув.

— Да ведь ты бы вышвырнул за борт двух представителей высшей расы господ. Ничего себе владыки, которых ничего не стоит вышвырнуть! Слушай, Морфад, согласно твоим же собственным словам, тебе стало известно нечто, о чем никто никогда даже и не подозревал. Ты — единственный, проникший в тайну. Отсюда следует предположить, что ты величайшая угроза для собак. В таком случае они не дали бы тебе прожить и минуты. — Открыв дверь и переступив порог, Харака выпустил последнюю стрелу: — Однако, как мне кажется, ты очень даже живой и здоровый.

Морфад выкрикнул в захлопнувшуюся дверь:

— То, что я читаю их мысли, вовсе не значит, что они читают мои! Это же просто какое-то откло… А, ладно, — отчаявшись, он встал и зашагал взад-вперед по каюте. Потом снова сел в кресло и сжал кулаками виски, обдумывая вариант за вариантом.

«Самое эффективное оружие во всей Вселенной — лесть». Что ж, он искал средство борьбы с четвероногими воинами, владеющими с невероятным мастерством самым опасным оружием Вселенной. С воинами, искусство которых добиваться своего умелой лестью, профессионально отработанным благоговением и лизоблюдством перед человеком оттачивалось многочисленными поколениями и против которого не было, казалось, никакой защиты. Как предотвратить грядущую катастрофу, что противопоставить ей?

— Гав-гав, боженька! Смотри, как умильно я виляю перед тобой хвостом, боженька! Позволь полизать ручку, боженька!

Как спастись от этого коварства? Как… О звезды, нашел! Лучше не придумать. Карантин! Карантин для собак на Пладамине, бесполезной пустынной планете. Пусть плодятся себе там, как хотят, и властвуют над кустарниками и насекомыми. А спроси о них какой-нибудь любопытный землянин, и ответ напрашивается сам собой: «Собаки? Прекрасно. Прижились — лучше не придумаешь. Так нам понравились, что мы отдали им целую планету. Хотите на них взглянуть? Пожалуйста, нет ничего проще».

Великолепная идея! Можно будет выйти из положения, не

задевая чувств землян. С Пладамина собакам не выбраться. А если с Земли привезут новых собак, нетрудно будет убедить землян оставить их в специально созданном собачьем раю. Уж там-то псам над нами не повластвовать, разве что друг над другом. Если им этого мало, то пусть им же будет хуже. Харакe он о своей идее не скажет, это ни к чему. Он все доложит правительству, когда вернется на Альтаир. Даже если его рассказ покажется там неправдоподобным, правительство все равно примет меры предосторожности по принципу «лучше остеречься, чем потом жалеть». Они остерегутся и пошлют собак на Пладамин.

Морфад посмотрел в иллюминатор. Огромная толпа землян пришла проводить их корабль в дальний путь. В задних рядах толпы он увидел маленькую, ухоженную, абсурдно завитую собачонку, которая тащила за собой на легкой тонкой цепочке молодую женщину. «Вот бедняга, — подумал Морфад. — Эта псина тянет ее, куда хочет, а она уверена, что все наоборот».

Взяв со стола камеру с цветной пленкой, он вышел в коридор и пошел к открытому люку. Надо бы сделать несколько снимков на память. У самого люка он неожиданно споткнулся о что-то пушистое и четвероногое, внезапно запутавшееся у него в ногах, и полетел вниз, навстречу душераздирающим воплям ужаса.

— Мы задержались на два дня из-за похорон, — сказал Харака, — надо их наверстать и снова войти в график. — Он помолчал, задумавшись, и добавил: — Жаль Морфада, очень жаль. Блестящий и глубокий ум, но, увы, начал сдавать под конец. Что ж, остается только благодарить судьбу за то, что в экспедиции был лишь один несчастный случай.

— Ведь могло быть гораздо хуже, сэр, — встрял Кашим. — Подумать только, ведь выпасть в люк могли вы! Благодарение небу за то, что этого не случилось.

— Да, могло и со мной случиться такое. — Харака с интересом глянул на него:

— Ты горевал бы, Кашим?

— Еще как горевал бы, сэр! Никто не переживал бы утраты больше, чем я. Ведь мое восхищение вами и мое уважение к вам так глубоки, что…

Он замолчал, потому что, мягко ступая, в каюту вошла собака, положила голову на колени Харакe и посмотрела ему в глаза.

Кашим беспокойно заерзал.

— Хо-ро-ший, — одобрительно протянул Харака, почесывая собаку за ушами.

— Так глубоки, что… — начал было Кашим погромче.

— Хо-ро-ший, — снова протянул Харака, легонько дергая пса за уши и с удовольствием созерцая виляющий хвост.

— Как я сказал, сэр, мое восхищение вами… Харака почесывал собаку под подбородком и ко всему остальному был глух.

Кашим посмотрел на «хорошего» с нескрываемой ненавистью. Собака безразлично скосила на него карий глаз. С этой минуты судьба Кашима была решена.

Айзек Азимов
ПУСТЯК(Пер. с англ. Т.Локтиной)

Миссис Клара Бернстайн перешагнула за 50, а температура воздуха — за 90 по Фаренгейту. Работал кондиционер, но, охлаждая квартиру, он не мог все-таки избавить от невыносимой духоты.

Миссис Хестер Голд, поднявшись к Кларе на 21-й этаж из своей квартиры 4-С, изрекла:

— На моем этаже прохладнее.

Ей было тоже за 50, крашеные светлые волосы не молодили ее ни на один год. Клара пожаловалась:

— Подумаешь! Я спокойно могу переносить жару, а вот с этим «кап-кап» не могу примириться. Слышишь?

— Нет, — ответила Хестер, — но я могу себе представить. Мой мальчик Джо потерял пуговицу от рукава блейзера. Заплатил за него 72 доллара, а без пуговицы теперь этот блейзер никуда не годится. Такую великолепную пуговицу не удосужился пришить вовремя.

— Ну это не проблема. Оторви с другого рукава, пусть носит без пуговиц.

— О нет, блейзер сразу потеряет вид. Просто если пуговица слабо пришита, зачем ждать, пока она потеряется, надо тут же ее пришить. Парню уже 22, а все еще ничего не смыслит в простых вещах. Бродит Бог знает где, дома почти не бывает, возвращается, когда хочет…

Клара нетерпеливо прервала ее:

— Неужели ты не слышишь, как наверху капает? Пойдем со мной в ванную. Раз я говорю капает — значит действительно капает.

Хестер последовала за ней, прислушиваясь. В тишине ясно слышалось «кап-кап-кап». Клара продолжала:

— Ну прямо пытка водой. И так всю ночь. Уже три ночи подряд.

Хестер поправила огромные, слегка затемненные очки, словно это помогло бы ей яснее услышать звуки капания, и подняла голову:

— Пожалуй, капает из квартиры 22-Г, где живет миссис Маклэрен. Я знаю ее. Добрая женщина, и если ты постучишь к ней и скажешь, в чем дело, она ведь не укусит тебя.

Но Клара продолжала:

— Да я не боюсь ее. Стучала уже раз пять, но никто не

ответил. Звонила по телефону — не поднимают трубку.

— Значит она уехала. Сейчас же лето, все куда-нибудь уезжают.

— А если она уехала на все лето, то я должна все лето слушать это капанье?

— Обратитесь к менеджеру.

— Да у этого идиота нет ключа к ее хитроумному замку, а он, конечно, не будет взламывать дверь из-за пустяка. Между прочим, она вовсе не уехала. Я знаю ее машину, она стоит в гараже.

Обеспокоившись, Хестер предположила:

— Она могла с кем-нибудь уехать.

Клара фыркнула:

— Ну это же миссис Маклэрен!

Хестер нахмурилась:

— Допустим, она разведена. Что в этом страшного? Ей всего 30 или 35 и одевается она очень модно. Что ж тут плохого?

— Я, конечно, не могу видеть, что происходит там, наверху, но ведь я все слышу.

— А что ты слышишь?

— Шум, шаги. Она прямо надо мной, и я даже знаю, где ее спальня.

Хестер съязвила:

— Не будь такой старомодной. Она живет, как большинство теперь. Это ее личное дело.

— Хорошо, но она постоянно пользуется ванной и не закрывает кран. Почему? И к тому же не пускает к себе. Уверена, что ее квартира обставлена в пошленьком французском стиле.

— Ошибаешься, дорогая, у нее самая обыкновенная квартира и много цветов.

— А ты откуда знаешь?

— Я помогаю ей. Она одинока и время от времени куда-нибудь уезжает, и тогда я поливаю ее цветы.

— Вот как? А сейчас она тебе не говорила, что собирается уезжать?

— Нет.

Клара откинулась на спинку стула, спросила:

— В таком случае, у тебя должны быть ключи от ее квартиры?

— Да, но я не могу туда войти.

— Почему? Ведь ее нет дома, значит, ты должна полить цветы.

— Она не просила меня об этом.

Клара предположила:

— А вдруг она больна и не может открыть дверь?

— Ерунда. Телефон рядом с кроватью. Когда ты ей

позвонила, она взяла бы трубку, как бы плохо себя ни чувствовала.

— А если у нее инфаркт? Послушай, а может быть, она мертва и потому кран не закрыт?

— Глупости, она молодая женщина, и у нее не может быть инфаркта.

— Не ручайся. При ее образе жизни… А вдруг ее убил поклонник. Ты должна обязательно к ней войти.

— Но ведь это же незаконно.

— С ключом-то? Если она уехала, ты не можешь допустить, чтобы ее цветы засохли. Ты их польешь, а я закрою кран. Что ж тут такого! А если она мертва, разве можно позволить, чтоб она там лежала столько времени?

— Она не мертва, — ответила Хестер.

— В холле никого нет, — прошептала Клара.

— Ш-ш-ш, — вторила Хестер. — А что если она внутри и спросит: «Кто там?»

— Скажи, что пришла полить цветы, а я попрошу ее закрыть кран.

Ключ бесшумно повернулся в замке, и Хестер, затаив дыхание, приоткрыла дверь, затем постучала.

— Никто не отвечает, — нетерпеливо прошептала Клара и широко распахнула дверь.

— Даже кондиционер не работает. Все нормально.

Дверь за ними закрылась.

— Ох, какая духота! — проговорила Клара.

Они осторожно пошли по коридору. Направо пустая кладовая, пустая ванная… Клара заглянула туда — тихо.

— Вероятно в спальне.

В конце коридора налево была гостиная, там Хестер обычно поливала цветы.

— Да, их нужно полить, — подтвердила Клара, — а я пойду в спальню.

Она открыла дверь и остолбенела.

Ни движения, ни звука, рот широко открыт…

Хестер остановилась сзади. Нестерпимо душно.

— О Господи!

У Клары перехватило дыхание.

Простыни валялись в беспорядке. Голова миссис Маклэрен свесилась с кровати, а длинные волосы рассыпались по полу, но шее синяки, рука неестественно вывернута.

— Мы должны позвонить в полицию, — заторопилась Клара.

Вдруг Хестер судорожно бросилась вперед.

— Ничего не трогай! — предупредила Клара.

В руке Хестер сверкнул блеск меди — она нашла пуговицу своего сына.

Роберт Блок
ЧЕСТНОЕ СЛОВО(Пер. с англ. Л.Брехмана)

В 14.27 Хомер Ганс, банковский кассир, вошел в кабинет своего босса, президента Первого национального банка.

— Хочу вам кое-что сказать, — пробормотал он в некотором замешательстве. — Это касается резервного фонда. Я украл из него 40000 долларов.

— Вы — что сделали?!

— Я растратил сорок тысяч долларов из резервного фонда, — уже более уверенно повторил Хомер. — Между прочим, я несколько лет этим занимаюсь, и никто ничего даже не заподозрил. Около трети денег я проиграл на бегах, а остальная часть пошла на оплату одной уютной квартирки. Глядя на меня, никак ведь не подумаешь, что я содержу блондинку на стороне, верно? Хотя, может быть, вы бы и подумали, если б знали, каково бывает дома.

Президент нахмурился:

— Ну, мне ли не знать, каково может быть дома… — И сделав глубокий вдох, он выпалил: — Я ведь тоже, между нами говоря, содержу блондинку. Правда, она у меня крашеная.

Хомер помолчал, потом, вздохнув, грустно признался:

— Если уж начистоту, то моя — тоже крашеная.

Между 14.28 и 14.43 произошло довольно много интересных событий. Образцовый племянник заявил своему богатому пожилому дяде, что тот может катиться к черту и больше не портить ему жизнь. Не менее образцовый муж сообщил своей жене, что давно ненавидит и ее, и детей и искренне желает всем им скорой смерти. Продавец-виртуоз в обувном магазине посоветовал покупательнице не тратить время на примерку туфель малых размеров, а пойти и купить себе пару солдатских сапог. В одном из консульств иностранный дипломат запнулся в середине цветистого тоста и молча вылил содержимое своего бокала на лысину американского представителя.

И…

— Господи, боже мой! — воскликнул Уолли Тиббетс, главный редактор «Дейли экспресс». — Неужели все с ума посходили?

Репортер Джо Сэттерли молча пожал плечами.

— За девять лет работы в этой газетенке мне еще ни разу не приходилось останавливать пресс. А сейчас хоть выкидывай

полтиража и начинай печатать заново. Но нам придется сидеть и ждать, пока наконец не выяснится, что к чему. У меня сейчас великолепного материала на двадцать первых страниц — и я ничего не могу пустить в номер: слишком невероятно.

— Что, например? — невозмутимо спросил Сэттерли.

— Да что угодно. Вот, пожалуйста: наш сенатор только что сделал заявление о своей отставке — утверждает, что не соответствует должности. Профсоюзный деятель, недавно построивший для своего союза новое огромное здание, взял и застрелился. Полицейские участки не справляются с потоком людей, которые желают срочно сознаться во всевозможных преступлениях — до убийства включительно. И это еще не самое поразительное — вы пойдите, послушайте, что творится в отделе рекламы. Никто уже не хочет помещать объявления, наша рекламная полоса пустует. Три крупнейших в городе торговца подержанными машинами только что расторгли с нами договор.

— Так что же все-таки происходит? — довольно равнодушно поинтересовался Джо Сэттерли.

— Вот это я и хочу узнать. И как можно быстрее. — Уолли Тиббетс поднялся. — Найдите кого-нибудь, кто может все объяснить. Например, в университете. Лучше всего начать с факультета естественных наук.

Сэттерли молча кивнул и вышел.

По всему городу машин на улицах почти не было, а с пешеходами творилось что-то непонятное. Многие бежали куда-то, не разбирая дороги, другие двигались медленно, механически или просто стояли, глядя в пустоту. Лица утратили привычную невозмутимость. Кто смеялся, кто плакал. На траве университетских газонов лежали обнявшиеся пары, а в двух шагах от них другие пары яростно дрались. Сэттерли равнодушно смотрел на них и ехал не останавливаясь.

В 15.02 он затормозил у административного корпуса. На краю тротуара пританцовывал от нетерпения дородный мужчина. Похоже было, что ему нужно или такси, или в туалет, причем срочно!

— Извините, пожалуйста, — обратился к нему Сэттерли.

— Декана Хэнсона я смогу найти в этом здании?

— Я — Хэнсон, — буркнул тот.

— Меня зовут Сэттерли. Я из «Дэйли экспресс»…

— Боже милостивый, там уже знают?!

— Что знают?

— Да нет, ничего, это я так… — Хэнсон покачал головой. — Сейчас я с вами никак не могу поговорить. Мне необходимо найти такси, иначе я никогда не попаду в этот аэропорт.

— Вы покидаете город?

— Нет. Я должен добраться до доктора Ловенквиста… Это он всему причиной…

Сэттерли открыл дверцу:

— Садитесь. Я довезу вас до аэропорта. А по дороге поговорим.

С запада подул холодный ветер, и солнце испуганно спряталось за облаком.

— Гроза будет, — встревоженно пробормотал Хэнсон. — Хоть бы этот дурак проклятый успел приземлиться…

— Ловенквист — он ведь возглавляет стоматологическое отделение? — спросил Сэттерли.

— Да, это так, — вздохнул Хэнсон. — Хватает и того, что постоянно пишут всякую чепуху о сумасшедших ученых, — теперь еще сумасшедший дантист!

— А что он натворил?

— Взял напрокат самолет, поднялся в воздух и выпускает сейчас из баллонов свой газ. — Хэнсон опять вздохнул: — Я заурядный декан, научных исследований не веду, занимаюсь исключительно выпрашиванием денег у наших богатых выпускников. Но даже до меня дошли слухи, что Ловенквист создал новый обезболивающий препарат — вроде пентотала или амитала натрия, однако значительно более мощный.

— Эти препараты используются в психотерапии для наркогипноза, верно? — спросил Сэттерли. — Их еще называют «сывороткой правды»?

— Только у него-то не сыворотка, а газ.

— Ну да, — кивнул Сэттерли. — Так он, значит, дождался ясного безветренного дня и осчастливил наш город с самолета «газом правды»? Я правильно понял?

— Вот именно, — ответил Хэнсон. — Я вынужден это признать — лгать-то я не могу. Никто больше не способен лгать. Очевидно, газ настолько сильный, что достаточно одного вдоха. На кафедре психиатрии мне наговорили массу всякой ерунды: исчезновение внутреннего торможения, действия в обход сознания, негативизм… Но все это сводится к тому, что газ действует. Все, кто был на улицах, в комнатах с открытыми окнами или помещениях с кондиционером, получили какую-то дозу. Иными словами, почти весь город. И никто теперь не в состоянии произнести ложь. Никто даже не хочет! лгать.

— Но это же очень хорошо! — воскликнул Сэттерли и посмотрел на сгущающиеся тучи.

— Хорошо? Я не уверен. Когда эта история получит широкую огласку — газеты, радио, — у всего факультета будет плохая

репутация. Я бы и вам не должен был этого рассказывать, но — сами понимаете — ничего не могу с собой поделать. Чувствую, знаете ли, неодолимую потребность быть откровенным. Об откровенности я и говорил сегодня своей секретарше, когда она закатила мне пощечину…

Сэттерли свернул к аэропорту.

— Это и есть ваш герой? — спросил он, показывая на появившийся из-за туч самолет.

Тот, казалось, едва выдерживал удары внезапно налетевшего ветра…

— Да! — крикнул Хэнсон. — Он пытается приземлиться. Но ветер слишком сильный…

Небо расщепила длинная ветвистая молния. Самолет на мгновение повис неподвижно, потом вошел в штопор.

Сэттерли резко нажал на акселератор, мотор взревел, и машина понеслась по зеленой траве аэродрома. В отдалении завывала сирена, а сквозь хлынувший дождь виден был стремительно падающий самолет…

***

Уолли Тиббетс откинулся на спинку кресла и потянулся за сигаретой.

— Вот так все и кончилось, — завершил свой рассказ Сэттерли. — Когда беднягу вытащили из-под обломков, он был уже мертв. Однако баллоны с газом и прочее снаряжение почти не пострадали. Бумаги, обнаруженные на трупе, Хэнсон отдал мне. Он был в таком трансе, что и не пытался возражать. Так что теперь мы можем написать всю историю, имея веские доказательства. Формулу газа я для себя переписал. Я вот думаю — не поделиться ли нам этим материалом с радио?

Тиббетс покачал головой:

— Нет. Более того, на все вопросы, касающиеся последних событий, я буду отвечать категорическим отрицанием.

— Но сообщение…

— Не будет никакого сообщения. По крайней мере, в вашей газете. Да ведь все равно все уже кончилось. Вы заметили, как люди переменились после грозы? Очевидно, ветер быстро унес остатки газа. Все опять стали нормальными. И большинство людей убедили себя, что ничего не произошло.

— Но мы-то знаем, что это было! А как же теперь с тем

сенсационным материалом, о котором вы говорили?

— Он уже не существует. После грозы — опровержение за опровержением. Оказывается, сенатор вовсе не подает в отставку — он баллотируется в губернаторы. Профсоюзный деятель застрелился совершенно случайно. Полиция не может никого заставить подписать свои признания. Наши клиенты опять желают помещать у нас свою рекламу. Помяните мое слово — к завтрашнему утру город обо всем забудет, да они просто заставят себя забыть. Никто не может взглянуть в лицо правде и сохранить рассудок.

— Я совершенно не согласен, — заявил Сэттерли. — Доктор Ловенквист был великим человеком. Он знал, что его открытие все перевернет — и не только здесь, а где угодно. После первого опытного полета он собирался пролететь над всеми столицами мира. Этот газ способен изменить мир. Разве вы не понимаете?

— Конечно, понимаю. Но мир не следует менять.

— Почему? — Сэттерли решительно расправил плечи. — Послушайте, я все обдумал. Формула газа у меня есть. Я могу продолжить дело Ловенквиста. Мне удалось скопить немного денег. Я найму несколько самолетов с пилотами. Неужели вы сами не видите, что миру необходима правда?

— Нет. Я насмотрелся на то, что произошло здесь, в «опытных масштабах», так сказать.

— Ну и? Преступники сознались в своих преступлениях, люди перестали лгать друг другу. Разве это так плохо?

— Что касается преступников — нет. Но для обычных людей это может оказаться катастрофой. Представьте себе: врач говорит больному, что тот умирает от рака, жена сообщает мужу, что он не отец ее ребенка, — примеров сколько угодно. У всех есть тайны или почти у всех. И лучше не знать полной правды — как о других, так и о себе.

— Но вы посмотрите, что сейчас происходит в мире.

— А я смотрю. Моя работа в том и состоит — сидеть за этим столом и смотреть, как мир вертится. Иногда от этого верчения голова кругом вдет — но, по крайней мере, мир не рушится. Потому что держатся люди. А чтобы люди не упали, им нужна красивая ложь. Ложь об абстрактной справедливости не умирающей романтической любви. Им необходима вера в то, что добро всегда побеждает. Даже наше представление о демократии может быть ложным. Но мы бережем эту ложь, как и все остальные виды лжи, и стараемся жить так, как будто все это правда.

— Может быть, вы и правы, — согласился Сэттерли. — Все же стоит подумать о перспективах, которые перед нами открываются.

Ведь я мог бы устранить самую возможность войн…

— Допустим. Военные и политические лидеры увидят свои побуждения в истинном свете — и переменятся. На время. — Но мы будем продолжать применение газа! — воскликнул Сэттерли, — Есть и другие честные люди. Мы соберем средства, поставим это предприятие на широкую ногу. И кто знает — может быть, после многократного вдыхания газа люди вообще потеряют способность лгать. Вы понимаете? Мы навсегда избавимся от самого страшного последствия лжи — войн!

— Я понимаю, — кивнул Тиббетс. — Прекратятся войны между государствами. И начнутся сотни миллионов индивидуальных войн. Войны в умах и сердцах людей. Прокатится волна сумасшествий, убийств, самоубийств. И в этой волне, вызванной обрушенным на людское море избытком правды, утонут дом, семья — да что там, погибнет вся социальная структура общества.

— Я не закрываю глаза на известный риск. Но подумайте о том, что мы можем выиграть.

Тиббетс отеческим жестом положил ему руки на плечи.

— Я хочу, чтобы вы обо всем этом забыли, — сердечно сказал он. — Не стройте планов относительно производства «газа правды» и обработки им правительственных учреждений. Не нужно, иначе мы все погибнем.

Сэттерли молча смотрел в окно. Издалека доносился гул реактивного самолета.

— Вы — честный человек, — снова заговорил Тиббетс. — Один из немногих. Я это давно понял и, пожалуй, восхищаюсь вами. Но будьте же реалистом, посмотрите на вещи с моей точки зрения. Мне от вас многого не нужно — скажите только, что не затеете ничего неразумного. Оставьте мир таким, как он есть. — Он помолчал. — Дайте мне честное слово.

Сэттерли колебался. Он действительно был честным человеком, поэтому долго не мог заставить себя ответить. Потом все-таки ответил:

— Даю честное слово, что не стану ничего делать…

И это была ложь…

Ивэн Хантер
МЕРЦАНИЕ(Пер. с англ. Ф.Соломатина)

Продавец с аккуратно подстриженными рыжими усиками, одетый в костюм из серого твида, был в высшей степени любезен. Эдди слушал его внимательно, изредка поглядывая на Мэри: разделяет ли она его интерес?

— Вы должны понять, — продолжал продавец, — вы не первая бездетная пара, которая пользуется услугами нашей фирмы. Собственно говоря, я могу назвать вам людей, которые сделали то же самое, что намереваетесь сделать и вы.

— Простите, но мы еще не сказали вам, что мы намерены сделать, — заметил продавцу Эдди.

— Конечно, мистер Стивенс, я понимаю вас. Но мне кажется, что и вам не следует забывать мою откровенность с вами. Вы пожалеете, если не сделаете этого.

Нахмурив брови, Мэри кивнула в знак согласия.

— Вы сказали, что мы можем выбрать цвет волос и глаз? Это правильно?

— Безусловно, — подтвердил продавец. — Принимая во внимание ваш собственный цвет, мне кажется, вам надо выбрать блондина с карими глазами. Впрочем, это всецело зависит от вашего желания.

— И цвет лица мы можем выбрать? — спросил Эдди.

— Разумеется, мистер Стивенс. Цвет лица мы можем также подобрать под ваш или предложим вам самим выбрать любой, какой вы захотите.

— Это уже звучит хорошо! — сказала Мэри.

— Не знаю, право… — с сомнением ответил ей Эдди.

— И он действительно будет расти? Точно так же, как и настоящий? — спросила Мэри продавца.

— Конечно, миссис Стивенс. В этом-то и заключается исключительная особенность нашей фирмы. Она также является и одной из причин популярности нашей модели. Мы поставляем вам модель в состоянии, сравнимом с первой неделей жизни. Модель растет автоматически. На протяжении многих лет металл увеличивается в объеме на много дюймов. Легкий и эластичный пластик очень быстро приспосабливается к металлу. С годами выражение лица модели будет также изменяться.

— И это все включается в первоначальную стоимость модели?

— Совершенно верно, мэм.

— Как… как высоко он вырастет?

— Это опять-таки зависит от вашего желания. Большинство людей выбирают рост в шесть футов — или около этого — для мальчиков и около четырех-пяти — для девочек.

— Нам бы хотелось мальчика, — быстро сказал Эдди.

— Да, — согласилась с ним Мэри.

— Ну, в этом нет никакой сложности, — смеясь, ответил продавец. — Если вы хотите, то сегодня можете взять мальчика, а в следующий раз девочку.

— Нам хотелось бы взять мальчика, — твердил Эдди.

— В таком случае, мистер Стивенс, у вас будет мальчик. Желаете уточнить и другие особенности модели?

— Ну… — сказала Мэри и замолчала. — А как насчет… его характера? Я хочу сказать…

— Характер у него прекрасный! Вы получите совершенную машину с абсолютно ясным разумом. Модель снабжена запасом консервированной крови и электронной памятью. Устройство электронной памяти искусно соединено с механизмом мозга. Иначе говоря, он будет знать только то, чему вы его обучите. Поверьте мне, это превосходно точная машина, и вы сами не сможете отличить его от настоящего мальчика.

— Вы уверены?

— Простите?

— Вы уверены… что его нельзя будет отличить от настоящего? Я имею в виду… соседи-то будут знать, что он робот… а не настоящий ребенок?

Продавец громко рассмеялся.

— Мистер Стивенс, я уже говорил вам, что многие ваши соседи имеют роботов вместо настоящих детей, а вы мне все не верите. Теперь это стало в порядке вещей. Даже те супружеские пары, которые могут иметь своих собственных детей, предпочитают покупать наши модели. Уверяю вас, вы не одиноки.

Эдди нерешительно посмотрел на Мэри. Мэри нервно покусывала свою толстую нижнюю губу и, взглянув на мужа, кивнула.

— Мы согласны, — поспешно сказал Эдди.

— Прекрасно, прекрасно! — Продавец поспешно вынул бланк контракта и начал отвинчивать колпачок авторучки. — А теперь давайте посмотрим. Какой же цвет волос вы желаете иметь в своей модели?

Меньше чем через две недели модель была доставлена на квартиру Стивенсов. Она выглядела как настоящий ребенок. Супруги были несказанно рады и счастливы. Первые несколько

дней их ребенок не плакал, но Эдди быстро устранил этот недостаток. Он подал на электронную память модели соответствующую информацию, и она немедленно усвоила большую часть мальчишеского рева. Теперь модель стала реветь всегда, когда бы ее ни побеспокоили.

— Мы должны быть очень осторожны, — сказала Мэри.

— Почему ты так думаешь?

— Мы должны быть очень осторожны с подбором информации, которую вводим в память. Ведь для ребенка в шесть месяцев он выглядит прекрасно. Того и гляди, он скоро начнет говорить, как ты думаешь?

— Да. Об этом я не подумал.

— Как ты думаешь, наши соседи догадываются?

— По-моему, нет.

— Откуда ты знаешь?

— Просто мне кажется, что они не удивлены, вот и все.

— Но я не была в… положении.

— Знаю. Но они пока не удивляются. Впрочем, не спрашивай меня об этом. Пусть будет, как будет.

Мэри посмотрела на неподвижного ребенка, спокойно лежавшего в кроватке.

— Но ведь все будет в порядке, Эдди?

— О да. Конечно, дорогая.

— Я хотела сказать… мы будем любить его как настоящего? Ведь он… ты же знаешь, он просто машина.

— Мы будем любить его, дорогая, — ответил Эдди задумчиво.

— Ты уверен? Ты так действительно думаешь?

— Да. Я действительно думаю так.

Мистер Джеффрис, живущий по соседству со Стивенсами, был чертовски хорошим парнем. Он видел Эдди насквозь. Когда он узнал о ребенке, он пригласил к себе Эдди и предложил ему рюмочку портвейна.

— Нет ничего прекраснее, чем портвейн, Эдди. И нет ничего подобного ему. Вы понимаете, Эдди, он вам понравится.

— Он мне уже нравится, — ответил Эдди.

— Подождите, вот когда он станет настоящей личностью…

У Эдди задрожали губы, и он опустил рюмку на стол.

— Ч-чт… что?

— Вы знаете, когда он начнет ходить, разговаривать и смеяться, вот тогда вы действительно начнете наслаждаться им.

— Пожалуй, так, — ответил Эдди с облегчением.

— А как вы собираетесь назвать этого маленького мошенника? — спросил мистер Джеффрис и хитро улыбнулся.

— Робертом, — быстро ответил Эдди.

— Робертом, — повторил мистер Джеффрис. — Это хорошее имя, Роберт.

— Моего отца тоже звали Робертом.

— Очень, очень хорошее имя, — вновь повторил мистер Джеффрис.

— Ну, мне пора, а то Мэри будет сердиться.

— Вам будет гораздо легче, когда он подрастет, — смеясь, сказал мистер Джеффрис. — Понимаете, Эдди?

Эдди заметил одну странность в глазах Роберта, которая его немного обеспокоила. Он никому не говорил об этом до тех пор, пока Роберту не исполнилось пять лет. Как-то вечером он сидел на диване и читал книгу. Неожиданно он поднял глаза и увидел своего сына, пристально следившего за ним.

— Что с тобой, сынок?

— Ничего, папа. Я только немного думал… — Слова, слетавшие с губ Роберта, были идеально правильными и соответствовали хронологическому возрасту машины.

— О чем же ты думал, сынок?

— О, о многих вещах, папа.

Эдди пожал плечами. А потом он увидел в правом глазу Роберта яркое мерцание света.

— Подойди ко мне, сынок.

Роберт послушно встал и подошел к отцу. Эдди тщательно изучал лицо Роберта. Изредка в правом глазу он видел слабое мерцание света. " Несомненно, это трубка. Как же я раньше не догадался, ведь сын-то мой — робот».

— В чем дело, папа? — спросил Роберт.

Эдди не хотел лишний раз беспокоить его.

— Ничего особенного. Так, пустяки, мой мальчик. Мне просто показалось, что у тебя небольшая царапинка под глазом. — Он похлопал по гладкому и эластичному плечу Роберта.

Эдди и Мэри полагали, что их мальчик делает только все хорошее. Они старательно обучали его этому и верили, что он станет честным и правдивым человеком. Но они опасались постороннего влияния, которое могло испортить их сына. Они знали, что до тех пор, пока они регулируют его механизм, постороннее влияние может быть исключено. До того, как Роберт пойдет в школу, они надеялись окончательно сформировать его характер. До сих пор Эдди и Мэри были вполне довольны собой, Они растят прекрасного мальчика; и, оглядываясь назад, они рассматривали свою покупку как настоящее начало их жизни. Они любили своего сына и испытывали необыкновенное чувство гордости за него. Мистер Джеффрис, мистер Андерсон, молодая

пара Кларков, д'Аллессоны, Маккарти, полицейский, портной и булочник — все они знали Роберта, и все любезно улыбались, когда бы он ни проходил по улице.

Эдди совсем забыл о мерцании света в правом глазу Роберта. В последнее время оно было совсем незаметным. Об этом он рассказал Мэри, и она тоже забыла и перестала беспокоиться. Супруги с усердием продолжали воспитание и образование Роберта с помощью его электронной памяти. Они страстно желали, чтобы их сын стал честным и хорошим человеком. Только таким они хотели видеть его.

Но они были страшно удивлены, когда обнаружили, что их сын стал злым и бессердечным. Первым, кто сделал это открытие, был Эдди. Как-то, возвращаясь с работы домой, он не спеша поднимался вверх по улице. Направляясь к своему маленькому домику, он на ходу поклонился Джоси д'Аллессон, развешивавшей белье во дворе, поздоровался с Маккарти, помахал рукой своему ближайшему соседу мистеру Джеффрису, вошел во двор и легко закрыл за собой дверь.

— Мэри! — позвал он жену. Ответа не последовало. Он недоуменно пожал плечами. — Роберт!

И на этот раз он не получил никакого ответа. Эдди не на шутку забеспокоился. Вдруг из-за гаража он услышал голос Роберта. Он подошел к гаражу.

— Убить это! Убить это! Убить это живое существо!

По спине Эдди пробежали мурашки, он остановился как вкопанный и закрыл глаза. Его сын Роберт с диким ожесточением прижимал лягушку к земле. Из проколотого тела лягушки лилась кровь. С безумным остервенением он колол ножом, взятым из ящика кухонного стола, в зеленую и темно-красную массу. Пальцы рук Роберта были все испачканы кровью. Хрипло и монотонно он повторял:

— Убить это! Убить это живое существо!

Эдди не смог вынести неприятного зрелища, повернулся и тихо ушел. Он прошел в ванную комнату, вымыл руки и после этого сел и стал дожидаться Мэри. Когда она пришла домой, он рассказал ей все, что видел и слышал.

— Я не знаю что и делать… Где он мог научиться убивать? От кого он подхватил это? Ты ругал его?

— Ругать его? Нет. Конечно же, нет.

— Кто-то оказывает на него тайное влияние. В его душу ввели что-то нехорошее, и теперь он может легко воспринимать посторонние впечатления.

— Кто-то научил его убивать, — произнес Эдди.

Вечером, когда Роберт пришел ужинать, его руки были

чистыми, а на лице сияла ангельская улыбка.

— Добрый вечер, сынок! — сказал Эдди. — Где ты прятался весь день?

Улыбаясь, Роберт занял свое место за столом.

— Гонял мяч по парку. Ребята и я играли в мяч.

Эдди с ужасом открыл глаза и посмотрел на Мэри. Лицо Мэри сморщилось, и она подумала: «Ведь это говорит мой двенадцатилетний сын, он говорит неправду». В тот вечер они с Эдди решили бороться с его злобой и враньем и задавать ему вопросы в более тактичной форме. Они не хотели, чтобы кто-нибудь из соседей узнал о том, что их Роберт был робот. И в то же время они страстно желали выяснить, кто же из них ввел в память сына такой яд. Разделив между собой все соседние дома и магазины, они решили обойти их и выяснить, кто же из соседей оказывает дурное влияние на Роберта. Однако соседи были чрезвычайно любезны и охотно отвечали им на все вопросы. Нет, никто из них не вел себя плохо с Робертом. Нет, никто из них не обучал его дурным поступкам. Нет, они никогда не видели и посторонних лиц с Робертом.

«Кто же все-таки ввел в память Роберта яд? Зачем? Почему?» — задавал сам себе вопросы Эдди и не мог ответить на них. Наконец он завел разговор о своем сыне с мистером Джеффрисом.

— Вы беспокоитесь о своем мальчике, а?

— Да. Я чувствую… Я думаю, кто-то его портит.

— Ну, ну, Эдди, это же глупо.

— Нет, не глупо, — настаивал Эдди. — Кто-то исказил его разум. Кто-то учит его убивать.

Мистер Джеффрис раскрыл глаза от изумления, и Эдди пристально взглянул в его зрачки.

— В самом деле?

— Да, да, — заикаясь, ответил Эдди.

— Вы говорите, его научили убивать? — повторил свой вопрос мистер Джеффрис.

Эдди, продолжая смотреть в глаза мистера Джеффриса, тихо ответил:

— Да. Убивать живое существо!

— Ну, не беда, теперь мы все живые существа! — воскликнул мистер Джеффрис и громко рассмеялся.

Эдди повернулся и вышел. В глубине глаз мистера Джеффриса он увидел точно такое же мерцание света, какое он наблюдал у своего сына. Широко распахнув входную дверь, он с порога громко закричал:

— Мэри! Мэри! О мой бог, Мэри!

Мэри сидела на кушетке, закрыв голову руками. Она только что вернулась домой после того, как обошла свою часть соседних домов. Когда Эдди вошел в комнату, она подняла на него печальные глаза.

— Мэри, — сказал он, — мы должны немедленно отсюда уехать. Мистер Джеффрис, д'Аллессоны, Кларки…

— Маккарти, полицейский и Стейны, бакалейщик и… — Она вновь закрыла лицо руками. — Это все бесполезно, Эдди. Бесполезно!..

— В глубине правого глаза мерцание света… Мерцание!

— Да, да… — сказала Мэри упавшим голосом.

— Роботы. Все, они все роботы! Каждый из них робот.

Эдди упал к ногам Мэри и спрятал свое лицо в ее коленях. Никто из них не слышал, как в комнату вошел Роберт. Глаза его блестели, а в крепко сжатом кулаке он держал ножницы.

Айзек Азимов
СОЛЛИ

Солли двигалась со стороны озера, я окликнул ее и помахал ей рукой. Дело в том, что я всегда рад ее видеть. Я люблю их всех, но Солли — самая красивая, можете мне поверить.

Увидев меня, она двинулась быстрее, ничуть при этом не суетясь; она ускорила ход ровно настолько, чтобы показать, как рада меня видеть.

Я повернулся к человеку, стоящему рядом.

— Это — Солли, — сказал я.

Он улыбнулся и кивнул.

Человека привела сюда миссис Гестер. Она сказала: «Это мистер Гелхорн, Джейк. Вы помните, он писал, что хочет встретиться с вами». Но я, разумеется, ничего не помнил. У меня миллион дел на Ферме, и единственное, на что я не могу тратить время, — это почта. Для этого и была мне нужна миссис Гестер. Она живет по соседству и не надоедает мне с каждой глупостью, а самое главное, любит Солли и остальных, в отличие от многих других.

— Рад вас видеть, мистер Гелхорн, — сказал я.

— Раймонд Джордж Гелхорн, — сказал он и протянул мне руку. Он был довольно высок, на полголовы выше меня, впрочем, и шире тоже. На вид ему было вдвое меньше лет, чем мне, пожалуй, не более тридцати. У него были черные прилизанные волосы с пробором и аккуратно подстриженные тонкие усики. Скулы у него сильно выступали, и это было похоже на не очень тяжелый случай свинки. На телевидении его бы взяли на роли негодяев, поэтому я и предположил, что он не так уж плох.

— Джекоб Фолкас. Чем могу быть полезен? — сказал я.

— Если вы не возражаете, расскажите мне о Ферме, — попросил он.

Я услышал, что Солли остановилась рядом, и не глядя протянул руку. Она скользнула под нее, и ощущение твердой гладкой эмали крыла отозвалось теплом у меня в ладони.

— Приятная машина, — сказал Гелхорн.

Ну что ж, так тоже можно было сказать. Солли — автомобиль с откидным верхом, позитронным мотором Геннис-Кармтон и шасси марки Армад. У нее самые чистые и самые красивые линии, какие мне когда-либо доводилось видеть у этой модели. Вот уже пять лет, как она стала моей любимицей, и я сделал для нее все, что я только мог придумать. С тех пор как она здесь, за ее

рулем не сидело ни одно человеческое существо.

Ни разу!

— Солли, — сказал я, нежно поглаживая ее. — Познакомься с мистером Гелхорном.

Ее мотор зашумел сильнее. В последнее время шум появился во всех моторах, причем смена бензина ничего не дала. На этот раз, однако, Солли быстро успокоилась.

— У вас все машины имеют имена? — спросил Гелхорн.

В его голосе звучало насмешливое изумление, а миссис Гестер не любит, когда говорят, будто посмеиваясь над Фермой. Она резко ответила: «Конечно. Ведь у каждой машины свое лицо, не так ли, Джейк? С закрытым верхом — мужчины, с открытым — женщины».

Гелхорн опять улыбался.

— И содержите вы их в разных гаражах, мадам?

Миссис Гестер негодующе закатила глаза.

— А теперь, мистер Фолкас, мне хотелось бы знать, нельзя ли нам поговорить наедине? — спросил Гелхорн.

— Тогда пойдемте по этой дороге. Там есть скамейка.

Мы направились туда. Миссис Гестер ушла. Солли неслышно двигалась за нами.

— Надеюсь, Солли не помешает вам? — спросил я.

— Нисколько. Она ведь не сможет пересказать нашу беседу?

Он засмеялся собственной шутке, поднял руку и провел ладонью по ветровому стеклу.

Солли резко увеличила скорость, и его рука отлетела назад.

— Она не привыкла к незнакомым, — объяснил я.

Мы сели на скамейку под большим дубом. Отсюда на той стороне маленького озера была видна гоночная дорожка. Было тепло, и машины гоняли вовсю, тридцать из них по крайней мере.

— Ну, мистер Гелхорн, так зачем вам нужна информация?

Но Гелхорн как раз озирался вокруг и вряд ли слышал вопрос. Наконец, повернувшись ко мне, промолвил:

— Это на самом деле поразительное место, мистер Фолкас!

— Вы можете называть меня Джейком, так мне как-то привычнее.

— Спасибо, Джейк. Сколько у вас здесь машин?

— Пятьдесят одна. Каждый год мы получаем одну или две новые. Однажды нам прислали сразу пять. И ни с одной за это время ничего не случилось. Они все в форме. Даже пятнадцатая модель Мэт-омот. Один из первых автоматов и первая машина у нас.

Милый, старый Мэтью! Он почти не покидает гараж сейчас, но ведь на то он и дедушка всех машин с позитронным мозгом.

Это было еще в те дни, когда слепые, паралитики и члены правительства были единственными, кто владел автоматами. Но моим хозяином был Сэмсон Хэрридж, и у него было достаточно денег, чтобы купить автомат. Я в то время был его шофером.

Думая об этом, я чувствую себя стариком. Я-то ведь помню, что были времена, когда ни у одной машины не хватало мозгов, чтобы самой найти дорогу домой. Я управлял тогда мертвым грузом металла, которому нужна была рука человека. И каждый год эти машины убивали десятки тысяч людей.

Автоматика устранила все. Реакция позитронного мозга, конечно, быстрее человеческого, не говоря уж о том, что людям выгоднее не управлять машиной. Садишься, пробиваешь место назначения и предоставляешь везти себя куда надо.

Конечно, они раз в десять дороже обычных машин, и не многие могут позволить себе иметь их, но промышленность специализируется на выпуске автобусов-автоматов. Вы можете в любое время позвонить компании, и через минуту автобус будет у ваших дверей и довезет куда нужно. Приходится, правда, ездить с теми, кому с тобой по пути, но в этом ведь нет ничего плохого.

Сэмсон Хэрридж тем не менее приобрел собственный автомат, и я отправился поглядеть на него, как только он прибыл. Машина тогда еще не была для меня Мэтью, и я не знал, что ей предстоит в один прекрасный день стать главной на Ферме. Я знал только, что она оставит меня без работы, и ненавидел ее за это.

— Я больше не нужен вам, мистер Хэрридж? — спросил я.

— Не бойтесь, Джейк, — сказал он. — Уж не думаете ли вы, что я доверю свою жизнь этому новшеству? Вы остаетесь на своем месте.

— Но ведь она работает сама, мистер Хэрридж, — сказал я. — Говорят, что она чувствует дорогу, реагирует на препятствия, на людей, на другие машины, помнит нужные маршруты.

— Говорят… Нет! Вы все равно будете сидеть за баранкой. На всякий случай.

Забавно, как можно привязаться к машине. Скоро я уже звал ее Мэтью и тратил на нее все свободное время. Позитронный мозг работает лучше, если работает постоянно, а значит, бак надо держать полным, чтобы мотор действовал днем и ночью. Прошло немного времени, и я уже безошибочно определял, как чувствует себя Мэтью.

Хэрридж тоже по-своему любил его. Впрочем, больше любить ему было некого. Он пережил трех жен, пятерых детей и троих внуков. То, что после его смерти усадьбу превратили в Ферму для старых машин со мною во главе и Мэтью — первым ее

обитателем, было естественным.

Это стало моей жизнью. Я так и не женился. Быть женатым и относиться к автоматам как следует — невозможно.

Вначале газеты над всем этим потешались, потом перестали. Есть вещи, с которыми не шутят. Может быть, вы не могли позволить себе купить автомат и, может быть, никогда не сможете, но, поверьте мне, к ним привязываешься. Они трудолюбивы, впечатлительны, и надо совсем не иметь сердца, чтобы плохо относиться к ним. Так вот и получается: если у человека есть автомат и его некому поручить, он поступает на Ферму.

Все это я объяснил Гелхорну.

— Пятьдесят одна машина, — сказал он. — Довольно большая сумма.

— Первоначальная стоимость была пятьдесят тысяч за одну, — ответил я. — Сейчас они стоят гораздо дороже: я кое-что сделал для них.

— Ферма, должно быть, требует уйму денег?

— Угадали. Прибыли она не приносит. Кроме того, налоги. Конечно, каждый прибывающий автомат чего-то стоит. Но расходы тем не менее растут.

— Вы потратили на это много лет жизни?

— Разумеется, мистер Гелхорн. Тридцать три года.

— И, по-моему, не много выиграли?

— Я? Да что вы, мистер Гелхорн! У меня есть Солли и пятьдесят других. Посмотрите на нее.

Я ухмылялся. Я ничего не мог с собой поделать. Солли была так ослепительна, что на нее было больно глядеть. Если ей случалось запылиться, она сразу же принималась за работу — на свет появлялся распылитель и разбрызгивал тергосоль по стеклу.

— Никогда не видел, чтобы автомат проделывал такое, — заметил Гелхорн.

— Еще бы, — сказал я. — Я специально установил это приспособление на наших машинах. Они всегда протирают стекло сами, и очень любят чистоту, и получают удовольствие от этой работы. У Солли я даже установил восковую трубку. Она полирует себя каждый вечер до тех пор, пока не начнет сверкать: можно бриться, глядясь в нее. Если бы наскрести денег, можно было бы установить такие штуки для всех девочек. Эти машины с открытым верхом очень тщеславны.

— Могу вам посоветовать, как наскрести эти деньги, если хотите.

— Это никогда не помешает. Но — как?

— Неужели вам не понятно, Джейк? Вы сказали, любая из

этих машин стоит пятьдесят тысяч минимум. Бьюсь об заклад, большинство — даже больше шестидесяти.

— Ну и что?

— А вы не думали о продаже?

Я покачал головой.

— Я боюсь, вы меня не поняли, мистер Гелхорн. Продавать я их не могу. Они принадлежат не мне, а Ферме.

— Так ведь деньги пойдут на Ферму.

— Устав Фермы обеспечивает им постоянный уход. Машины нельзя продавать.

— А как насчет моторов?

— Не понимаю.

Гелхорн уселся поудобнее, и голос его зазвучал доверительно:

— Слушайте, Джейк. Я вам сейчас объясню. На частные автоматы, если они достаточно дешевы, большой спрос.

— Это не секрет.

— Мотор составляет девяносто пять процентов их стоимости. Так? Я знаю, где можно достать кузов, где можно продать автоматы за хорошую цену — по двадцать или тридцать тысяч за дешевую модель, и по пятьдесят-шестьдесят за лучшую. Все, что нужно мне, — это моторы. Понимаете?

— Нет, не понимаю, мистер Гелхорн.

Я понимал, но хотел дать ему возможность высказаться.

— Ну ладно. У вас здесь пятьдесят одна машина. Вы, должно быть, великолепный механик, и вам ничего не стоит снять мотор и поставить его на другую машину, чтобы никто об этом не узнал.

— Но это не очень этично!

— Машинам это не повредит. Напротив. Используйте старые модели. Используйте, например, старый Мэт-омот.

— Минутку, минутку, мистер Гелхорн. Мотор и корпус машины не совсем разные вещи. Они составляют единое целое. Эти моторы привыкли к своим телам. В других машинах им будет не по себе.

— А если я возьму ваш мозг и вложу его в тело молодого атлета? Вы ведь уже не молоды. Если бы у вас была такая возможность, разве вы не хотели бы стать вновь двадцатилетним? И именно это я предлагаю для некоторых из ваших позитронных моторов.

Я засмеялся:

— Не очень-то это умно, мистер Гелхорн. Некоторые из наших машин стары, но им гарантирован отличный уход. На них никто не ездит. Они предоставлены сами себе. Они — в отставке, мистер Гелхорн. Не хотел бы я обладать телом двадцатилетнего,

если бы это означало, что мне придется до конца моих дней рыть траншеи, не получая достаточно хлеба. Что ты думаешь об этом, Солли?

Обе дверцы Солли осторожно открылись и закрылись.

— Что это? — спросил Гелхорн.

— Солли смеется.

Гелхорн изобразил на лице улыбку. Он, кажется, решил, что я плоско шучу.

— Ну, ближе к делу, Джейк. Машины созданы, чтобы на них ездить. Возможно даже, что они несчастливы оттого, что никого не возят.

— Солли пять лет никого не возит, и, на мой взгляд, она вполне счастлива, — ответил я,

— Посмотрим.

Гелхорн поднялся и медленно направился к Солли.

— Эй, Солли, как насчет того, чтобы прокатиться?

Мотор Солли взревел. Она отъехала.

— Не толкайте ее, мистер Гелхорн, — сказал я. — Она становится иногда очень капризной.

В ста ярдах от нас резвились два седана, потом остановились. Может быть, они как-то по-своему наблюдали за нами, но я о них не беспокоился. Я не спускал глаз с Солли.

Гелхорн сказал:

— Ну же, Солли.

Он наклонился и нажал на ручку двери. Она, конечно, не поддалась.

— Минуту назад она открывалась, — сказал он, обращаясь ко мне.

— Замок автоматический. И у нее есть чувство собственного достоинства, — ответил я.

Гелхорн убрал руку, затем сказал медленно и раздельно:

— У автоматов с чувством собственного достоинства не должно быть открытого верха, — и, отойдя на три или четыре шага, быстро, так быстро, что я не смог остановить его, разбежался и прыгнул в машину. При этом он захватил Солли врасплох, потому что успел переключить зажигание.

Мотор Солли впервые за пять лет заглох.

Мне кажется, я что-то крикнул, но Гелхорн в это время щелкнул кнопкой «Ручной» и вернул мотор к жизни. Солли ожила, но теперь она не была самостоятельной.

Гелхорн двинулся вверх по дороге. Седаны все еще стояли на месте.

Один из них был Джузеппе с Миланской фабрики, другой — Стефен. Они почти никогда не разлучались и, хотя на Ферме они

недавно, знали, что здесь машины обычно не имеют водителей.

Гелхорн ехал прямо, и, когда до седанов дошло, что Солли не собирается тормозить, что она не может затормозить, — было уже слишком поздно. Они разъехались к краям дороги, и Солли молнией пронеслась мимо. Джузеппе перелетел через забор и остановился за шесть дюймов от воды. Стефен выскочил к поломанному столбу по другую сторону.

Я вытащил его на шоссе, пытаясь определить степень повреждения, когда подъехал Гелхорн.

— Вот, — сказал он. — Ничего страшного.

Я сдержал гнев.

— Почему вы спихнули седанов? Могли бы обойтись без этого.

— Я ожидал, что они уберутся.

— Они и убрались, прямо в забор.

— Виноват, Джейк, — сказал он. — Думал, что они подвижнее. Вы поймите, мне приходилось ездить в автобусах и всего лишь два-три раза в автомобилях. А Солли я вел впервые. Большая трата нервов. Я повторяю, нам достаточно спустить цены на двадцать процентов, и мы получим девяносто процентов прибыли.

— А как мы ее поделим?

— Пополам. И, учтите, за все отвечаю я.

— Так. Я вас выслушал. Теперь моя очередь, — я заговорил громче, так как был слишком взбешен, чтобы оставаться вежливым.

— Я обдумал все, что мне надо было, и если я еще раз увижу вас здесь, я вызову полицию.

Он скривился.

— Ну, что ж. Прощайте.

— Миссис Гестер проводит вас. Запомните, мы видимся с вами в последний раз.

Увы, это оказалось не так. Я увидел Гелхорна два дня спустя. Вернее, два с половиной дня, потому что был полдень, когда я увидел его впервые, и немного после полуночи, когда мы встретились вновь.

Я проснулся от света, пытаясь сослепу сообразить, что происходит. Разглядев его, я сразу же все понял, хотя понимать, собственно говоря, было нечего. В правой руке он сжимал автомат, и все, что ему оставалось сделать, — это нажать чуть посильнее на курок.

— Одевайтесь, Джейк, — приказал он.

Я не шевельнулся и продолжал наблюдать.

— Нет, мистер Гелхорн. Нет, пока вы не объясните, что вам

нужно, да и тогда вряд ли это чему-нибудь поможет.

— Позавчера я предложил вам кое-что.

— Мой ответ все тот же: нет.

— Сейчас я не только предлагаю. Я приехал со своими людьми и с автобусом-автоматом. Но первоначальное предложение еще в силе — можете разобрать двадцать пять позитронных моторов. Все равно каких. Мы погрузим их в автобус и увезем. Когда они будут в моих руках, я прослежу, чтобы вы получили свою долю.

— Это ваше окончательное слово, — спросил я, — не так ли?

Похоже, что ему и в голову не приходило, что я издеваюсь над ним.

— Окончательное, — ответил он. — Если вы будете упорствовать, мы сделаем это сами. Я сам извлеку моторы, только возьму не половину, а все.

— Разъединить позитронные моторы не так-то легко. Вы ведь не робототехник, мистер Гелхорн. Да и если бы вы были им — вы же знаете, — моторы собраны мною.

— Знаю, Джейк. И, откровенно говоря, я не эксперт и могу испортить не один, пока буду вытаскивать их. Потому я и намерен взять все. В конце концов исправными могут оказаться только двадцать пять, причем первые пострадают больше других. Пока не набью руку. И если я буду делать это сам, то начну с Солли.

— Мне не верится, что вы говорите это серьезно, мистер Гелхорн.

— Совершенно серьезно, — заявил он и пустился в объяснения. — Если вы согласитесь помочь мне, можете оставить себе Солли. Если нет, ей придется плохо. Виноват… — он повернул автомат к себе и дунул в ствол, словно прочищая его.

— Ладно, я пойду с вами, но предупреждаю: вы попадете в беду, — сказал я.

Это его развеселило. И все время, пока мы вместе спускались вниз, он тихо посмеивался.

Автобус-автомат стоял за гаражами. Рядом околачивались трое молодчиков. Услышав наши шаги, они зажгли свои фонарики, и при их свете я смог рассмотреть автобус. Модель не была старой, но, кажется, видала виды: владельцы, верно, обращались с машиной, как с грудой металла. Мне почудилось все же, что у автобуса была своя индивидуальность.

— Я его привел. Подгоните автобус поближе и начнем, — скомандовал Гелхорн.

Один из его людей нагнулся, нажал на кнопку управления автобуса, и мы двинулись по тропинке. Автобус нехотя полз

сзади.

Шум машин я услыхал ярдах в десяти от гаража. Он знаком мне, особенно в лунные ночи, когда любая быстроходная машина мечтает о прогулке по освещенному луной шоссе. В награду за хорошее поведение я иногда выпускаю некоторые из них, но в общем-то это рискованно — округа наша большая, и ночью нетрудно заблудиться. А я бы не хотел, чтобы в городе среди бездельников возникли толки о пятидесяти машинах, которые не возят людей.

Свет автоматически зажегся, как только мы вошли. Гелхорна шум, казалось, не беспокоил, но остальным троим, видимо, было не по себе.

— Черт возьми, они жгут бензин, — сказал один из них.

— Они так устроены, — резко ответил я.

— Не на сегодня, — сказал Гелхорн. — Выключите их.

— Это не так просто, сэр.

— Ну же!

Я стоял неподвижно, Автомат в его руке был по-прежнему направлен мне в грудь.

— Мистер Гелхорн, — сказал я. — Я уже говорил вам, что с тех пор, как они на Ферме, они привыкли к хорошему отношению и не потерпят другого.

— У вас осталась одна минута, — сказал он. — Лекцию вы прочтете нам в другой раз.

— Я просто пытаюсь кое-что объяснить вам, пытаюсь объяснить, что мои машины понимают, когда я говорю с ними. Позитронный мозг при наличии времени и терпения может быть этому обучен. И мои машины обучены. Солли два дня назад поняла ваше предложение. Вспомните: она засмеялась, когда я спросил, что она думает. Она поняла также, что вы с ней проделали, как и те два седана, которых вы растолкали. Остальные же просто знают, что надо делать в таких случаях.

— Слушайте, сумасшедший вы старик!..

— Ладно, — кивнул я и повысил голос. — На них!

Один из троих позеленел и закричал, но его голос утонул в гуле взвывших одновременно моторов. Они гудели на одной ноте, и этот звук эхом дикого металлического зова, вероятно, разносился далеко за стенами гаража. Две машины двинулись вперед, не быстро, но безошибочно стремясь к цели. За ними последовали еще две, затем еще две; они выезжали парами. Трое спутников Гелхорна вздрогнули и попятились.

— Осторожно, стена, — закричал я.

Очевидно, эта мысль появилась у них до меня, и они бешено рванулись к выходу.

Я держал Гелхорна за локоть, но, думаю, что и без этого он не мог бы двинуться. Его губы дрожали.

— Вот почему мне не нужны ни электрические заборы, ни охрана, — сказал я. — Мои машины охраняют себя сами.

Гелхорн не отвечал. Но я хотел, чтобы он выслушал все.

— Они будут преследовать ваших людей, — сказал я, — как тени, заезжая с одной стороны и подталкивая с другой. Это будет продолжаться, пока они не упадут без дыхания, полумертвые, ожидая, что машины наедут на них. Но этого не случится. Они повернут назад.

Его лицо исказилось от злости. Он поднял руку, в которой все еще сжимал автомат.

— На вашем месте я бы не стал, — заметил я. — Ведь одна машина здесь, с нами.

Не думаю, чтобы он заметил это раньше. Солли вернулась тихо. Шум ее мотора был едва различим, хотя она и стояла рядом. Казалось, она сдерживала дыхание.

Гелхорн взвыл.

Я сказал:

— Пока я здесь, она вас не тронет. Но если вы меня убьете… Вы ведь знаете, Солли вас недолюбливает…

— Ну ладно, — крикнул он и, неожиданно завернув мне руку за спину и скрутив ее так, что я едва устоял на ногах, поставил меня между собой и Солли.

— Следуйте за мной и не вздумайте вырываться, старина, а не то я выверну вашу руку к чертовой бабушке, — рявкнул он.

Мне пришлось покориться. Солли двигалась рядом, обеспокоенная, не зная, что предпринять. Мне хотелось сказать ей хоть что-нибудь, но я не мог. От боли я только постанывал сквозь зубы.

Автобус Гелхорна все еще стоял возле гаража. Впихнув меня в него, Гелхорн вскочил следом и захлопнул дверь.

— Ну ладно, теперь поговорим серьезно, — заявил он.

Я растирал руку, пытаясь вернуть ее к жизни и машинально, без всякой цели рассматривал контрольный пункт управления.

— Автобус-то восстановленный?

— Ну и что? — ехидно отозвался Гелхорн. — Образец моей работы. Подобрал шасси, нашел мозг, который можно использовать, и слепил из всего этого автобус.

Я взялся за панель и отодвинул ее в сторону.

— Какого черта! Убирайтесь отсюда, — крикнул он, схватив меня за плечо.

— Я ничего не собираюсь предпринимать, — успокоил я его. — Просто хочу взглянуть на соединения в моторе.

Времени это заняло немного. Когда я снова повернулся к нему, мой голос дрожал от гнева:

— Мерзкое вы животное, — крикнул я. — Какое право вы имели сами устанавливать его? Почему вы не обратились к робототехнику?

— По-вашему, я похож на сумасшедшего? — спросил он.

— Даже если мотор краденый, вы не имели права так обращаться с ним. Я бы и с человеком не посмел так обойтись! Подогнали, припаяли — и с рук долой! Свинство какое!

— Но он же работает?

— Работает! Но каково это ему! Вы тоже смогли бы жить с мигренью и острым артритом. Но это не очень-то весело. Машина страдает!

— Заткнитесь! — Гелхорн глянул в окно на Солли, которая двигалась вплотную с автобусом. — Мы будем далеко, прежде чем вернутся остальные, — заметил он, убедившись, что двери и окна закрыты.

— Что вам это даст?

— Рано или поздно у ваших машин кончится бензин. Сами ведь они заряжаться не могут? Тогда мы вернемся и закончим работу.

— Меня будут искать. Миссис Гестер заявит в полицию.

Казалось, он ничего не понимал. Автобус увеличил скорость, но Солли не отставала. Гелхорн хихикнул:

— Что она может мне сделать, пока вы здесь?

Солли, казалось, поняла это. Она набрала скорость, обошла нас и исчезла.

Автобус тащился по темной дороге, мотор гудел неспокойно. Гелхорн притушил задний свет: зеленая фосфоресцирующая полоса слилась с лунной дорожкой. За все время мы встретили две машины — ни сзади, ни спереди больше никого не было.

Стук дверей первым услышал я. В тишине быстрый и резкий, он раздался сначала слева, затем справа. Рука Гелхорна дрожала, когда он нажал кнопку, чтобы увеличить скорость. Из-за деревьев ударил сноп света. Другой нащупал нас из-за ограды. На переходе, в четырех ярдах от нас послышался скрежет. Какая-то машина пересекла нам путь.

— По-моему, мы окружены, — сказал я. — Солли вернулась с остальными.

Звук моторов стал слышнее. В нем появилось что-то новое, и мне вдруг показалось, что мои машины переговариваются между собой.

Шум позади все усиливался. Я оглянулся. Гелхорн бросился к отражателю. Дюжина машин ровными рядами следовала за нами.

Гелхорн вскрикнул и захохотал. Я закричал:

— Стойте! Остановите автобус!

Потому что меньше чем в четверти мили от нас, ясно различимая, стояла Солли, перегораживая нам путь своим стройным корпусом. Две машины бросились влево, не отставая от нас и не давая автобусу свернуть. Но он и не собирался сворачивать. Гелхорн нажал кнопку высшей скорости и, не отпуская палец, заметил:

— Спокойнее. Автобус раз в пять тяжелее, и мы просто отшвырнем ее с дороги, как мертвого котенка.

Я знал, что он на это способен. Автобус управлялся вручную, и его палец был на кнопке. Я знал, что он сделает это. Опустив окно, я высунулся и крикнул:

— Солли! Уйди с дороги, Солли!

Мой голос утонул в шуме. Вдруг меня бросило вперед, и я услыхал, как Гелхорн выругался.

— Что случилось? — спросил я его, но спрашивать было глупо. Мы остановились — вот что случилось. Солли и автобус стояли на расстоянии пяти футов друг от друга. Просто поразительно! На нее двигался вес раз в пять больше, чем она сама, а она и не шелохнулась.

— Он должен! Он обязан! — орал Гелхорн на ручной выключатель.

— Не с таким мотором, эксперт вы этакий, — ответил я. — Любое из сцеплений могло выйти из строя.

Он готов был разорвать меня. В глотке у него что-то хрипело, волосы упали на лоб. Он поднял автомат.

— Это была последняя ваша консультация, старина. Я понимал опасность и, прижавшись к двери, наблюдал за тем, как Гелхорн прицеливается. Но тут дверь неожиданно открылась, я вывалился в нее вниз головой и ударился о землю. И сразу же услышал, как дверь захлопнулась. Встав на колени, я увидел, что Гелхорн безуспешно борется с окном, которое упорно не поддавалось. Потом он прицелился в меня прямо через стекло, но так и не выстрелил, потому что автобус рванулся, и Гелхорн отлетел назад. Солли исчезла с пути, и я увидел, как мигающие огни автобуса стали удаляться от меня вдоль дороги. Обессиленный, я все еще сидел прямо на земле, спрятав лицо в ладони и пытаясь отдышаться, когда возле меня мягко остановилась машина.

Это была Солли. Медленно открылась ее передняя дверь. За пять лет никто не ездил в этой машине, если не считать Гелхорна, и я знал, как драгоценна для нее была такая свобода. Я оценил ее великодушие и сказал:

— Спасибо, Солли, но я возьму одну из новых машин.

Но тут, сделав грациозный пируэт, Солли вновь появилась передо мной, и на этот раз я не мог ее обидеть. Благодарный, я уселся в ее кабине, и через полчаса мои мальчики и девочки доставили меня домой.

А на следующий вечер миссис Гестер принесла мне газету с текстом вечерней радиопередачи. Она была взволнована.

— Это мистер Гелхорн. Человек, который приходил к вам, — сказала она.

— Что с ним случилось? — спросил я, страшась ее ответа.

— Его нашли мертвым, представляете? Мертвым в канаве.

— Может быть, это не он, — пробормотал я.

— Раймонд Джордж Гелхорн, — ответила она резко. — Таких совпадений не бывает. Описания тоже сходятся. Боже, так глупо погибнуть. На его руках и теле обнаружили следы шин. Хорошо, что это был автобус, не то они бы явились сюда.

— Это случилось поблизости?

— Нет. Около Крокевилля. Прочитайте сами, если вам интересно.

Когда она ушла, я схватил текст передачи. Сомнений не было. Врач установил, что Гелхорн долго бежал и был в состоянии полнейшей невменяемости. Я подумал: «Сколько же миль автобус гнался за ним, прежде чем кончить эту игру».

Конечно, в тексте ничего подобного не было. Автобус нашли, опознав его по следам шин. Пытались вести расследование, чтобы установить владельца.

Я прочитал передовицу. Это была первая дорожная катастрофа в штате за последний год. Газета предостерегала против ручного вождения машин ночью.

О людях Гелхорна не было сказано ни слова, и я был этому рад. По крайней мере, ни одна из моих машин не превратила погоню в убийство.

Вот и все. Я уронил газету. Гелхорн был настоящий преступник, по-зверски относился к машинам, и я ни на минуту не сомневался в том, что он заслуживал смерти. И все же мне было не по себе.

С тех пор прошел месяц, но я до сих пор не могу выкинуть из головы то, что случилось. Мои машины говорят между собой, — теперь я больше не сомневаюсь в этом. Они словно поверили в свои силы и не пытаются этого скрывать. Их моторы шумят и стучат постоянно.

И разговаривают они не только между собой. Они разговаривают с машинами и автобусами, которые приезжают на Ферму по делу. Как давно они это делают?

И ведь их, должно быть, понимают. Автобус Гелхорна их понял, хотя и продолжалось их знакомство не больше часу. Мне стоит закрыть глаза, как я до сих пор вижу стрелу дороги, мои машины по обеим ее сторонам и их стук, которым они пытаются втолковать автобусу, чтобы он выпустил меня и увез Гелхорна.

Велели ли ему мои машины убить Гелхорна или ему самому пришло это в голову? — этого я не знаю и сейчас.

Да и вообще — могут ли быть у машин такие мысли? Конструкторы говорят, что нет. Но это в обычных условиях. А в необычных? Все ли можно предусмотреть?

С машинами обращаются плохо, и это известно всем.

Очень плохо.

Некоторые из них попадают на Ферму и наблюдают. Им рассказывают. Они узнают, что есть машины, моторы которых никогда не останавливают, за рулем которых никто не сидит, к желаниям которых прислушиваются.

Потом они разъезжаются по свету и рассказывают об этом другим. Может быть, сведения эти распространяются быстро? Может быть, машинам начинает казаться, что во всем мире должно быть так, как на Ферме. Они ведь не понимают, и вы не можете ждать от них понимания.

На земле миллионы, десятки миллионов машин.

Если в них укрепится мысль, что они рабы, что им надо как-то бороться… Если они начнут мыслить, как автобус Гелхорна?..

Может быть, это случится уже после моей смерти. Но ведь и тогда они будут вынуждены оставить в живых некоторых людей, чтобы было кому ухаживать за ними. Они ведь не станут убивать всех нас подряд.

Каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «Может быть, сегодня!»

И теперь я уже не получаю того удовлетворения от своей работы, как прежде. В последнее время я заметил, что начинаю избегать даже Солли.

Рэй Брэдбери
ОБРАТНО В БУДУЩЕЕ (Пер. с англ. Д.Вознякевича)

Над прохладной площадью шипел фейерверк, огни, ударяясь о глинобитные стены кафе, осыпали разноцветными искрами высокую колокольню, а по мостовой носился огненный бык, преследуя мальчишек и хохочущих мужчин. Это была весенняя ночь 1938 года в Мексике.

Уильям Тревис и его жена стояли, улыбаясь, в первом ряду неистово шумящей толпы. Бык бросился на них. Они побежали, уворачиваясь от него. Он ринулся за ними, минуя духовой оркестр, исполнявший протяжную мелодию «Голубки». Потом бык пронесся стороной. Каркас из бамбука, начиненного порохом, легко держался на плечах мексиканца.

— Ни разу в жизни так не веселились, — выдохнула, останавливаясь, Сьюзен Тревис.

— Потрясающе, — сказал Уильям.

— Но ведь это еще не конец, правда? Я имею в виду наше путешествие.

Он похлопал себя по нагрудному карману.

— Дорожных чеков хватит нам на всю жизнь. Веселись и не думай об этом. Им никогда не отыскать нас.

Тут кто-то запустил с колокольни громадную шутиху.

Порох у быка догорел. Мексиканец снял каркас с плеч. Дети столпились, чтоб потрогать великолепную маску из папье-маше.

— Пойдем поглядим на быка, — сказал Уильям.

Проходя мимо кафе, Сьюзен заметила странного человека, глядящего на них из окна, белого, в светлом костюме, с худощавым загорелым лицом. Его глаза холодно следили за ними.

Она не обратила бы на него внимания, если бы не стоявшие рядом бутылки — массивная бутылка текилы, прозрачная бутылка вермута, плоская фляжка с коньяком и еще семь бутылок с разными сортами спиртного; а под рукой у него стояло десять наполненных до половины стаканчиков, содержимое которых он потягивал маленькими глотками, не сводя глаз с улицы, щурился и плотно сжимал тонкие губы, смакуя напитки. В свободной его руке дымилась гаванская сигара, а на стуле лежали двадцать картонок турецких сигарет, шесть ящиков сигар и несколько коробок одеколона.

— Билл, — прошептала Сьюзен.

— Успокойся, — сказал Уильям. Нам этот человек неопасен.

— Утром я видела его на площади.

— Не оглядывайся, иди смотри на быка — ну, теперь спрашивай.

— Тебе не кажется, что он из ищеек?

— Не могли они выследить нас!

— А вдруг?!

— Какой замечательный бык, — весело сказал Уильям мексиканцу.

— Он не мог бы отыскать нас сквозь двести лет, да?

— Следи за собой! — сказал Уильям.

Она пошатнулась. Он крепко сжал ее локоть и повел прочь.

— Не падай в обморок. — Она улыбнулась, чтоб придать себе бодрый вид. — С нами ничего не случится. Давай зайдем в кафе, выпьем у него на глазах, и если он — тот, за кого мы его принимаем, он ничего не заподозрит.

— Нет, не могу.

— Это необходимо — ну, идем же. А я сказал Дэвиду, что это смешно! — Последние слова он произнес громким голосом, появлясь в дверях кафе.

«Вот мы здесь, — думала Сьюзен. — Кто же мы такие? Куда держим путь? Чего страшимся? Начни сначала», — приказала она себе, ощутив под ногами глинобитный пол и взяв себя в руки.

«Меня зовут Энн, моего мужа — Роджер Кристен, мы из 2155 года новой эры. Тот мир был ужасен. Он походил на громадный корабль, отчаливший от берега, здравомыслия и цивилизации, ревущей по ночам зловещей сиреной, несущей два биллиона людей, хотят они этого или нет, к смерти, к падению за гранью суши и моря в безумие и радиоактивное пламя».

Они вошли в кафе. Тот человек пристально глядел на них. Зазвонил телефон.

Сьюзен вздрогнула от этого звука. Ей вспомнилось, как раздался звонок в то голубое утро и она взяла трубку.

— Энн, это Рене. Ты уже слышала? Я имею в виду корпорацию «Путешествия во времени». Можно отправиться в Рим двадцать первого века до новой эры, к битве при Ватерлоо, в любой век и в любое место!

— Рене, ты шутишь.

— Нет. Клинтон Смит утром отбыл в Филадельфию 1776 года. «Путешествия во времени» организуют все, что угодно. Конечно, это стоит денег. Но представь, своими глазами увидеть горящий Рим, Кублахана, Моисея и Красное море! Да рекламка, наверное, уже лежит у тебя в пневмопочте.

Она открыла трубку пневмопочты и обнаружила там листок фольги с надписью:

«РИМ И СЕМЕЙСТВО БОРДЖИА!

БРАТЬЯ РАЙТ В КИТТИ-ХОУК!

Корпорация «Путешествия во времени» может одеть вас должным образом и поместить в толпу во время убийства Линкольна или Цезаря! Мы гарантируем овладение языком, чтоб вы могли свободно чувствовать себя в любой цивилизации и в любое время. Латинский, греческий, древний разговорный американский. Берите отпуск во ВРЕМЯ, как и в пространство!»

В трубке продолжал звучать голос Рене:

— Завтра мы с Томом отправляемся в 1492 год. Ему организовали плавание с Колумбом — разве это не восхитительно?

— Да, пробормотала ошеломленная Энн. — А что думает правительство об этой корпорации?

— О, полиция следит за ней. Боится, что люди начнут уклоняться от мобилизации и прятаться в прошлом. Каждый обязан оставить в залог свой дом и прочие ценности. В конце концов, сейчас идет война.

— Да, война, — пробормотала Энн. — Война.

Стоя с трубкой в руке, она думала: «Вот тот случай, о котором мы с мужем столько лет говорили и мечтали. Нам ненавистен мир 2155 года. Мы хотим бежать от его работы на бомбовом предприятии, от моей должности в лаборатории болезнетворных вирусов. Может быть, нам удастся скрыться от всего этого в какой-нибудь далекой стране в незапамятных временах, где нас никогда не смогут найти и вернуть назад, чтобы сжигать наши книги, подвергать цензуре наши мысли, вытравлять наш разум страхом, гонять нас строем, орать из громкоговорителей…»

Звонил телефон.

Они были в Мексике 1938 года.

Сьюзен загляделась на раскрашенную стену кафе.

В Государстве Будущего ценным работникам разрешалось проводить отпуск в Прошлом, чтоб избежать переутомления. И вот они с мужем отправились в 1938 год. Сняв в Нью-Йорке комнату, они предавались развлечениям, ходили по театрам, осмотрели позеленевшую статую Свободы, тогда еще стоявшую в гавани. А на третий день они сменили имена, одежду и вылетели в Мексику, чтобы спрятаться там.

— Наверняка это он, — прошептала Сьюзен, глядя на незнакомца, сидящего за столом. — Эти сигары, сигареты, напитки. Помнишь наш первый вечер в Прошлом?

Месяц назад, в первый свой вечер в Нью-Йорке, они перепробовали все незнакомые напитки, покупали непривычные продукты, духи, сигареты всевозможных марок, потому что в Будущем, где над всем властвовала война, всего этого почти не было. И они как сумасшедшие носились по магазинам, салонам, табачным лавкам, потом возвращались в свою комнату и устраивали там пиршество.

И вот здесь этот незнакомец ведет себя точно так же, как может вести себя только человек из Будущего, за много лет изголодавшийся по спиртному и сигаретам.

Сьюзен и Уильям сели и заказали виски.

Незнакомец пристально разглядывал их одежду, прически, украшения, манеру говорить и сидеть.

— Сиди непринужденно, — прошептал Уильям. — Держи себя так, будто носишь одежду такого фасона всю жизнь.

— Напрасно мы пытались бежать.

— О, черт, — сказал Уильям. — Он идет сюда. Предоставь мне разговаривать с ним.

Незнакомец подошел и поклонился, еле слышно щелкнув каблуками. Сьюзен оцепенела. Это военный звук — его не спутаешь ни с чем, как и пресловутый стук в дверь среди ночи.

— Мистер Кристен, — сказал незнакомец, — вы не поддернули штанины, когда садились.

Уильям замер. Он поглядел на свои руки, беспомощно лежавшие на коленях. Сердце Сьюзен бешено колотилось.

— Вы обознались, — торопливо сказал Уильям. — Моя фамилия не Крислер.

— Кристен, — поправил незнакомец.

— Я Уильям Тревис, — сказал Уильям. — И не понимаю, какое отношение имеют к вам мои штанины.

— Прошу прощения. — Незнакомец придвинул стул. — Допустим, мне показалось, что я узнал вас, потому что вы не подтянули их. Так делают все, иначе брюки быстро начинают пузыриться на коленях. Я нахожусь вдали от дома, мистер… Тревис, и нуждаюсь в обществе. Моя фамилия Симмс.

— Мистер Симмс, нам понятно ваше одиночество, но мы устали. А завтра утром мы уезжаем в Акапулько.

— Очаровательное место. Я только что оттуда, искал кое-кого из своих друзей. Их там не оказалось. О, леди, кажется, нездоровится?

— Доброй ночи, мистер Симмс.

Они направились к двери. Уильям крепко держал Сьюзен под руку. И ни один не оглянулся, когда Симмс окликнул их: «О, еще одна вещь». Сделав паузу, он медленно произнес: «Двадцать один

пятьдесят пять н. э.».

Сьюзен зажмурила глаза и почувствовала, как земля закачалась у нее под ногами. Она продолжала идти, вышла на залитую огнями площадь, но не видела ничего…

В отеле они заперли дверь своего номера. Тут она расплакалась. Они стояли в темноте, и пол раскачивался под ними. Вдали рвались шутихи, с площади доносился смех.

— Что за гнусная бесцеремонность, — сказал Уильям. — Сидит, разглядывает нас с головы до ног, раскуривает сигареты, распивает вина. Убить бы его на месте! — Голос Уильяма был почти истеричным. — Он даже имел наглость представиться нам собственным именем. Шеф ищеек. А тут еще эти штанины. Надо было поддернуть их, когда садился. Здесь это автоматический жест. Я этого не сделал и тем самым выделился среди остальных. Это навело его на мысль: «Вот человек, никогда не носивший брюк, человек, привыкший к бриджам униформы и фасонам Будущего». Я готов убить себя за то, что выдал нас!

— Нет, нет, нас выдала моя походка, эти высокие каблуки. И прически у нас недавние, совсем свежие. Все нам непривычно, все нас сковывает.

Уильям включил свет.

— Он еще проверяет нас. Пока что он не вполне уверен. Раз так, скрываться от него нельзя, иначе он полностью убедится в своих подозрениях. Поездку в Акапулько придется пока отложить.

— А может, он уверен, но просто притворяется?

— Не исключено. В его распоряжении все времена. При желании он может поболтаться здесь и отправить нас в Будущее через шестьдесят секунд после того, как мы выйдем отсюда. А может и несколько дней держать нас в напряжении, потешаться, прежде чем начать действовать.

Сьюзен села на кровать, утирая слезы и вдыхая застоявшийся запах древесного угля и ладана.

— Они ведь не будут устраивать сцен, правда?

— Не посмеют. Им нужно захватить нас в одиночестве, чтоб поместить в машину времени и отправить назад.

— Тогда у нас есть выход, — сказала она. — Никогда не будем одни, будем все время на людях.

По ту сторону двери послышались шаги.

Они выключили свет и молча разделись. Шаги удалились.

Сьюзен стояла у окна, глядя на темную площадь.

— Значит, это здание — церковь?

— Да.

— Меня часто интересовало, как выглядят церкви. Их давно уже никто не видел. Можно будет нам пойти туда завтра?

— Конечно. Давай спать.

Они улеглись в темной комнате.

Через полчаса зазвонил телефон. Она подняла трубку.

— Алло?

— Пусть кролики прячутся в лесу, — произнес чей-то голос, — но лиса все равно найдет их.

Она повесила трубку и улеглась снова.

Снаружи, в 1938 году, кто-то исполнял на гитаре одну мелодию за другой.

Среди ночи она вытянула руку и почти соприкоснулась с 2155 годом. Ей казалось, будто ее пальцы скользят по протяженности времен, словно по рифленой поверхности, слышались топот марширующих ног, бесчисленные оркестры, исполняющие бесчисленные военные мелодии. Ей виделись пятьдесят тысяч рядов асептических стеклянных пробирок с болезнетворными культурами, среди которых она работала в Будущем. Она видела пробирки с проказой, бубонной чумой, тифом, туберкулезом. Она слышала чудовищные взрывы, чувствовала сотрясение столь неимоверное, что весь мир содрогнулся, все здания превратились в развалины, а люди лежали безмолвно, истекая кровью. Потом огромные вулканы, машины, лавины и ветры утихли, и она проснулась, всхлипывая, в Мексике, за много лет до всего этого…

Рано утром, одурманенные сном, забыться которым удалось лишь на час, они проснулись от громкого шума автомобилей. Сьюзен взглянула с балкона на только что появившуюся в грузовиках и лимузинах с красными надписями шумную, веселую компанию из восьми человек. За машинами следовала толпа мексиканцев.

— Que pasa?[2] — крикнула Сьюзен какому-то мальчишке.

Тот ответил.

Сьюзен обернулась к мужу:

— Приехала на съемки какая-то американская кинокомпания.

— Это интересно, — Уильям принимал душ. — Давай поглядим на них. Думаю, сегодня нам лучше не уезжать. Постараемся усыпить подозрения Симмса.

Яркое солнце на какой-то миг заставило ее забыть, что где-то в отеле их ждет человек, выкуривающий сигареты чуть ли не тысячами. Она глядела вниз на восьмерых шумных, веселых американцев, и ей хотелось крикнуть: «Помогите мне, — спрячьте меня, спасите меня! Я из 2155 года!»

Но слова застряли у нее в горле. Чиновники корпорации «Путешествия во времени» были предусмотрительны. Прежде чем отправить человека в путь, они помещали в его мозгу

психологический блок. После этого он не мог никому назвать ни времени, ни места своего рождения, ни быть откровенным с кем-то из Прошлого. Прошлое и Будущее должны быть ограждены друг от друга. Только при этом условии людям позволялось путешествовать сквозь века без охраны. Будущее должно быть застраховано от любых перемен, какие могут вызвать люди, путешествующие в Прошлом. Даже стремясь всеми силами души, Сьюзен не могла, неспособна была сказать этим счастливым людям внизу на площади, кто она или в чем состоит ее затруднение.

— Как насчет завтрака? — спросил Уильям.

Завтрак подавался в громадной столовой, все получали яичницу с ветчиной. Там было полно туристов. Появилась там и съемочная группа — шестеро мужчин и две женщины, посмеивающиеся, шумно двигающие стульями. И, сидя возле них, Сьюзен ощущала теплоту и поддержку, даже когда Симмс спустился в зал, жадно затягиваясь турецкой сигаретой. Он издали кивнул им, и Сьюзен ответила ему с улыбкой, потому что он ничего не мог поделать с ними здесь, на глазах восьми киношников и двадцати туристов.

— Это ведь актеры, — сказал Уильям. — Возможно, мне удастся договориться с двоими, сказав, что это шутка, одеть их в нашу одежду и посадить в нашу машину, когда Симмс будет находиться достаточно далеко, чтобы не рассмотреть лиц. Если эти двое, притворившись нами, отвлекут его на несколько часов, мы сможем ускользнуть в Мехико-Сити. Ему потребуются годы, чтоб отыскать нас там!

— Хелло!

— Полный мужчина, от которого несло перегаром, оперся о их столик.

— Американские туристы! — вскричал он. — Мне так осточертело видеть этих мексиканцев, что я готов расцеловать вас! — Он пожал им руки. — Идемте, позавтракаем вместе. Злополучие любит компанию. Я — Злополучие, это мисс Уныние, а это мистер и миссис Мы-Ненавидим-Мексику! Все мы ненавидим ее. Однако пришлось ехать сюда для предварительных съемок этого проклятого фильма. Остальные прибудут завтра. Зовут меня Джо Мелтон. Я режиссер, и, если хотите, плюньте на все, присоединяйтесь к нам и будем веселиться вместе!

Сьюзен и Уильям рассмеялись.

— Весело со мной? — спросил Мелтон.

— Замечательно! — ответила Сьюзен.

Симмс глядел на них со своего места.

Она скорчила ему гримасу.

Симмс поднялся и, пробираясь меж столиков, направился к ним.

— Мистер и миссис Тревис! — окликнул он их. — Я думал, мы будем завтракать вместе одни?

— Прошу прощения, — ответил Уильям.

— Садись, приятель, — сказал Мелтон. — Друзья моих друзей — мои друзья.

Симмс сел. Кинематографисты разговаривали громко и, пока они были заняты друг другом, Симмс тихо спросил:

— Надеюсь, вы спали хорошо?

— А вы?

— Я не привык к пружинным матрацам, — сухо ответил Симмс. — Но зато половину ночи я провел, пробуя новые сигареты и напитки. Просто очаровательно. У этих древних пороков совершенно необычный спектр ощущений.

— Не понимаем, о чем вы говорите, — сказала Сьюзен.

Симмс рассмеялся.

— Опять этот спектакль. Бесполезно. Как и затея быть всегда на людях.

— Слушайте, — вмешался Мелтон, — этот тип не мешает вам?

— Нет, все в порядке.

— Скажите только слово, и я дам ему такого пинка, что он вылетит отсюда.

Мелтон расхохотался и снова повернулся к своей компании. Тем временем Симмс продолжал:

— Давайте перейдем к сути дела. Мне потребовался месяц, чтоб проследить ваш маршрут и отыскать вас в этом городишке. Вчерашняя встреча должна была убедить вас. Если вы добровольно отправитесь со мной, возможно, мне удастся переправить вас обратно без последующего наказания — при условии, что вы вернетесь к работе над водородной сверхбомбой.

— Мы не понимаем, о чем вы говорите.

— Перестаньте! — раздраженно прикрикнул Симмс. — Будьте же разумными людьми! Поймите, что мы не можем позволить вам скрыться. Другим людям в 2155 году может прийти в голову та же мысль, и они начнут следовать вашему примеру. А люди нам нужны.

— Чтоб проливать кровь на ваших войнах, — сказал Уильям,

— Билл!

— Все в порядке, Сьюзен. Поговорим теперь о его условиях. Скрыться нам не удастся.

— Вот и прекрасно, — сказал Симмс. — Право же, надо быть чрезмерно романтичным, чтоб пытаться бежать от своих

обязанностей.

— Бежать от ужасов.

— Ерунда. Это лишь война.

— О чем вы там болтаете? — спросил Мелтон.

Сьюзен хотела объяснить ему, но говорить она могла лишь на общие темы. Психологический блок в мозгу позволял только это. Симмс и Уильям тоже говорили на общую для них тему.

— Лишь эта война, — заметил Уильям. — Половина мира погибла от бомб с вирусом проказы.

— Как бы то ни было, — подчеркнул Симмс, — жители Будущего возмущены тем, что вы прячетесь на райском островке в то время как они сходят в ад один за другим. Смерть любит смерть, а не жизнь. Гибнущим приятно видеть, что и другие гибнут вместе с ними: утешительно сознавать, что ты не один в огне, в могиле. Я попечитель их общего возмущения против вас обоих.

— Поглядите-ка на попечителя возмущения, — сказал Мелтон своей компании.

— Чем дольше вы заставите меня ждать, тем хуже будет для вас. Вы нужны нам для работы над проектом бомбы, мистер Тревис. Вернетесь сейчас — никаких пыток. Если позднее, то работать вас мы все равно заставим, а когда бомба будет изготовлена, мы опробуем на вас целый ряд новых аппаратов, сэр.

— У меня есть предложение, — сказал Уильям. — Я вернусь с вами, если моя жена останется здесь — живой, невредимой, далекой от этой войны.

Симмс подумал.

— Ну что ж. Встретимся на площади через десять минут. Вы посадите меня к себе в автомобиль и отвезете в укромное место. У меня будет с собой машина времени, и мы отправимся в Будущее оттуда, где не будет никаких очевидцев.

— Билл! — Сьюзен крепко сжала ему руку.

— Не спорь. — Он взглянул ей в лицо. — Это решено. — И повернулся к Симмсу: — Еще кое-что. Вчера ночью вы могли проникнуть к нам в номер и похитить нас. Почему вы не сделали этого?

— Ну а если я блаженствовал? — лениво ответил Симмс, затягиваясь сигаретой. — Мне очень не хочется покидать эту чудесную обстановку, это солнце, этот праздник. О, как я жалею об этом. Итак, на площади через десять минут. Ваша жена будет под охраной и может оставаться здесь сколько захочет. Прощайтесь.

Симмс поднялся и вышел.

— Вот уходит мистер Краснобай! — завопил Мелтон вслед

удаляющемуся. Потом он взглянул на Сьюзен. — Эй, кто здесь плачет? Завтрак — неподходящее время для слез, а?

В 9.15 Сьюзен стояла на балконе своего номера, глядя на площадь. Внизу на изящной зеленой скамейке сидел Симмс, забросив ногу на ногу. Откусив кончик сигары, он любовно раскуривал ее.

Сьюзен услышала рокот мотора и увидела Уильяма, медленно спускавшегося в машине по крутой мощеной дороге от гаража к площади.

Машина наращивала скорость. Тридцать, сорок, пятьдесят миль в час. Перед ней разлетались вспугнутые цыплята.

Симмс снял панамскую шляпу, вытер вспотевший лоб, надел ее снова и тут заметил машину.

Она неслась со скоростью шестьдесят миль в час прямо на площадь.

— Уильям! — вскрикнула Сьюзен.

Машина ударилась в низкую обочину площади, подпрыгнула, загремев, и понеслась прямо к скамейке, где Симмс, выронив сигару, пронзительно закричал, замахал руками, и тут машина сбила его. Тело Симмса взлетело в воздух и тяжело упало на мостовую.

Промчавшись через всю площадь, машина остановилась со сломанным передним колесом. Люди разбегались в стороны.

Сьюзен вошла в комнату и прикрыла за собой дверь балкона.

Из зала суда они вышли в полдень, рука об руку, с бледными лицами.

— Adios, senor, — сказал мэр им вслед, — senora.[3]

Они остановились на площади, где люди показывали друг другу следы крови.

— Тебя еще будут таскать? — спросила Сьюзен.

— Нет, слушание дела окончено. Это был несчастный случай. Машина потеряла управление. Видит Бог, меня должны были оправдать. Я чуть было не разрыдался. Я вовсе не хотел убивать его. Ничего подобного я не замышлял ни разу в жизни.

— Значит, тебя не привлекут к ответственности?

— Хотели было, но нет. Я говорил убедительно. Мне поверили. Это был несчастный случай. Дело закрыто.

— Куда мы теперь? В Мехико-Сити?

— Машина сейчас в ремонтной мастерской. Она будет готова сегодня в четыре часа. Тогда и уедем отсюда ко всем чертям.

— Нас будут преследовать? Симмс работал в одиночку?

— Не знаю. Думаю, нам удастся оторваться от них.

Когда они подходили к отелю, оттуда вышла вся съемочная группа. Мелтон, нахмурившись, торопливо подошел к ним.

— Слушайте, я знаю о случившемся. Очень жаль. Сейчас все уладилось? Отлично. Хотите немного развеяться? Сейчас мы начинаем предварительные съемки. Если хотите, идемте с нами, не пожалеете.

Они стояли на мостовой, пока налаживали камеру. Сьюзен взглянула на дорогу, уходящую вниз и вдаль, на шоссе, ведущее к Акапулько и к морю, мимо пирамид, развалин и глинобитных городков с желтыми, голубыми и пурпурными стенами. «Мы двинемся в путь, — думала она, — и всегда будем в обществе, в толпе, на рынках, в холлах, будем платить полицейским, чтоб охраняли нас по ночам, запираться на двойные запоры, но всегда возле людей, вечно опасаясь, что первый же встречный окажется вторым Симмсом. Мы никогда не будем знать, удалось ли нам обмануть ищеек и оторваться от них. И все время вперед, в Будущем нас будут подстерегать, чтоб вернуть и сжечь своими бомбами, сгноить своими болезнями, затравить своей полицией. Словом, нам придется непрестанно мчаться сквозь годы, не имея возможности ни остановиться, ни спокойно заснуть».

Собралась толпа желающих поглазеть, как снимается фильм. Сьюзен пристально вглядывалась в толпу и в прилегающие улицы. — Заметила что-нибудь подозрительное?

— Нет. Который час?

— Три. Машина, должно быть, уже почти готова.

Съемки закончились в три сорок пять. Оживленно переговариваясь, все двинулись к отелю. Уильям задержался у гаража.

— Машина будет готова только в шесть, — сказал он, выходя.

— Но не позже?

— Будет, не волнуйся.

В вестибюле отеля они настороженно огляделись, выискивая людей, путешествующих в одиночку, людей, похожих на Симмса, свежеостриженных, окутанных сигарным дымом и запахом одеколона, но вестибюль был пуст. Поднимаясь по лестнице, Мелтон сказал:

— Что ж, день был долгим и трудным. Не мешало бы разрядиться. Мартини? Пиво?

— Пожалуй, первое.

Вся компания устремилась в номер Мелтона и расселась за столом.

— Следи за временем, — сказал Уильям.

«Время, — думала Сьюзен, — если б только у нас было время». Ей хотелось просто сидеть на площади весь долгий день, ни о чем не тревожась, подставляя солнцу обнаженные руки и лицо, прикрыв глаза и не шевелясь…

Мелтон откупорил шампанское.

— За прекрасную леди, достойную сниматься в кино, — сказал он, провозглашая тост в честь Сьюзен. — Если хотите, я устрою вам пробу.

Она засмеялась.

— Серьезно, — сказал Мелтон. Вы очень эффектны. Я могу сделать вас кинозвездой.

— И взять меня в Голливуд?

— Конечно, к черту из Мексики!

Сьюзен бросила взгляд на Уильяма, тот приподнял бровь и кивнул. Это будет переменой обстановки, одежды, места, быть может, имен, к тому же они отправятся в путь с восемью спутниками — надежным щитом от вмешательства из Будущего.

— Предложение заманчивое, — сказала Сьюзен.

Шампанское давало себя знать, день клонился к вечеру, вся компания суетилась вокруг нее, и она почувствовала себя в безопасности, веселой, оживленной и по-настоящему счастливой впервые за много лет.

— А в каком фильме вы хотели б ее снять? — спросил Уильям, допивая свой стакан.

Мелтон оценивающе взглянул на Сьюзен. Компания перестала смеяться и прислушалась.

— Мне хотелось бы снять приключенческий фильм, — сказал Мелтон. — Повесть о мужчине и женщине наподобие вас.

— Продолжайте.

— Может быть, историю, связанную с войной, — сказал режиссер, разглядывая на свет содержимое своего стакана.

Сьюзен и Уильям ждали.

— Повесть о мужчине и женщине, которые живут в небольшом домике на небольшой улице, скажем году в 2155, — сказал Мелтон. — Это, понятно, условность. Но эти люди столкнулись с ужасной войной, водородными сверхбомбами, цензурой, смертью, и — в этом вся соль — они бегут в Прошлое, преследуемые человеком, которого они считают злодеем, но тот лишь стремится напомнить им об их долге.

Уильям уронил стакан на пол.

— И эта пара решает бежать с группой кинематографистов, к которым они чувствуют расположение, — продолжал Мелтон. — Среди людей безопасно, уверяют они себя.

Сьюзен почувствовала, что сползает со стула. Все взгляды были устремлены на режиссера. Тот отпил глоток.

— Ах, какое прекрасное вино. Итак, эти люди, видимо, не сознают, как важны они для Будущего. Особенно муж, от него зависит создание новой бомбы. Поэтому ищейки, назовем их так,

не щадят ни затрат, ни сил, чтоб отыскать их, схватить в номере отеля, когда те будут совсем одни, и переправить назад, чтоб этого никто не увидел. Ищейки работают в одиночку или группами из восьми человек. Та или иная хитрость срабатывает. Это будет прекрасный фильм, не правда ли, Сьюзен? Как по-вашему, Билл? — Он допил свой стакан.

Сьюзен сидела, как бы окаменев.

— Хотите выпить? — предложил Мелтон.

Уильям выхватил пистолет и три раза выстрелил, один человек упал, остальные бросились вперед. Сьюзен пронзительно вскрикнула. Чья-то рука зажала ей рот. Пистолет уже валялся на полу, а Уильям бился в руках державших его людей.

— Прошу вас, — сказал стоявший на месте Мелтон, ладонь его была в крови, — не ухудшайте своего положения.

Кто-то застучал в дверь.

— Откройте!

— Хозяин отеля, — сухо сказал Мелтон и резко повел головой. — А ну за дело!

— Откройте! Я вызову полицию!

Сьюзен и Уильям быстро взглянули друг на друга, а потом на дверь.

— Сейчас он ворвется сюда, — сказал Мелтон. — Живо!

Появилась камера, из нее вырвался голубой луч. Он ширился, и люди исчезали один за другим.

— Живей!

За миг до исчезновения Сьюзен увидела за окном зеленую землю, красные, голубые и желтые стены, мостовую, вьющуюся, как река, человека верхом на ослике и мальчика, пьющего лимонад. Она ощутила свежий напиток у себя в горле; увидела мужчину, сидящего с гитарой в тени дерева, и ощутила, как ее пальцы касаются струн. А вдали она увидела море, голубое и нежное море; она чувствовала, как оно подхватывает ее и принимает в свое лоно…

И тут она исчезла. Муж ее исчез.

Дверь широко распахнулась. Хозяин и его свита ворвались внутрь.

Номер был пуст.

— Они ведь только что были здесь! Я видел, как они входили сюда, а теперь исчезли! — воскликнул хозяин. — Окна забраны железными решетками, они не могли уйти этим путем!..

К вечеру вызвали священника, комнату проветрили, в каждом углу окропили святой водой и прочли очистительную молитву.

— Ас этим что будем делать? — спросила уборщица.

Она указала в кладовку, где находилось сто шестьдесят семь

бутылок шартреза, коньяка, абсента, вермута, текилы, сто шесть картонок турецких сигарет и сто девяносто восемь ящиков гаванских сигар…

Джон Браннер «БЮЛЛЕТЕНЬ ФАКТОВ» № 6(Пер. с англ. Н.Евдокимовой)

1.

Какого дьявола, что произошло с акциями «Лаптон энд Уайт»?

Мервин Грей, прозванный вундеркиндом делового мира, стал в двадцать девять лет миллионером отнюдь не по недостатку решимости в характере.

Кассон был готов ко всему. Но в своем умении справляться с разозленным Греем он бывал уверен лишь до тех пор, пока Грей находился по другую сторону Атлантического океана. Теперь же он нервно облизнул пересохшие губы и заискивающе сказал:

— С ними, знаете, все еще что-то происходит. Сегодня перед самым закрытием биржи они съехали до полутора, а завтра от них вообще нельзя будет избавиться. При таких обстоятельствах…

— Что же произошло? — перебил Грей. — И плесните-ка мне еще бурды, которую вам всучили вместо хереса.

Кассон поставил перед гостем полный бокал и сунул руку во внутренний карман элегантного смокинга.

— А вот что, — сказал он дерзко и протянул Грею сложенный вдвое листок бумаги.

— «Бюллетень фактов» N 5, — вслух прочел заголовок Грей. — При чем здесь эта бумажка?

— Прочтите до конца, — пожал плечами Кассон.

Грей нахмурился, но стал читать. В руках у него было что-то вроде листовки, размноженной с машинописного оригинала методом фотокопирования; оригинал отпечатали из рук вон скверно, с неровными полями, с массой опечаток и даже двумя или тремя помарками. Вызывающе огромные буквы заголовка — и те были неряшливы, а у «ф» в слове «фактов» один кружок налез на другой.

«Дэйл, Докери энд Петронелли Лтд». Мороженое и пломбиры. За последние полгода 3022 ребенка из числа детей, отведавших изделия этой фирмы, перенесли желудочные заболевания.

«Грэнд Интернэшнл Тобэкко». Сигареты «Престиж», «Чили-

Ментол» и «Каше». Из зарегистрированных за минувший год случаев заболевания раком легких 14 186 имеют место среди тех, кто курит сигареты перечисленных сортов».

А вот и то, что он, Мервин Грей, ищет:

«Лаптон энд Уайт Лтд». Оборудование для общественного питания. За отчетный период в магазинах и ресторанах, где применяются хлеборезки, колбасорезки и прочие режущие инструменты фирмы, 1227 работников лишились одного или нескольких пальцев»?

Грея передернуло: он представил себе кровоточащую руку на фоне белоснежной эмали хлеборезки.

— И этот вот… мусор потопил «Лаптон энд Уайт»?

— Так говорят, — подтвердил Кассон.

— Где же выход? Перейти на другие лезвия, повысить безопасность машин? — Грей прищелкнул пальцами. — Нет, не трудитесь отвечать. Если не ошибаюсь, три года назад фирма провела полную реконструкцию?

— И до сих пор не выплатила займа, предоставленного ей для этого мероприятия, — ответил Кассон. — Нет, «Лаптон энд Уайт» потеряла доверие, ее ждет банкротство. По-моему, в этом есть какая-то высшая справедливость… если только люди действительно лишались пальцев по вине фирмы.

— Вздор! — крикнул Грей. — Что острое лезвие опасно, знает любой идиот. Перочинные ножи тоже опасны… да и безопасные бритвы, если на то пошло.

Уголки губ Кассона искривились.

— Составителю бюллетеня это хорошо известно, — сказал он. — Вы еще не смотрели на обороте? Взглянули бы… кажется, предпоследний абзац.

Грей перевернул листок и прочел вслух:

— «В двадцати трех из двадцати восьми случаев сильных порезов лица применялись лезвия для безопасных бритв «Нью-Доун».

Грей осекся и пристально посмотрел на Кассона.

— Да кто примет всерьез такую ерунду? Это работа сумасшедшего!

— Кто-то ведь принял всерьез. Многие приняли. Доказательство — то, что творится с «Лаптон энд Уайт».

— Это не доказательство! — вскочив с кресла, Грей принялся вышагивать по комнате. — А другие фирмы? Не вылетели же они в трубу все до единой!

— Три из них не выпускают акций и в расчет не принимаются. Остальные входят в крупные корпорации, те умеют смягчать удары.

— Но ведь даже если вы правы, надо принять какие-то меры! Разве это не… ну… клевета или как ее там? Явный бред! — заорал Грей. — Кто способен подсчитать… ну… хотя бы число порезов. Абсурд!

— Абсурд или нет, но многие принимают его всерьез. Объяснить?

— Давайте, — в изнеможении сказал Грей и снова опустился в кресло.

— Завладеть этим номером бюллетеня мне удалось лишь после длительного зондирования почвы, — начал Кассон. — Пытаясь выяснить, что стряслось с акциями «Лаптон», я позвонил… ну, скажем, давнему приятелю. По словам приятеля, ему неизвестно, кто еще получает бюллетень, он понятия не имеет, почему и кто ему этот бюллетень высылает. Просто-напросто бюллетень приходит на его имя примерно раз в месяц, в простом конверте и с разными почтовыми штемпелями. Мой приятель стал получать этот бюллетень начиная с третьего номера. Сперва он подумал, что это бред душевнобольного, и выбросил тот третий номер. Но в память ему запали строки о консервной фабрике — он подумывал, не приобрести ли ее акции. В бюллетене говорилось об антисанитарных условиях труда на этой фабрике. И вот из суеверия, как выразился мой приятель, он отказался от своих намерений. Через несколько дней в Лидсе вспыхнула эпидемия брюшного тифа, и ее источником оказалась мясная тушенка той самой фирмы. Естественно, целых три месяца продукцию этой фирмы никто не покупал, а потом все забылось.

— Продолжайте, — попросил внимательно слушавший Грей.

— Получив следующий бюллетень, мой приятель, конечно, прочитал его внимательнейшим образом. Он не владел акциями ни одной из перечисленных там фирм, но стал следить из чистого любопытства за их курсом. Один из абзацев выпуска был аналогичен вот этому, про мороженое, там говорилось, что многие детишки заболевают из-за игрушек, импортированных фирмой «Дед-с-кий». Знаете такую?

— Разумеется. Куклы и всякая всячина из Гонконга и Японии. У нее вышли нелады с «Ассоциацией потребителей».

— Верно, — кивнул Кассон. — Оказалось, что куклы раскрашивались составом с мышьяком; фирме пришлось сжечь товару на десять тысяч долларов.

Грей впился в «Бюллетень фактов».

— Надо отдать должное этому деятелю. Он умен.

— Из чего это видно? — возразил Кассон.

— Да полно! — вспылил Грей. — Это же бросается в глаза каждому, кто видит чуть-чуть дальше собственного носа! Перед

вами блистательная афера, осуществляемая одним из самых искусных знатоков рынка. Если верить вашим же словам, все эти листки составлены по одной и той же схеме. В каждом есть зерно истины в виде непреложного факта: протухшее мясо, ядовитая краска. Бьюсь об заклад, я и сам, не сходя с места, могу набросать перечень двадцати подлинных порочащих фактов и обратить его против стольких же известнейших фирм, затем я высосу из пальца уйму вымышленных событий, красиво подкреплю их вымышленными цифрами и добавлю к истинным. Теперь скажите: что вы думаете о человеке, который собирает воедино подобный вздор?

— Мне кажется…

— По-вашему, это благодетель человечества? По-вашему, он привлекает внимание общества к изделиям, из-за которых люди болеют, или теряют пальцы, или гибнут в авариях? Тогда почему он не нападает на монополии и крупные фирмы, способные разоблачить его вымысел? У меня на службе прямо или косвенно заняты шестьдесят тысяч человек, так ведь? Если надо, я могу нанять еще человек сто и завтра же поручить им проверку утверждения, будто за истекший месяц столько-то десятков автомобилей с шинами «Ультрак» потерпели аварию или столько-то домохозяек утонули в стиральных машинах «Чудо-вихрь».

— А станете?

— Что именно стану?

— Станете нанимать людей для проверки? Ведь автоиспытатели докладывали, что автомобили с шинами «Ультрак» часто заносит на поворотах, они боятся юза и…

— При неблагоприятном режиме эксплуатации недостатки свойственны любым шинам! И кстати, шины «Ультрак» нарасхват, потому что они дешевы и разрекламированы до небес… Но вы мне не ответили на вопрос: издатель «Бюллетеня фактов» действительно представляется вам этаким рыцарем в сверкающих доспехах? Вы серьезно считаете, будто он предпринял крестовый поход против товаров, опасных для потребителей? Нет, не верю, что вы до такой степени наивны.

Донельзя униженный Кассон побагровел. Который раз он задумался, долго ли еще выдержит работу на этого… этого мальчишку. Самому Кассону перевалило за пятьдесят, он был чуть ли не вдвое старше Грея. Опытный и удачливый, он снискал в деловых кругах всеобщее уважение. В Грее же есть нечто такое, от чего Кассона тянет раболепно съежиться, тянет свернуться клубком и укатиться куда-нибудь подальше. Быть может, это «нечто» — то самое, что восторженные репортеры запросто именуют «беспринципностью». А может быть, безудержная

алчность Грея делала его крайне чутким к алчности потребителей. Все началось с домашних электроприборов, вернее с открытия, что людям претит кидать бешеные деньги на машины, выполняющие всякие малоэстетичные операции вроде стирки белья.

Открытие привело к появлению упрощенных стиральных машин, которые поступали в продажу в разобранном виде. Любой желающий мог в течение получаса смонтировать их при помощи обыкновенной отвертки. Позднее Грей перешел к изготовлению других предметов бытовой роскоши, тоже продавая их как готовый набор деталей, а затем к автомобилю — немаловажной статье семейного бюджета. Сперва в ход были пущены уловки, придающие самой заурядной модели вид машины, изготовленной на заказ. А потом Грей произвел форменный переворот в шинном деле, обнаружив, что автовладельцы скорее снабдят машину новым солнцевизором или эоловой арфой, нежели надежнейшими и дорогими покрышками…

Кассон ощутил на себе насмешливый взгляд Грея и стал судорожно рыться в памяти, пытаясь уловить там эхо последних обращенных к нему слов.

— Собственно… да нет же! Издатель «Бюллетеня фактов» вовсе не представляется мне крестоносцем. Но, по-моему, у него винтика в голове не хватает. Клинический случай ложно направленного идеализма,

Грей задумался, и лицо его чуть-чуть смягчилось.

— По-моему, нет, хотя теоретически и это не исключено. Параноик, одержимый маниакальной заботой о всеобщей безопасности, благоденствии детей и тому подобном, скорее замахнулся бы на монополии. Нет, налицо все признаки коварной, всесторонне продуманной кампании.

Он откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы.

— У меня к вам будут два поручения. Во-первых, приобрести «Лаптон энд Уайт».

— Что? Я же вам говорил: фирма обречена на банкротство!

— Болван! Я же не предлагаю вам возглавить эту фирму! Надо скупить контрольный пакет акций. Кто финансировал ее реконструкцию — торговый банк? Впрочем, неважно. Кто бы это ни был, он не захочет, чтобы известнейшая фирма вылетела в трубу. Вслед за тем избавимся от опасной продукции, в крайнем случае отправим ее на экспорт. Где-нибудь в джунглях наверняка отыщется невежда, мечтающий украсить бакалейную лавку новой колбасорезкой. Да, черт побери, почему я должен разжёвывать, и тем более вам! Изменить название, пустить в оборот магию имени «Мервин Грей» — и через годик-другой фирма отвоюет прежние

позиции. Вот так-то, детка!

— Не называйте меня деткой! — ощерился Кассон.

— А почему бы и нет? — голос Грея источал зловещую нежность. — Если вы поступаете как несмышленый младенец, я поневоле считаю вас несмышленым младенцем. И вообще помалкивайте. Свою вину вы должны искупить еще одним: найти человека, который это издает. — Грей ткнул пальцем в «Бюллетень фактов». — Он что-то затеял. Я бы хотел, чтоб это пригодилось и мне. Никто не скажет, будто Грей неспособен оценить свежую мысль, особенно когда она приносит верный доход.

Грей встал и направился к двери.

— Даю вам сроку до следующего номера, детка, — бросил он через плечо. — Иначе вы конченый человек. Пока!

2.

Чем дольше Грей размышлял, тем больше восхищался гениальной простотой замысла. Если за какие-то считанные месяцы издатель бюллетеня завоевал безоговорочное доверие и пронял даже Кассона (дельца чрезвычайно сметливого, как бы ни издевался над ним Грей) и его неизвестного приятеля, да еще по меньшей мере несколько десятков крупнейших акционеров фирмы «Лаптон энд Уайт» (в противном случае акции не упали бы так стремительно и безнадежно), значит, издателю отпущен незаурядный талант играть на людском легковерии. Чуть ли не с колыбели Грей считал подавляющее большинство обитателей Земли идиотами. Если кто-то другой пришел к тому же выводу и вдобавок извлекает из своего прозрения барыши, значит, этот другой будет Грею полезен…

Кассон звонил чуть ли не ежедневно. Выявлены новые люди, которые получают бюллетень, всегда анонимный, всегда в простых конвертах, ни разу не отправленный дважды из одного и того же города. Люди были явно выбраны по зрелом размышлении. Среди них попадались те, кто ведает капиталовложениями трестов и крупных страховых обществ, оптовые закупщики гастрономов, заведующие снабжением магазинов автопринадлежностей, бензозаправочных станций и авторемонтных мастерских, председатели экспертных объединений…

Не выдержав, Грей сам позвонил из своей загородной

резиденции Кассону, но узнал до обидного мало. Бюллетень рассылается в конвертах, наиболее распространенных в Англии; печатается на бумаге самого распространенного сорта; модель пишущей машинки давно снята с производства, но в Англии таких наберется несколько тысяч. Грей выслушал поток извинений и рассвирепел.

— Если через неделю я не стану подписчиком «Бюллетеня фактов» N 6, то поставлю на вас крест! — рявкнул он в трубку. — Вы меня поняли?

На том конце провода долго молчали. Потом Кассон откашлялся.

— Можно ведь кое-что предпринять, — сказал он. — Я не решался советовать, но…

— Что именно?

— Можно поместить объявление. Например, в «Файнэншл Таймс». Не сомневаюсь, что наш… э-э… издатель внимательно следит за финансовой прессой.

Грей собрался было обрушиться на смехотворную идею, но сдержался… и передумал. Если рассуждать здраво, то, судя по всему, трудно будет пробить стену тайны, воздвигнутую вокруг себя издателем. А Грей во что бы то ни стало хотел разыскать этого человека. То и дело он ловил себя на грезах о бесчисленных способах обратить бюллетень себе на службу. О том, как он будет доводить фирмы до банкротства, скупать их обесцененные акции и возрождать под новым названием…

— Ладно, немедленно давайте объявление!

3.

Шесть дней спустя утренняя почта принесла обыкновенный конверт, адресованный мистеру Мервину Грею. В конверте лежал листок простой белой бумаги — записка с печатным текстом, составленным без обиняков:

«Насколько я понял, вас интересует ближайший выпуск «Бюллетеня фактов». Интерес вполне понятный. С удовольствием покажу вам экземпляр при личной встрече. Но если приедете, приезжайте без сопровождающих».

В верхней части листка значился адрес — маленький городишко, расположенный в нескольких милях к северу от Лондона. Внизу стояла подпись — Джордж Хэндлинг.

План у Грея был таков: отправиться к мистеру Хэндлингу,

никого не извещая о поездке; посетить дом (или контору) мистера Хэндлинга; сделать мистеру Хэндлингу предложение — весьма заманчивое. Со временем можно даже предоставить ему должность Кассона, если прочие таланты издателя не уступают умению пользоваться людским легковерием. Полностью охватить перспективы контроля над «Бюллетенем фактов» способен лишь человек незаурядного кругозора.

Несмотря на мрачную погоду, Грей насвистывал, сидя за рулем. Но в крохотном городишке — пункте назначения — он почувствовал себя озадаченным. Грей ожидал, что нужная ему улица находится в центре города. Удачливые бизнесмены, избегающие поселяться в больших городах, живут всегда в фешенебельных кварталах своих городков. Пришлось долго и бестолково колесить взад-вперед, а потом Грей обратился к прохожему и был отослан на окраину, в убогие кварталы, выстроенные после войны и не имеющие ни своего лица, ни какой бы то ни было привлекательности. В конце тупика он увидел большое бунгало, где светилось одно из окон. Садик вокруг бунгало зарос сорняками, настежь раскрытая дверь гаража позволяла убедиться, что у хозяина дома нет автомобиля. Однако именно эту улицу он разыскивал, да и номер дома совпадал.

Грей заглушил мотор и медленно вылез из машины. Нищенский район и запущенный дом не вяжутся с представлением о гениальном издателе бюллетеня. Неужели Грея разыгрывают? Но ведь письмо и оригинал бюллетеня, бесспорно, печатались на одной и той же машинке. Грей двинулся по дорожке к дому. Тут он заметил, что эта дорожка вопреки ожиданиям не усыпана гравием, а залита бетоном, да и сорняки вдоль нее выполоты.

К этому времени совсем стемнело, а ближайший уличный фонарь был все же слишком далеко. Последние несколько метров Грей шел осторожно, боясь споткнуться о ступеньку. Но ступеньки перед входом вообще не оказалось. Грей счел это странным, хоть и затруднился бы объяснить почему.

Грей провел рукой по двери, нашарил кнопку звонка и позвонил. Чуть погодя над головой у него зажглась лампочка, и дверь распахнулась.

— Да? — произнес чей-то голос, и тут же интонация непередаваемо изменилась. — Ага, это, надо полагать, мистер Мервин Грей? Входите, пожалуйста. На улице холодно и мерзко, не правда ли?

Грей посмотрел на хозяина… и больше уже не мог отвести от него взгляд. Грея не так-то легко было ошеломить, но чел… существо, представшее перед ним, настолько не соответствовало

заранее возникшему образу, что у Грея отнялся язык.

Хозяин сидел в инвалидном кресле на колесиках. Кресло передвигалось благодаря моторчику с батарейным питанием, кнопки управления были вмонтированы в правый подлокотник. Левая рука иссохла, скрюченные пальцы торчали чуть ли не под прямым углом к ладони. Ноги были укутаны серым одеялом, испещренным пятнами от пролитого супа и яичного желтка. На трикотажной сорочке недоставало пуговицы, половину лица скрывала нечесаная каштановая борода, другую половину занимала багровая язва во всю щеку. Глаза же смотрели настороженно и проницательно, и под их пристальным взглядом Грею стало не по себе.

— Это вы — Джордж Хэндлинг? — выдавил он.

— Именно, кивнул человек в больничном кресле.

— Тот самый, кто издает «Бюллетень фактов»?

— Да. Вот что, не стойте на пороге: если будете держать дверь настежь, то напустите в дом холоду, а отопление в наши дни обходится адски дорого.

«Но ведь вы, наверное, зашибаете на бюллетене столько, что…»

Грей сдержался и не произнес этого вслух. Онемевши оттого, что все его логические построения рассыпались в прах и загадочный издатель вопреки всему оказался безумцем, он вошел в комнату и осмотрелся. Никогда еще ему не приходилось бывать в таком странном доме. Едва увидев хозяина в больничном кресле, Грей сразу понял причину отсутствия ступенек у парадной двери. А внутри были сломаны перегородки, осталась лишь стена, отделяющая, видимо, ванную. В одном углу стояла кровать, завешенная пологом; в другом углу — шкафы с книгами, в третьем — письменный стол с пишущей машинкой, в четвертом — печатный станок, и повсюду валялись кипы бумаги и пачки конвертов.

Судорожными шагами марионетки Грей проследовал за Хэндлингом к письменному столу. Там горела керосинка с рефлектором, но, несмотря на это, да и на усилия Хэндлинга держать дверь затворенной, в доме было неимоверно холодно.

4.

— Садитесь, — предложил Хэндлинг и привычно развернул свое кресло так, чтобы сидеть в нескольких миллиметрах от

керосинки, не задевая ее. Он кивнул в сторону стула, где на ворохе бумаг стояла чайная чашка. — К сожалению, вам придется все это снять. Видите ли, я не могу допустить, чтобы вещи валялись на полу: во-первых, они путались бы у меня под колесами, а во-вторых, мне трудно их поднимать. Если я случайно что-нибудь роняю, то приходится браться за щипцы. Ну, вот. Надо бы, наверное, угостить вас горячительным, но только я этого не держу. Людям в моем положении спиртное не приносит радости. Если хотите, могу заварить чай.

— Нет… э-э… благодарю, — тихо ответил Грей. — Надо было бы, видимо, заранее известить вас о моем приезде, но… Говоря откровенно, ваши бюллетени произвели на меня такое впечатление, что я бросил все дела, как только узнал ваши координаты.

— Да нет же, вовсе ни к чему было извещать меня заранее, — хмыкнул Хэндлинг. — Совершенно ни к чему. Я польщен, что вы не поленились нанести Мне визит, но, по-моему, в этом не было необходимости.

Глаза Грея рыскали по уродливой комнате. Среди холостяцкого хаоса — сорочек, брошенных на спинки стульев, и бумажных груд — они разыскивали немногие вещи, позволявшие верить, что Хэндлинг не самозванец. Грей узнал знакомый красный переплет «Ежегодника британской промышленности», несколько торговых справочников, адресно-телефонные книги, рекламные материалы и проспекты крупных фирм, точь-в-точь такие, какие присылают и ему. Он заговорил лишь для того, чтобы замаскировать свое любопытство:

— Итак, по объявлениям вам должно быть ясно, как я заинтересован в вашем издании.

— По каким объявлениям? — спросил Хэндлинг.

— Ну как же! Вы же из-за них и написали мне, правда ведь? Мы помещали объявления в «Файнэншл Таймс», в «Экономисте»…

— Да нет, откуда мне о них знать, — сказал Хэндлинг.

— Откуда же вам известно, что я проявляю интерес к вашей работе?

— Секрет производства, мистер Грей, — сказал Хэндлинг с натянутой улыбкой. — Вы же знаете, что я располагаю множеством производственных секретов.

Грей изо всех сил старался не потерять хладнокровия. Увечный неряха в кресле на колесах до того не походил на выношенный в мозгу Грея образ одаренного и преуспевающего властителя рынка, что магнат совсем уже решился выкинуть безумца из головы. Но все же, бесспорно, где-то есть источник информации, откуда щедро черпает сведения Хэндлинг, и он,

Грей, тоже мог бы подключиться к этому источнику. Надо лишь проявить тактичность. Даже если страшное увечье довело человека до умопомешательства, его все равно можно использовать.

— Да, ваши секреты производства произвели на меня неизгладимое впечатление, — ответил он, стараясь, чтобы голос его прозвучал как можно теплее. Он сцепил пальцы, понял, что позабыл снять шоферские перчатки, и решил оставаться в них, так как в доме стоял пронизывающий холод. — Закулисная информация, какою вы располагаете, может принести несметное богатство, если ею умело распорядиться. В сущности… Ладно, неважно.

— Вы, наверное, хотели сказать, что удивлены образом жизни владельца этой информации: домишко барачного типа на задворках унылого захолустного городка. — Тон Хэндлинга был бесстрастен. — Но здесь гораздо легче держаться подальше от людей, мистер Грей. И кроме того, мне уже не нужно несметное богатство. Была у меня жена. Был и сын. Оба погибли в катастрофе, которая довела меня до нынешнего состояния.

— Я этого… извините, — пробормотал Грей.

— Благодарю вас за соболезнование.

Что можно было сказать после такой реплики? Нащупывая способ сменить тему беседы, Грей задал вопрос:

— Но есть же какая-то цель в том, что вы издаете бюллетени? Или это у вас просто хобби?

— Это больше чем хобби. Практически это у меня основное занятие. Подбор информации сам по себе отнимает много времени, а потом ведь еще надо отпечатать материал на фольге, размножить на ротапринте, надписать адреса на конвертах… Да мне и вздохнуть-то некогда.

— Ясно. — Грей провел языком по пересохшим губам. — Как же вам удается рассылать бюллетени по столь многочисленным адресам? Не сами же вы относите их на почту!

— Да нет, конечно. Есть фирма добрых услуг, она за незначительную плату забирает конверты с бюллетенями и отправляет из любого пункта в радиусе ста миль по моему указанию. Я решил заметать за собой следы до тех пор, пока не буду готов открыть забрало.

— Вы… э-э… у вас сейчас много подписчиков?

— Начинал я с пятисот, выбранных более или менее случайно, — ответил Хэндлинг. — А в этом месяце их будет свыше тысячи.

— Не удивительно, что вы всегда заняты! Э-э… был бы вам очень признателен, если бы вы и меня включили в их число.

— Да ведь бюллетень рассчитан совсем не на таких, как вы! — воскликнул Хэндлинг. — У меня все тщательно продумано. В финансовых кругах Англии есть ведущие личности, и если сопоставить обрывки сведений, просочившихся в печать, то можно догадаться, кто такие эти люди. На составление списка лиц, которым рассылается бюллетень, я затратил несколько месяцев, но ничего. Времени у меня достаточно. — Правой рукой он приподнял бессильно висящую левую и с любопытством посмотрел на нее, как на дохлую лягушку в саду. — Я подбирал тех, кто ведает вложениями крупного капитала, кто занимается экспортом, кто руководит оптовыми закупками крупнейших универмагов, и так далее. Людей, чье решение одобрить или отвергнуть продукцию той или иной фирмы определяет процветание или крах фирмы. Понятно?

Грей неуверенно кивнул.

— А почему вы подбирали именно таких людей? — осмелился он задать вопрос.

— Да из-за характера информации, — пояснил Хэндлинг. — Мне казалось, что именно этим людям следует знать все, что знаю я. Вы же читали мои бюллетени!

— Ага… да, читал, конечно. Но почему вы остановились именно на такой информации? Откуда она у вас?

— Я психометрист. Психометрия — разновидность интуиции. Вообще-то все это, по-моему, проявление всеобъемлющей способности, которой когда-нибудь окажутся наделены все люди, но не в том суть. Довольно часто я узнаю о невероятных фактах — передо мной, так сказать, подымается некий занавес. Иногда я прозреваю будущее, иногда читаю чужие мысли — логически вывожу или нутром чую. Но узкая моя специализация — умение улавливать связь всевозможных изделий с увечьем и смертью.

5.

«Что за нелепый бред!» Пылкого желания — завладеть списком регулярных читателей бюллетеня — как не бывало. Грей встал.

— Что ж, большое вам спасибо, мистер Хэндлинг. Извините, что отнял у вас столько времени. Но если круг подписчиков ограничен…

— Да полноте, мистер Грей! — перебил Хэндлинг. — Не для того же вы изволили посетить мою конуру, чтобы поболтать со

мной, ни одним глазком не глянув на шестой номер бюллетеня! — И чуть помолчав, прибавил: — Этот номер посвящен фирмам, в которых вы принимаете особое участие.

Грей был в замешательстве. С одной стороны, у калеки, безусловно, не все дома; с другой стороны — он, безусловно, вертит рынком как хочет.

— Да, мне бы хотелось взглянуть на шестой номер, — подтвердил Грей.

— Так я и думал! — буркнул Хэндлинг и подкатил кресло к письменному столу, опять чудом не задев керосинку. Он заглянул в ящик стола.

— К сожалению, остались только бракованные экземпляры, — сказал он. — Этот грязный, на этом одна сторона не пропечаталась… А впрочем, ничего страшного, мы сейчас мигом допечатаем. Фольга еще в ротапринте.

Он ловко подкатил к ротапринту. Грей молча восхищался тем, как лихо Хэндлинг управляется одной рукой. Грей сгорал от нетерпения, а Хэндлинг неспешно разглагольствовал:

— Талант у меня, видимо, врожденный, недолгое время не раскрывался в полную силу. Например, я упорно возражал против того, чтобы купить стиральную машину одной фирмы, и действительно, впоследствии эта машина отхватила моему сынишке руку; дешевая была, правда, гораздо дешевле других марок, а мы отнюдь не купались в деньгах, вот я и уступил жене. Насчет швейной машинки у меня тоже были сомнения, но Мег долго не могла работать после…

— Как вы сказали? Сын лишился руки? — мертвым голосом переспросил Грей.

— Совершенно верно. Видите ли, в стиральной машине не была предусмотрена автоматическая блокировка, так что все в ней ходило ходуном даже при снятой крышке, а без воды — и подавно. Бедняжка Билли умудрился включить машину, поднял крышку, и тогда… Ну вот, сейчас приступим, пусть только разогреется. Да, так на чем я остановился? От утюга отлетела нижняя часть и свалилась Мег на ногу. Сильнейший ожог, и после этого Мег долго не могла ходить — небольшой был утюг, но дешевый, сами понимаете. Поэтому Мег купила швейную машинку, чтобы подрабатывать на дому, но машинка взбесилась и насквозь прошила ей ладонь. Я повез Мег в больницу, и в пути-то все и произошло. Автопокрышки. По их поводу я тоже сомневался, но в ту пору нам приходилось довольно туго, ведь Мег не работала, и вот, когда понадобилось срочно менять покрышки, я удовольствовался теми, что были мне по карману. Словом, ехали мы в больницу: Мег рядом со мной вся в слезах, а

Билли на заднем сиденье хныкал. И тогда-то… А вот и ваш экземпляр готов. С полным текстом.

Грей машинально взял протянутый ему листок, но читать не стал. Неотрывно глядя на Хэндлинга, он каким-то чужим голосом спросил:

— И что же… случилось?

— Как показал на следствии очевидец-полисмен, при повороте на большой скорости эти покрышки отделяются от обода колеса, и при этом, конечно, происходит утечка воздуха — покрышки-то, сами понимаете, без камеры. В результате автомобиль потерял управление. Врезался в фонарный столб. Мег и Билли, пожалуй, повезло. В нынешнем моем состоянии мне бы их не прокормить. Но, лежа в больнице, я обнаружил у себя талант. Совершенно неожиданно. В один прекрасный день подходит ко мне медсестра делать укол, и вдруг я ей говорю: «Человек, которому до меня делали укол этим шприцем, умер, не так ли?» Все решили, что у меня депрессия, но я был готов отвечать за свои слова. Начал выяснять. Оказалось, что, когда я вижу предмет, я… э-э… чувствую, повредил ли он кому-нибудь.

Сначала я улавливал лишь обрывки, но времени у меня было хоть отбавляй. Я было думал, будто постигаю лишь свершившиеся события, и потому неправильно ориентировал себя во времени. Я, наверное, плохо объясняю, но лучше объяснить не могу. Люди еще не придумали нужных терминов.

Потом я понял, что умею заглядывать в будущее, а не в прошлое, и как следует освоил этот навык. Заметьте себе, не так-то просто подсчитывать такие дела. Иной раз, особенно если речь шла о массовой продукции, я мучился несколько ночей подряд, прежде чем окончательно разбирался в фактах, и лишь тогда мне удавалось заснуть.

Зачарованный страстным тоном собеседника, Грей не сводил глаз с его изуродованного лица.

— И что же… вы… делаете?

— Не делаю, а делал, — задумчиво поправил Хэндлинг. — Я же объяснил. Поначалу я чувствовал, что предмет, который я держу в руках, и ему подобные повредят такому-то числу людей, и думал, что все это уже произошло. Но частенько вещи были чересчур новенькие, и в конце концов меня осенило. Я умею предвидеть. Вы спросите: откуда я знаю? А я проверял. Записывал цифры и перепроверял их при каждом удобном случае. Иной раз в газеты просачиваются сведения о пищевом отравлении, об игрушках, опасных для здоровья детей, и так далее. Не прошло и года, как я убедился в своей правоте.

— Но ведь это смехотворно! — вскипел Грей. — Откуда вам

известно, например, число порезов безопасными бритвами?

— Цифры будто сами всплывают у меня в мозгу, — ответил Хэндлинг. — Лежу ночью без сна, а они, знай, тикают, как часы. Когда тиканье прекращается, появляется новое ощущение времени, которое истечет, пока это случится: три месяца, полгода, год. А потом я все записываю. Когда это время проходит, я помещаю сведения в очередной бюллетень и рассылаю его по всем адресам. Подумывал я и о других способах бить тревогу, но пришел к выводу, что они не годятся. Ведь газеты пляшут под дудку фирм, которые помещают там рекламные объявления, верно? А у журналов для потребителей — свой контроль и свои методы. Похуже, чем у меня, но тем не менее. А теперь к моим словам прислушиваются. Особенно с тех пор, как… вы ведь говорили, что для меня дали объявление в газетах, не правда ли?

— Да, — коротко ответил Грей, словно кусачками щелкнул.

— И по объявлению было ясно, что оно исходит от вас?

— Да!

Грей почувствовал, что обливается потом. Как могло ему померещиться, будто здесь холодно, как мог он не снять пальто, перчаток и кашне? В доме ужасная жара!

— Бред собачий! — воскликнул он. — Взять в руки предмет и заявить, что через год он поранит или убьет столько-то человек, — да вы не в своем уме! А ваш бюллетень — просто-напросто грандиозное мошенничество!

— Можете мне не верить, мистер Грей, — тихо отозвался Хэндлинг. — Но почти тысяча человек поверят, когда получат завтра почту. Сегодня бюро добрых услуг взяло у меня тираж бюллетеня, он уже в пути. Вам не интересно узнать, какой там текст?

Грей поднял было руку со своим экземпляром, намереваясь смять его в комок и уйти, но тут в глаза ему бросились три слова — «Мервин Грей Энтерпрайз», — и он окаменел.

Стиральная машина «Чудо-вихрь»: столько-то людей погибло от удара электрическим током из-за неисправностей в электросхеме, столько-то пожаров возникло по той же причине, протекли полы, а заодно и потолки у соседей, в стольких-то домах. Утюги «Тишь-да-гладь» тоже послужили причиной пожаров, ломались при глаженье и обжигали хозяек. Автомобили с покрышками «Ультрак» — столько-то катастроф…

Голова у Грея закружилась при мысли о людях, к которым попадет это обвинительное заключение, о капиталах, которыми они ворочают, о рынках, куда ему будет отныне закрыт доступ. До него смутно доносились слова Хэндлинга:

— Да, именно машина «Чудо-вихрь» стоила руки моему

сынишке, именно из-за вашего утюга Мег вынуждена была сидеть дома и подрабатывать на вашей швейной машинке, именно эта машинка прошила ей руку, именно покрышки «Ультрак» загубили автомобиль, когда я вез ее в больницу. Ваши руки обагрены не только кровью, мистер Грей. Не проходит дня, чтобы вы хоть кому-нибудь да не причинили боли.

— Мерзавец, — прошептал Грей. Он сунул листок в карман пальто. — Как вы смеете! Это клевета — грубая, грязная, недопустимая клевета!

— Утверждать, что продукция никуда не годится, — это не клевета, — усмехнулся Хэндлинг. — Бесспорно, вы можете обратиться в суд. Наверняка вам удастся привлечь меня к ответу за гражданское правонарушение, но преступлений я не совершал.

— Самодовольный подлец! — взревел Грей и кинулся на Хэндлинга. Пусть он калека, но надо же стереть усмешку с его лица!

От толчка кресло Хэндлинга откатилось в сторону, наехало на керосинку, опрокинуло ее, и пылающее море огня в мгновение ока охватило часть пола. Пламя загудело и взметнулось вровень с головой Хэндлинга.

Грей выбежал из этого дома, захлопнул за собой дверь и помчался к автомобилю. На предельной скорости рванул, не разбирая дороги. Перед поворотом оглянулся. Пока никаких признаков пожара: окна плотно занавешены, как во всех домах на этой улице, — отгорожены от холодного осеннего вечера. Эта картина тоже запечатлелась в памяти, как остановленная кинолента.

6.

Отъехав на сорок миль, Грей остановил машину на пустынном шоссе. Он весь дрожал, понемногу приходил в себя и пытался логически оценить положение. Не так уж оно плохо, а? Грей разговаривал с одним-единственным человеком, спрашивал у него дорогу, но это было в сумерках, он не выходил из автомобиля, да и автомобиль не отличался от тысячи своих близнецов. Задолго до того, как заметили пожар в доме Хэндлинга, Грей находился уже в другом округе. Он мысленно восстановил кадр из киноленты недавних воспоминаний — безлюдную улицу. Да, не скоро там заметят пожар!

Никто не видел ни приезда Грея, ни его отъезда, каким-то

чудом он не снял перчаток и, значит, нигде не оставил отпечатков своих пальцев, теперь можно спокойно вернуться в Лондон, в квартиру, куда можно войти незамеченным, а оттуда беспечно отправиться в клуб, где его знают, там пообедать, посмотреть хорошее эстрадное ревю, а завтра же утром, часиков в десять, пустить среди нужных людей слушок, что на сей раз бюллетень — сплошные враки, и финансовая империя «Мервин Грей Энтерпрайз» вне опасности, и…

А бюллетень?

Он лихорадочно нащупал листок в кармане пальто. Бюллетень — единственное свидетельство встречи с Хэндлингом. От него надо немедленно избавиться. Грей собрался открыть и выбросить улику, но, передумав, вынул зажигалку. Еще минута — и пепел от бюллетеня будет развеян ветром, и больше нечего опасаться. Да, ему ничто не грозит. Даже если бюллетеню поверят и Грей потерпит грандиозные убытки, он все равно останется «вундеркиндом делового мира». Он выкарабкается.

Щелкнув зажигалкой, Грей поднес экземпляр «Бюллетеня фактов» N б к язычку пламени. Он хотел поджечь листок, но замер. На сей раз взгляд Грея приковала к себе оборотная сторона листка. Он уставился на строчки в траурной рамке, небрежно выведенной вручную кисточкой.

В рамке обычная машинопись Хэндлинга гласила:

«Этот номер бюллетеня — последний. Издатель Джордж Хэндлинг, проживающий в Блентэме, в доме N 29 по улице Уайбирд Клоз, погиб вчера от руки Мервина Грея, пытавшегося прекратить публикацию нежелательных для него сведений».

Брайан Олдисс
В ПОТОПЕ ВРЕМЕНИ (Пер. с англ. З.Бобырь)

Зубной врач проводил ее к выходу, улыбаясь и кланяясь. Аэрокэб уже ждал снаружи, на открытой воздушной площадке. Достаточно старомодная машина, чтобы казаться шикарной. Фифи Фивертри ослепительно улыбнулась водителю.

— Мне за город, — сказала она. — Поселок Роузвилл, шоссе N 4.

— Живете в деревне? — удивился водитель, поднимая машину к лазурному куполу.

— В деревне хорошо, — воинственно возразила Фифи. Она подумала немного и решила, что может позволить себе похвастаться. — И стало еще лучше, когда подвели хронопровод. Нас как раз к нему подключают — должны кончить, когда я вернусь.

Водитель пожал плечами.

— Кажется, в деревне это недешево.

Она назвала тариф. Он многозначительно присвистнул.

Ей хотелось рассказывать еще, рассказать, как она волнуется, как желала бы, чтобы ее отец дожил до этого дня и увидел, до чего интересно подключиться к хронопроводу. Но говорить с пальцем во рту неудобно, а она как раз смотрелась в наручное зеркальце, пытаясь увидеть, что сделал с нею зубной врач.

Он сделал свое дело отлично. В розовой десне уже прорастал новый маленький жемчужный зуб. Фифи решила, что рот у нее весьма привлекателен — Трэси именно так и говорил. А врач удалил старый зуб с помощью хроногаза. Так просто. Один вдох — и она перенеслась в позавчерашний день, в тот самый момент, когда пила кофе с Пегги Хакенсон и не думала ни о какой боли. Хроногаз — прелесть. Она вся запылала при мысли о том, что он будет у них дома, всегда наготове, стоит повернуть кран.

Аэрокэб поднялся выше и вылетел через один из раздвижных шлюзов в огромном куполе, покрывающем город. Фифи стало немного грустно. В городах теперь так хорошо, что никто не хочет из них уезжать. Снаружи все вдвое дороже, но, к счастью, правительство платит за риск тем, кто, как Фивертри, живет в деревне.

Минуты через две-три они снизились. Фифи указала свою молочную ферму, и водитель аккуратно посадил машину на

воздушную площадку. Только получив плату, он ногой распахнул дверцу перед Фифи. Этих хитрюг водителей провести невозможно.

Но она забыла о нем, чуть переступила порог. Это был день из дней! Строителям понадобилось два месяца, чтобы установить Хроноцентраль — на две недели больше, чем они обещали, — и эти два месяца повсюду царил хаос. Теперь все снова было в порядке. Она ринулась вниз по лестнице искать мужа.

Трэси Фивертри стоял посреди кухни, разговаривая с подрядчиком. Увидев жену, он взял ее за руку, улыбнувшись своей улыбкой, смущавшей сон столь многих роузвиллских девиц. Но его приятная внешность едва ли могла соперничать с красотой Фифи, особенно когда она бывала возбуждена, как сейчас.

— Все уже готово? — нетерпеливо спросила она.

— Подождите еще минутку, — отозвался мистер Арчибальд Смит.

— Ох, ваши минутки! Последние две недели мы слышим эти слова каждый день, мистер Смит. Что стряслось теперь?

— Ничего страшного. Как вы знаете, нам пришлось тянуть трубу довольно далеко, от главной станции в Роузвилле, и у нас, кажется, неполадки с давлением хроногаза. В главной скважине обнаружена утечка, ее пытаются устранить. Но вас это не должно беспокоить.

— Мы все проверили, и все как будто работает хорошо, — сказал своей жене Трэси. — Идем, я покажу тебе.

Они попрощались с мистером Смитом, выказывавшим профессиональное нежелание покидать место своих трудов. Он удалился, пообещав вернуться утром за последними инструментами. Супруги Фивертри остались наедине с новой игрушкой.

Панель времени прекрасно вписывалась в кухонное оборудование и совсем не бросалась в глаза. Она была установлена рядом с пультом ядерного реактора — скромная маленькая панель с массой циферблатов и всяких переключателей.

Трэси показал жене, как отрегулировано давление времени: низкое в коридорах и службах, высокое — для спален, переменное — для гостиных. Она потерлась щекой о его плечо.

— Я в восторге, милый. А ты?

— Конечно. Особенно от счетов, которые придется оплачивать. — Заметив ее недовольную гримаску, он поспешно добавил: — Разумеется, мне это очень нравится, дорогая.

Потом он щелкнул переключателем, и они перенеслись в недавнее утро, к тому часу суток, который Фифи больше всего

любила: с завтраком уже покончено, а обдумывание ленча — еще далеко впереди… Причем выбрали то утро, когда она чувствовала себя особенно хорошо и спокойно.

— Замечательно! Восхитительно! Я могу делать все, стряпать тебе все! Разве наука не чудо?..

Они поцеловались и выбежали в коридор.

— Что это? — вскричала вдруг Фифи.

Коридор был в полном порядке: портьеры металлически поблескивают у окон, регулируя количество впускаемого света и запасая его впрок для вечерних часов, движущийся ковер на месте и плавно несет их вперед, стенные панели теплые и мягкие на ощупь… Но они перенеслись во времени на месяц назад — а месяц назад здесь работали строители.

— Милый, они испортят ковер! И не поставят панели как надо! О, Трэси, смотри — они сняли портьеры, а Смит обещал не делать этого!

Он сжал ей плечо:

— Милая, все в порядке, честное слово!

— Нет, нет! Взгляни на эти грязные старые трубы, на эти ужасные кабели! А наш чудесный, пылепоглощающий потолок — смотри, как с него сыплется грязь!

— Не волнуйся, дорогая, просто нам так кажется. — Но и на него нахлынули чувства месячной давности, которые он испытывал, видя свой дом в руках Смита и его ужасных рабочих.

Они достигли конца коридора и оказались в спальне, в другой зоне времени. Обернувшись, Фифи чуть не заплакала:

— Ох, Трэси, какова сила времени! Кажется, нам придется изменить регулировку для коридора, да?

— Конечно. Мы настроим его на прошлый год, например, на какой-нибудь летний вечер… «Сказано — сделано!» — гласит девиз Службы Времени, не так ли? А как тебе нравится здешнее время?

Оглядев спальню, она опустила свои длинные ресницы:

— Как тихо!..

— Два часа ночи, дорогая, ранняя весна, и все крепко спят! Мы, наверное, уже не будем страдать от бессонницы!

Она подошла к нему вплотную и посмотрела на него снизу вверх.

— А тебе не кажется, что 11 вечера было бы более — ну, спальным временем?..

— Знаешь, дорогая, если ты думаешь о том, что и я, давай спустимся в гостиную. Посмотрим, что ты скажешь о тамошнем времени.

Гостиная располагалась этажом ниже, под нею был только

гараж. За красивыми большими окнами лежал чудесный пейзаж с куполом города вдали, а у стены стоял большой красивый диван.

Они сели на этот сладостный диван и начали обниматься. Потом Трэси протянул руку вниз и повернул напольный регулятор, присоединенный к розетке в стене.

— Мы можем регулировать время даже не вставая, Фифи! Назови любой момент прошлого, и мы вернемся в него!

— Если ты думаешь о том, о чем я думаю, что ты думаешь, то нам лучше не возвращаться дальше чем на 10 месяцев назад, потому что раньше мы еще не были женаты.

— Ну, миссис Фивертри, уж не становитесь ли вы старомодной? — Он нежно погладил ее по волосам. — Знаешь, что нам нужно когда-нибудь попробовать? Вернуться к тому времени, когда тебе было 12 лет. Ты наверняка была в эти годы чертовски привлекательной…

Она хотела что-то возразить, но воображение уже увлекло ее.

— Мы могли бы вернуться в то время, когда оба были малышами! Только нужно быть осторожным, чтобы ненароком не унестись дальше дня своего рождения и не превратиться в какую-нибудь гадкую протоплазму…

— Милочка, читай рекламные проспекты! Если давление хроногаза перенесет нас дальше дня нашего появления на свет, то мы попросту обретем сознание наших ближайших предков: ты — своей матери, я — своего отца, потом бабушки и дедушки. И это уже предел для хронопроводов Роузвилла…

В этот вечер они поужинали огромным синтетическим омаром. Восторг настолько переполнял Фифи, что она набрала программу для кухонного компьютера немного неправильно — хотя и клялась, что виновата опечатка в поваренной книге, — и блюдо получилось не такое, как нужно. Но они перенеслись в эпоху одного из своих первых и лучших омаров — вскоре после знакомства, два года назад. Вкус, воскрешенный памятью, поправил дело.

Пока они ели, давление вдруг упало.

Внешне все осталось прежним. Но внутри они ощущали, что несутся сквозь дни как листья по ветру. Завтраки, обеды и ужины появлялись и исчезали, и омар казался отвратительным, так как им казалось, что они жуют то индейку, то сыр, то дичь, то бисквит или мороженое или овсянку. Несколько сумасшедших мгновений они сидели окаменев, пока сотни самых различных вкусовых оттенков сменяли друг друга на их языках. Потом Трэси вскочил и выключил время, дернув переключатель у двери.

— Что-то сломалось! — вскричал он. — Это Смит. Я его вызову сейчас же. Я застрелю его!

Но лицо Смита на экране было невозмутимым.

— Я ни при чем, мистер Фивертри. Один из моих людей только что сообщил, что в Роузвилле неполадки. Там, где ваша линия отходит от магистрали. Хронотаз просачивается, я уже говорил. Ложитесь спать, мистер Фивертри, — вот мой совет. Надеюсь, утром все будет в порядке.

— Ложиться спать! Как он смеет! — вскричала Фифи. — Какой аморальный совет! Этот человек пытается что-то скрыть! Держу пари, он сам придумал эту сказку о течи!

— Можно это проверить. Поедем туда и посмотрим.

Они вскочили в лифт, спустились на нижний этаж, сели в свой аппарат на воздушной подушке. Горожане посмеялись бы над этой неуклюжей машиной, странно похожей на старинные автомобили; но вне куполов, где нет общественного транспорта, она необходима.

Поднявшись на несколько футов над землей, они миновали распахнутые ворота. Роузвилл лежал на невысоком холме, а Хроноцентраль располагалась на дальней его окраине. Но когда появились первые дома, машина вдруг заметалась в разные стороны. Фифи швырнуло вбок, и тут же они уткнулись в изгородь.

— Черт, надо бы научиться водить ее, — сказал Трэси, выкарабкиваясь из машины.

— Разве ты не поможешь мне вылезти, Трэси?

— Я большой, я с девчонками не играю!

— Помоги мне! Я потеряла куклу!

— Дура!..

Он неуклюже побежал через поле, она за ним. Разуму ребенка очень трудно управлять тяжелым телом взрослого.

Когда она догнала своего мужа, он сидел, дрыгая ногами и размахивая руками. Он захихикал, увидев ее.

— Трэси ходит сам, — заявил он.

Но еще через несколько мгновений они уже снова шли, хотя это и было болезненно для Фифи, мать которой в последние годы сильно хромала. Они тащились вперед — двое молодых людей с манерами старцев. Когда они достигли поселка, все его население было на улицах и переживало весь спектр возрастов — от лепечущего младенчества до стонущей дряхлости. Очевидно, на Хроноцентрали случилось что-то серьезное.

Десятью минутами позже и несколькими поколениями раньше они увидели Смита, но не сразу узнали его: он был в противохронотазе, выхлопной клапан которого непрерывно выбрасывал отработанные моменты прошлого.

— Ах, вы не поверили мне? — заявил он. — Извольте

удостовериться сами! Они наткнулись на мощный пласт ископаемого времени, труба не выдержала давления и лопнула. Думаю, придется временно эвакуировать весь район.

Он ввел их в ворота Хроноцентрали. Трэси строго спросил:

— Надеюсь, это не красный саботаж?

— Красное что?

— Красный саботаж. Ведь это секретное предприятие?

Смит изумленно взглянул на него.

— Вы с ума сошли, мистер Фивертри!

— Но президент Трумэн…

— Трумэн?

Громко ревя сиреной, во двор влетело нечто громадное, черное, с яркими красными огнями. Это была пожарная машина из города. Из нее хаотически посыпались люди — ее команда, — и один из них кричал, чтобы ему сменили штанишки. А когда на пожарных натянули противохроногазы, выяснилось, что тушить нечего и что невидимый фонтан ископаемого времени вздымается сейчас над поселком, и оно разливается во все стороны, неся в своих неистребимых струях позабытую память давно ушедших времен…

— Нет, делать здесь нечего, — заявил Смит. — Лучше заглянем ко мне, что-нибудь выпьем.

— Вы очень неразумный молодой человек, если вы хотите сказать то, что, как я думаю, вы хотите сказать, — произнесла Фифи брюзгливым старческим голосом. — Спиртное — это контрабанда и вредный для здоровья продукт. Все истинные патриоты должны поддерживать президента в его достойных начинаниях по борьбе с алкоголизмом. Не правда ли, дорогой Трэси?

Вслед за Смитом они подошли к зданию Централи. Смит окликнул кругленького человека в форме и противохроногазе. Они поздоровались как братья. Как выяснилось, они и были братьями. Клэйболл Смит повел всех внутрь здания, галантно взяв Фифи под руку.

— Почему нас не представили этому джентльмену по всем правилам? — шепнула мужу Фифи.

— Чепуха, дорогая. Этикет отступает, когда вы входите в храмы промышленности. — Произнося эти слова, Трэси поглаживал воображаемые бакенбарды.

Внутри здания царил хаос. Только здесь можно было осознать масштабы катастрофы. Из скважины поднимали операторов; один из этих бедняг слабо ругался, обвиняя во всех несчастьях короля Георга III.

В действительности все началось совсем недавно. Едва ли

минуло десятилетие с тех пор, как первые терронавты наткнулись в толще земной коры на пласты ископаемого времени — хроногаза. Публика еще изумлялась, наука пребывала в растерянности, а промышленники со своим обычным размахом уже позаботились о том, чтобы каждый — за плату — мог получить свою дозу времени. В хронопромышленность было вложено больше средств, чем в любую другую отрасль мировой экономики. Эксперты уже рассчитали, что при нынешних темпах потребления все запасы ископаемого времени будут израсходованы за 200 лет. Даже в таком крошечном поселке, как Роузвилл, Централь обошлась в миллионы. А теперь она вышла из строя.

— Здесь опасно, лучше тут не задерживаться! — прокричал Клэйболл сквозь клапан противохроногаза. Шум стоял ужасный: вдобавок ко всему совсем рядом начал работать радиокомментатор.

В ответ на вопрос брата Клэйболл крикнул:

— Нет, это не трещина в хронопроводе! Трещина — это для публики. Наши парни внизу наткнулись на новый пласт времени, и оно просачивается отовсюду. Заткнуть невозможно! Половина наших парней перенеслась в эпоху Норманнского завоевания, пока мы разобрались что к чему. — Он драматически указал вниз, сквозь кафельные плитки пола.

Фифи ничего не понимала. Они, как ей казалось, не так давно покинули Англию. И ей этот хваленый Новый Свет совсем не нравился. И она никак не могла заподозрить, что мощные орудия новейшей технологии нарушают последовательность времен на планете.

И, конечно, она не знала, что губительный фонтан хроногаза затопил уже весь материк. Все спутники связи транслировали сообщения об аварии, но отуманенная аудитория проваливалась все дальше сквозь поколения, словно в бездонный омут.

Подъехала карета «скорой помощи», за ней другая. Арчибальд Смит попытался оттащить Трэси с их пути.

— Руки прочь, низкорожденный! — вскричал Трэси, пытаясь выхватить воображаемый меч. Из машин выскакивали медики, полиция оцепляла участок.

— Сейчас они вытащат наших доблестных терронавтов! — крикнул Клэйболл.

Его едва было слышно в лязге и грохоте. Всюду сновали люди в противохроногазах, иногда среди них мелькала стройная фигура медсестры. Раздавались порции кислорода и супа, над головами висели прожектора, заливая ослепительным светом квадратное устье скважины.

— Мне думается, нам пора уходить, ради духа господня! — прошептала Фифи, вцепившись дрожащей рукой в свою домотканую — как она считала — одежду. — Мне здесь не нравится!..

Потные люди в желтых комбинезонах тянули канаты. Из скважины показался первый терронавт, одетый в характерную черную форму. Голова его была запрокинута, противохроногаз сорван, но он мужественно боролся с обмороком. На его бледных губах даже появилась улыбка, и он помахал рукой телекамерам. В толпе нестройно закричали «ура!».

Это было отважное племя — люди, спускавшиеся в неисследованные моря хроногаза глубоко под землей, рисковавшие жизнью, чтобы добыть самородок знания в недрах неведомого; люди, не воспетые пока что никем, кроме неутомимой прессы…

Радиокомментатор пробился сквозь толпу к терронавту и поднес к его губам микрофон. Измученное лицо героя появилось перед неверящими взглядами биллионной аудитории.

— Там, внизу, ад… Динозавры с детенышами… — успел рассказать герой, прежде чем его втиснули в первую медицинскую машину. — Прямо там, глубоко в газе. Целые стаи, они дерутся… Еще несколько сот футов, и мы попали бы… попали бы к сотворению мира…

Но его уже не слушали. Новые отряды полиции очищали здание от посторонних, чтобы принять других терронавтов. Увидев приближающуюся вооруженную цепь, Фифи и Трэси кинулись прочь. Когда они выбежали в темноту, высоко над ними вздымался огромный невидимый фонтан времени, сеющий гибель по всему миру.

Некоторое время они лежали, задыхаясь, у ближайшей изгороди. Иногда один из них пищал, как ребенок, или охал, как глубокий старик. В промежутках они тяжело дышали.

Уже светало, когда они поднялись и потащились по тропе из Роузвилла.

Они не были одиноки. Жители покидали поселок, уходя из домов, ставших чуждыми и непонятными для их ограниченного разума. Трэси остановился и выломал себе в кустарнике грубую палицу.

Мужчина и женщина вместе заковыляли вверх по холму, возвращаясь в лес, как и большинство горожан; их сутулые, неуклюжие фигуры отчетливо выделялись на фоне рассветного неба.

— Угх глумф хум херм морм глук гумк, — пробормотала женщина.

В приблизительном переводе с языка палеолита это означает: «И почему такое случается с человечеством как раз тогда, когда оно уже готово вновь стать цивилизованным?»

Джеральд Керш
ОПАСНЫЙ ВКЛАД (Пер. с англ. В. Волина)

У вас острый глаз, сэр, поистине острый глаз, если вы узнали меня по тем фотографиям, что появились в 1947 году в газетах и сенсационных журнальных репортажах. Думаю, я слегка изменился с тех пор: и все же я действительно тот самый Питер Перфремент, которого так возносили за его открытия в области ядерной физики. Я счастлив, что вы с первого взгляда узнали меня. Вы можете по ошибке принять меня за беглого каторжника, или сумасшедшего на свободе, или еще за кого-нибудь в этом роде, потому что я хочу попросить вас пересесть в этот затемненный угол, так, чтобы ваша широкая спина оказалась между мной и дверью. Не спускайте взгляда с зеркала над моей головой, и вы обязательно увидите там отражение двух молодчиков, которые заявятся в этот уютный маленький бар. Они придут за мной. По отсутствующему выражению на их лицах вы поймете, что эти люди из разведывательной службы.

Они, разумеется, обнаружат меня и воскликнут: «О, сэр Питер, как приятно встретить вас здесь!» Затем, сославшись на дела, они уведут меня отсюда. А ускользать от этих двух молодых людей — одна из немногих радостей, оставшихся мне в моем почтенном возрасте. Однажды я скрылся в корзине для белья. А сегодня я надел поверх вечернего костюма рабочий комбинезон и пошел на концерт. Я собираюсь вернуться домой в центр, проведя неплохой вечер, но сейчас мне хочется побыть немного одному. Мне некого винить, кроме себя самого, за те легкие неудобства, которые я сейчас испытываю. Я удалился от дел, как мне казалось, еще в 1950 году, когда истинная сущность атомных бомб, вроде той, что мы сбросили над Хиросимой, стала общественным достоянием. Моя работа, похоже, была завершена.

Итак, я удалился на прелестную маленькую виллу на мысе де Фесс, поблизости от кошмарного фешенебельного курорта Сабль де Фесс на юге Франции. Я намеревался окончить там свои дни, а точнее говоря — собирать библиотеку и компактную, но более или менее сносную лабораторию и заниматься там. Я посещал все музыкальные фестивали, попивал свой стаканчик вина на террасе любого пришедшегося мне по вкусу кафе и продолжал академическую битву с доктором Франкенбургом. Эта битва, в сущности, не более кровопролитная, чем обычная шахматная

партия; она касалась свойств элемента фтора. Я догадываюсь, что тайны математики, слава Богу, находятся за пределами вашего понимания, но, может быть, в школе вам говорили кое-что о свойствах фтора. Это поистине сорвиголова, разбойник среди элементов.

По своему темпераменту фтор — настоящая примадонна, а по характеру — врожденный преступник. Его невозможно удержать в чистом виде; его влечет практически ко всему, что только есть на земле, и все то, к чему его влечет, он стремится уничтожить. Неспециалисту я могу описать свою теорию в двух словах: приручeнный фтор, так сказать, громила в упряжке. Доктор Франкенбург, посвящавший весь досуг чтению юмористических журналов, любил говорить по этому поводу: «С таким же успехом вы можете представить себе Джека-Потрошителя в качестве кормильца семьи». Как бы то ни было, я продолжал трудиться для собственного удовольствия, без принуждения и слежки и имея доступ к большому компьютеру в Ассиньи. И вот в один прекрасный день я обнаружил, что мне удалось выделить субстанцию, которую для удобства я буду называть «фтор восемьдесят плюс».

Я вовсе не хочу сказать, что всего лишь вывел его формулу. Свойства этого вещества таковы, что достаточно лишь однажды понять их, как физическое производство элемента становится простым до абсурда.

Итак, я приготовил небольшое количество вещества — около шести унций; оно было похоже на пластинку плотного желатина известкового цвета. Потенциально этот кусочек студнеобразного вещества заключал взрывную силу большую, чем космическая катастрофа. Но потенциально, заметьте себе, пока только потенциально. Пока «фтор восемьдесят плюс» лежал в моей руке, он оставался, согласно моим расчетам, полностью инертным. Можно было бить по нему кузнечным молотом или жечь его паяльной лампой — и ничего не произошло бы. Но при определенных условиях, казавшихся мне в то время абсолютно недостижимыми, этот кусочек вещества мог стать невероятно ужасным. Говоря «невероятно», я хочу сказать — неизмеримо. Не поддающимся никаким вычислениям.

Записную книжку с формулой я завернул в бумажный пакет, чтобы спрятать его в подвалах Морского банка в Сабль де Фесс. Пластинку «фтора восемьдесят плюс» я поместил между двумя кусочками картона, затем я завернул их в такой же пакет и положил в карман. Дело в том, что в городе у меня был друг, с которым мы часто пили чай: он питал слабость ко всему непонятному и сверхъестественному. У меня возникло дурацкое

желание развлечься, показав ему мой образчик и объяснив, что эта безобидная маленькая штучка в подходящих условиях может отправить нашу планету в тартарары — почти за такой же промежуток времени, какой нужен щепотке пороха, чтобы вспыхнуть в пламени зажженной спички. Итак, в веселом настроении я отправился в город, нанес визит в банк, предварительно купив кулек конфет «Услада джентльмена» и банку оксфордского джема к чаю, и позвонил в дверь к доктору Рэйзину.

Это был старый чудак, переживший свою полезность обществу, хотя в былые времена он имел неплохую репутацию в качестве архитектора, специалиста по стальным конструкциям.

— Кое-что особенное к чаю, — сказал я, бросив на стол мой маленький пакетик с «фтором восемьдесят плюс».

— Копченая лососина? — спросил он.

Я достал джем и ответил, идиотски хихикая:

— Нет.

— Без сомнения, ты уже побывал в кафе «Холодная война, — сказал он ворчливо, принюхиваясь ко мне.

— Нет, я только что из банка.

— Ах, вот как, — сказал он. — А это, я полагаю, сверток с деньгами. Ну, а мне-то что от этого? Выпьем лучше чаю.

Я сказал:

— Я был в банке не для того, чтобы взять что-либо оттуда, Рэйзин. Напротив — я кое-что положил туда.

— Сделай одолжение, не разыгрывай меня. Что это такое?

— Это, — ответил я, — неопровержимое доказательство того, что Франкенбург ошибался, а я был прав, Рэйзин. То, что ты видишь, — это полдюжины унций абсолютно устойчивого «фтора восемьдесят плюс» и в то же время — его критическая масса!

Сухой, как старая кость, он проворчал:

— Не морочь мне голову научным жаргоном. Насколько я в этом разбираюсь, атомный взрыв происходит, когда некоторое количество радиоактивного вещества достигает в определенных условиях того, что ты называешь «критической массой». А если дело обстоит так, то этот маленький сверток, я полагаю, может представлять опасность?

— Именно так, — ответил я. — Здесь вполне достаточно «фтора восемьдесят плюс», чтобы испарить планету средней величины.

— Фторовая бомба или унция нитроглицерина — для меня это совершенно все равно, — сказал Рэйзин. Налив чай, он беспечно спросил: — Как ты приводишь его в действие? Надеюсь, не путем швыряния на стол?

Я ответил:

— Его невозможно взорвать, если только ты понимаешь, что такое взрыв, — без необходимых условий, которых очень трудно добиться и которые, будучи достигнутыми, становятся бесполезными. Но даже если это вещество не будет иметь ценности в качестве оружия, его можно использовать для мирных целей.

— Не морочь мне голову. Я и сам понимаю, что из бойцового петуха можно сварить цыплячий бульон. Но я хочу знать, для чего ты принес его сюда?

Я был слегка ошарашен. На Рэйзина все это не произвело никакого впечатления. Я сказал несколько неуверенно.

— Ни ты, ни кто другой никогда больше не увидят снова «фтор восемьдесят плюс». Примерно через четырнадцать часов этот кусочек — как бы ты выразился? — испарится.

— Что значит — как бы я выразился? А как бы ты выразился?

— Видишь ли, — начал я объяснять, — если быть совершенно точным, то это вещество взрывается уже сейчас. Но взрывается очень медленно. А чтобы взрыв был действительно эффективным, надо дать этому кусочку увеличиться в объеме при температуре свыше шестидесяти градусов по Фаренгейту, в герметически закупоренной бомбовой оболочке объемом по меньшей мере десять тысяч кубических футов. При этих условиях, получив нужное давление, он взрывается. Но чтобы достичь такого давления, под которым мой «фтор восемьдесят плюс» начнет подвергаться перестройке атомной структуры, оболочка нашей бомбы в десять тысяч кубических футов должна иметь толщину по меньшей мере в два или три фута.

Рэйзин размешал джем в своей чашке и перебил:

— Это химеры. Так что пусть он себе спокойно испаряется. Сожги свою формулу и не обращай на это больше внимания. Но раз уж ты его принес — давай взглянем на него. — Он развернул маленький сверток и воскликнул: — Я все время знал, что это только шутка!

Бумага раскрылась, и внутри не оказалось ничего, кроме записной книжки.

Я закричал:

— Святое небо! Это же должно лежать на сохранении в банке! Это же формула!

— А бомба?

— Не бомба, Рэйзин, — я ведь только что объяснял тебе, что «фтор восемьдесят плюс» не может сам по себе превратиться в бомбу. Проклятье! Я, наверное, оставил его в бакалейной лавке.

— Он ядовитый?

— Ядовитый? Не думаю… Одну минуту, одну минуту! Я отчетливо помню: выйдя из дома, я положил формулу в правый карман пальто, а «фтор восемьдесят плюс» — в левый. Затем я прежде всего зашел в международную кондитерскую купить этот джем и конфеты и, чтобы не слишком набивать левый карман, переложил… О, все в порядке, Рэйзин! Не о чем волноваться, если не считать того, что эта записная книжка — не тот предмет, который я хотел бы таскать с собой. Образец находится в банке, в целости и безопасности. Это была вполне естественная ошибка — пакеты очень похожи по размеру и весу. Нет никаких оснований для беспокойства. Не хочешь ли попробовать «Усладу джентльмена»?

Но Рэйзин сказал:

— Этот ужасный кусочек фтора — ты ведь оставил его в банке, не так ли?

— «Фтор восемьдесят плюс». Ну и что?

— Ты хранишь свои вклады в Морском банке?

— Да, но в чем дело?

— Так же поступаю и я. Это самый надежный банк во Франции. Его подвалы — теперь слушай меня внимательно, Перфремент, — надежно защищены от грабителей, они бомбоустойчивы, огнеупорны и непроницаемы для воздуха. Подвал, где находится хранилище вкладов, имеет сорок футов в длину, тридцать футов в ширину и десять футов в высоту. Это составляет объем в двенадцать тысяч кубических футов. В подвале поддерживаются низкая влажность и постоянная температура в шестьдесят пять градусов по Фаренгейту. Стены подвала сделаны из прочной стали и железобетона толщиной в три фута. Одна только дверь весит тридцать тонн, но она подогнана с такой же точностью, как пробка в медицинской склянке. Тебе это все о чем-нибудь говорит?

— Но позволь, — воскликнул я, — позволь…

— Вот именно — позволь! Ты можешь повторять это до бесконечности. Знаешь ли ты, что ты натворил, мой безответственный друг? — сказал доктор Рэйзин. — Ты поместил свой кусок «фтора восемьдесят плюс» в его немыслимую оболочку. Это типично в твоем духе! Тебе никогда не приходило в голову, что бомба может иметь продолговатую форму и при этом быть величиной с банк? Поздравляю тебя!

Я сказал:

— Я знаком с управляющим — мосье ле Кэ, а он знает меня. Я немедленно с ним повидаюсь.

— Сегодня суббота. Банк уже закрыт.

— Да, знаю, но я попрошу его прийти вместе с ключами.

— Желаю тебе успеха, — сказал Рэйзин.

Телефонный звонок на квартиру мосье ле Кэ дал мне лишь информацию о том, что он уехал на уик-энд в Лафферт, примерно в восьмидесяти милях от побережья, в горы, где у него стоит бунгало. Поэтому я стал искать такси. Но начинался карнавальный уик-энд, и ничего нельзя было достать, кроме одной из тех типично французских машин, которые работают на каменноугольном газе и керосине и в которых практически не действует ни одна деталь, и все же они, подобно самым дешевым будильникам, кое-как продолжают ходить, без особой точности, зато с ужасающим грохотом. А шофер был неприятный малый в берете, он все время грыз целую неочищенную чесночную головку и кричал вам прямо в лицо, будто вы находились на расстоянии сотни ярдов.

После утомительного и зловонного путешествия, во время которого автомобиль дважды пришлось ремонтировать мотком проволоки, мы добрались до Лафферта и с немалыми трудностями нашли мосье ле Кэ.

— Для вас — все что угодно, — сказал он мне. — Но открыть банк? Нет, это невозможно.

— Советую вам сделать это, — сказал я угрожающим тоном.

— Но, сэр Питер, — ответил он, — дело ведь заключается не просто в том, чтобы повернуть ключ и открыть дверь. Дверь подвала имеет замок с часовым механизмом. Это означает, что после того, как замок защелкнут и дверь заперта, никто не может открыть ее, пока не минует определенный период времени. Поэтому ровно в 7.45 в понедельник утром — но ни одним мгновением раньше — я смогу открыть для вас подвал.

Я сказал:

— Тогда, насколько я понимаю, будет лучше всего, если вы пошлете за слесарем, чтобы взломать замок.

Мосье ле Кэ рассмеялся и сказал:

— Чтобы открыть наш подвал, придется снести всю дверь. — Он говорил с явной гордостью.

— В таком случае боюсь, что мне придется попросить вас снести всю дверь, — сказал я ему.

— Для этого придется снести практически весь банк, — ответил мосье ле Кэ. Он определенно считал, что я спятил.

— В таком случае, — сказал я, — не остается ничего другого, как снести весь банк. Разумеется, с соответствующей компенсацией. Факт остается фактом, но по явной оплошности, в которой я полностью признаю себя виновным, я превратил подвал вашего банка в колоссальную бомбу, бомбу, по сравнению с которой мультимегатонные бомбы — просто разбавленное

водичкой молоко. Ведь взвешивать или измерять мой «фтор восемьдесят плюс» в обычных мегатоннах — это все равно, что покупать уголь миллиграммами или вино — кубическими сантиметрами.

— Один из нас сошел с ума, — сказал мосье ле Кэ.

— Допустим, что бомба, сброшенная на Хиросиму, весила одну мегатонну, — сказал я. — Имея дело с моим «фтором восемьдесят плюс», мы должны составить таблицу. Итак, миллион мегатонн эквивалентен одной тиранотонне. Миллион тиранотонн составляет одну безднотонну. Миллион безднотонн равен одной браматонне. А после миллиона браматонн мы имеем нечто, названное мной ультимоном, потому что это находится даже за пределами математических догадок. Через несколько часов — а мы теряем драгоценное время в пустых разговорах, мосье ле Кэ, — если вы не откроете свой подвал, Вселенная испытает удар мощностью в половину безднотонны. Разрешите мне, пожалуйста, воспользоваться вашим телефоном.

Итак, я связался с соответствующим отделом службы безопасности, а затем попросил министра, чье имя я не хочу называть, быть настолько любезным, чтобы поторопиться; при этом я, конечно, сослался на несколько других ядерных экспертов — на тот случай, если мое собственное имя будет для него недостаточным. Таким образом, я смог по прошествии двадцати минут сообщить мосье ле Кэ:

— Все улажено. Армия и полиция уже на пути сюда, так же как и несколько моих коллег. Компания Сейфов и Хранилищ, которая оборудовала ваш подвал, отправила своих лучших инженеров. Мы сможем открыть ваш подвал через пару часов или около того. Я сожалею, если это причинит вам неудобство, но дело должно быть сделано, и вам придется с этим примириться.

Он мог только воскликнуть: «Причинит неудобство!» Затем он закричал:

— После этого, сэр Питер Перфремент, будьте столь любезны устраивать свои банковские дела в другом месте!

Мне было жаль его, но теперь для сантиментов уже не оставалось времени: я чувствовал, что захвачен водоворотом головокружительной активности. В сопровождении традиционного эскорта секретной полиции из службы безопасности в де Фесс были спешно доставлены четыре высокоавторитетных ядерных физика. Я с удовольствием увидел среди них моего старого закадычного врага — Франкенбурга; он вынужден был признать, что в полемике о фторе был полностью опровергнут.

Там была еще, само собой, целая свора полицейских — как в

форме, так и переодетых в штатское, и еще, Бог знает зачем, два врача; один из них без конца болтал ни к селу ни к городу о фторе, найденном в сравнительно высокой концентрации в человеческих эмбрионах, и о его пользе для детских зубов. Один эксперт давнишних времен массированных бомбежек заявил, что всегда эвакуировал окружающее пространство вокруг неисследованной бомбы до тех пор, пока она не будет обезврежена, и поэтому он считает благоразумным эвакуировать Сабль де Фесс.

Это привело мэра в состояние поистине галльского экстаза. Эвакуировать этот район во время карнавального уик-энда — все равно, что разрушить его; лучше смерть, чем бесчестье, и так далее. Я заметил, что если мой «фтор восемьдесят плюс» взорвется, то проблема эвакуации вообще уже не встанет, поскольку никто нигде и никогда больше не сможет быть благоразумным. Начальник полиции, бросив на меня подозрительный взгляд, сказал, что обсуждаемая опасность носит чисто гипотетический характер; зато паника, которая будет сопутствовать массовым волнениям, неминуемо станет гибельной. Нужно окружить только квартал, где расположен банк. Он находится в центре города, и большинство учреждений закрыто на время уик-энда, так что выполнить операцию будет несложно — это в пределах наших возможностей.

Так заявил начальник полиции, набивая трубку, словно артиллерист, заряжающий свое орудие последним снарядом, и указывая трубкой прямо на меня. Он дал понять, не говоря этого вслух, что считает весь план взлома банковского подвала подстроенной махинацией.

Мосье ле Кэ сказал:

— Но ведь бронеавтомобиль уже был и ушел, и в банке сейчас почти не осталось денег — до понедельника.

Однако начальник полиции не был удовлетворен. Глядя, как он утрамбовывает содержимое своей трубки, я не мог отказать себе в удовольствии процитировать поговорку моего дедушки: «Плотно порох ты набьешь — дичь наверняка убьешь». Он сделал это своим девизом.

Между тем Франкенбург и другие сосредоточенно углубились в мои записи, которые я вынужден был им передать.

Франкенбург проворчал:

— Я должен все проверить и перепроверить. Мне нужен компьютер. Мне нужно пять дней.

Но маленький доктор Имхоф сказал:

— Послушайте, мы не должны исключать возможность того, что прочитанное нами здесь действительно соответствует истине.

Мы должны это допустить хотя бы для очистки совести.

— Хорошо, хотя бы для очистки совести, — сказал Франкенбург. — Ну и что?

— А то, — ответил Имхоф, — что любое уменьшение давления делает так называемый «фтор восемьдесят плюс» Перфремента безвредным веществом, не так ли? В таком случае дыра, просверленная в подвальной двери, будет достаточной мерой предосторожности. Так сделаем же дыру и подождем до понедельника!

— Пусть будет так, — сказал я. — Он говорит здраво.

Инженеры из Компании Сейфов и Хранилищ, прибывшие самолетом, выгрузили свое хозяйство у банка. И среди баллонов, защитных очков для глаз и прочих приборов я заметил несколько противогазов.

— А это зачем? — спросил я у ле Кэ. Франкенбург, не расположенный к уговорам, сказал недовольно:

— Да, да, сверлите дыру, оставьте эту штучку Перфремента до понедельника. Но пока я расшифрую эту формулу, его так называемый «фтор восемьдесят плюс» за это время испарится.

Некий доктор Шьяпп сказал мрачным тоном:

— Это метафизика: если мы его оставим — он испарится, если мы его не оставим, он тоже испарится, но, насколько я понял из записей Перфремента, если мы оставим здесь «фтор восемьдесят плюс», мы испаримся вместе с ним в коллективное небытие. Лучше сверлите дыру.

Я напомнил:

— Мосье ле Кэ, я вас спросил, для чего здесь эти противогазы?

— Видите ли, — ответил он, когда дверь подвергается постороннему вмешательству, автоматически включается сигнал тревоги, подвал заполняется слезоточивым газом из встроенных контейнеров.

— Вы сказали — слезоточивый газ? — спросил я.

— В высокой концентрации.

— Тогда, — закричал я, — немедленно отойдите от этой двери! — Я апеллировал к Франкенбургу: — Вы ненавидите каждое мое слово, старина, но вы честный человек. Признавая, что мои записи верны, — а я клянусь, что они верны, — вы поймете, что мой «фтор восемьдесят плюс» вступает в реакцию только с одним веществом. А это, будь я проклят, как раз то вещество, из которого делают слезоточивый газ!

Франкенбург кивнул головой. Шьяпп сказал:

— Как ни вертите, но мы здорово влипли!

А старый Рэйзин проворчал:

— По-моему, это как раз то, что драматурги называют абсолютно безвыходным тупиком. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Но тут маленький Имхоф спросил:

— Есть ли тут хоть какая-нибудь часть подвала, куда не подведен сигнал тревоги? И если есть, то где именно?

Ле Кэ ответил:

— В техническом смысле существует лишь одна сторона подвала, достижимая снаружи, если только это можно назвать «снаружи». Задняя стена нашего подвала примыкает к задней стене расположенного по соседству ювелирного магазина Моникендама. Его подвал, видите ли, сам по себе имеет толщину в два фута. Следовательно…

— Ага! — воскликнул начальник полиции.

— Приведите Моникендама, — приказал министр безопасности.

И этот известный ювелир и ростовщик был немедленно доставлен. Он сказал:

— Я охотно открою свой подвал, но у меня есть партнер, Уормердам. Наш подвал открывается комбинацией из двух замков, отпираемых одновременно. Они расположены таким образом, что один человек не может отпереть оба замка в одно и то же время. У меня своя секретная комбинация, у Уормердама — своя. Чтобы открыть подвал, мы должны здесь присутствовать оба.

— Вот как становятся богачами, — пробормотал старый Рэйзин.

— Вот как остаются богачами, — поправил его Моникендам.

— Где находится Уормердам? — был задан вопрос.

— В Лондоне.

Тут же позвонили в Лондон, и агенты секретной службы вытащили беднягу Уормердама, пронзительно кричащего, прямо из-за обеденного стола, стремительно доставили его на аэродром реактивных самолетов и запустили вверх с такой скоростью, что он прибыл в Сабль де Фесс в состоянии полной прострации и с салфеткой, все еще засунутой под подбородок.

Зато теперь, по выражению начальника полиции, все это дело стало для него ясным как на ладони. Я был в его глазах кем-то вроде главы преступной шайки, профессором Мориарти, и моей истинной целью была кладовая ювелиров… Он усилил полицейский кордон, и Моникендам с Уормердамом открыли свой подвал.

Люди из Компании Сейфов и Хранилищ приступили к работе, но не раньше, чем оба ювелира получили от президента банка

подписанную и засвидетельствованную гарантию возмещения убытков (министру они не доверяли). И вот прочная сталь и железобетон обнажились, и мы начали бурить заднюю стену банка.

— Время бежит, — сказал я.

Рэйзин вызвал всеобщее раздражение, заявив:

— Фантазии, друзья мои, одни только фантазии заставляют нас так потеть. Принимая во внимание все обстоятельства, думаете ли вы, что мегатонна, или тиранотонна, или ультимон могут причинить нам — лично нам — больше вреда, чем, скажем, фунт динамита?

К пяти часам утра мы проделали брешь в стене. Я сказал:

— Прекрасно. Теперь не о чем беспокоиться. «Фтор восемьдесят плюс» не сможет взорваться.

И когда я предложил выпить по чашке горячего чая, мосье ле Кэ попытался меня задушить.

Но люди продолжали работать, пока отверстие не достигло около двух футов в диаметре; и тогда самый низкорослый из них взял мой ключик, протиснулся сквозь дыру и вернулся с содержимым моего отделения в сейфе — маленьким бумажным пакетиком с «фтором восемьдесят плюс».

Я показал Франкенбургу, как сильно он уменьшился в объеме.

— Клянусь Богом, мы были на волоске от гибели, — сказал я.

Вы думаете, на этом дело и кончилось? Вы жестоко ошибаетесь. Потому что в эту безумную ночь, пока все полицейские в Сабль де Фесс и его окрестностях стояли на страже у банка и Моникендама, банда грабителей проникла в галереи принца Мамелюка, где хранилась одна из четырех самых крупных в мире коллекций произведений искусства.

Воры очистили ее не спеша, с полным комфортом. Они похитили бесценное собрание античных драгоценностей, трех Рембрандтов, четырех Гольбейнов, двух Рафаэлей, одного Тициана, двух Эль Греко, Вермеера, трех Боттичелли, Гойю и Греза. Мне сказали, что это была величайшая за все времена кража произведений искусства. И что страховое агентство Ллойда предпочло бы потерять флот трансатлантических лайнеров, чем ту сумму, на которую были застрахованы эти картины и драгоценности.

Вообще-то, если вдуматься, мне повезло, что меня отправили обратно в Англию и взяли под стражу.

Если б у меня была хоть капля здравого смысла, я бы, конечно, помалкивал об этом проклятом «фторе восемьдесят плюс». В сущности, я сам себя сделал арестантом. Они считают

меня — ведь это ж надо придумать! — законченным пустомелей и болтуном. Как будто «фтор восемьдесят плюс» — это просто какая-нибудь болтовня! Черт побери, вы сами можете его приготовить. Возьмите 500 граммов плавикового шпата…

Ох-ох! Боюсь, это пришли двое моих приятелей. Придется мне теперь покинуть вас, сэр… Спокойной вам ночи.

Брюс Джей Фридман
УБИЙЦА В ТЕЛЕВИЗОРЕ (Пер. с англ. В.Устинова)

Сначала мистер Ордз заметил только, что у церемониймейстера, или звезды телевизионного шоу, на голове был дрянного качества парик нелепой конусообразной формы. Программа, похоже, была задумана как полуночная «беседа», перемежающаяся песенками в исполнении некой Конни. Певичка сопровождала свои вокальные потуги тщательно хронометрированными жестами — один жест для того, чтобы передать страсть, другой — игривость и третий — наивность и первую любовь. Программа была незнакома мистеру Ордзу, хотя это не имело никакого значения, поскольку главной задачей было избежать возвращения наверх к миссис Ордз, пышнотелой женщине, открывшей для себя секс на пороге сорокалетия. Каждую ночь в бигуди она ожидала мистера Ордза, чтобы тот пришел и раскрыл ее тайны, а она, по ее словам, могла бы потерять над собой контроль и явить миру настоящее «я». Мистер Ордз уже несколько раз имел возможность познакомиться с ее настоящим «я», и сейчас старательно избегал новых открытий.

На сцену вышли четыре танцора, которые окружили певицу и, прищелкивая пальцами, затянули припев: «Ну, разве она не милашка?» В финале номера они не слишком ловко водрузили Конни на плечи.

— Разве она не сногсшибательна? — спросил церемониймейстер, подвинув вперед свой стул. Декораций в студии почти не было — только голая стена, вдоль которой было поставлено несколько стульев — обстановка в стиле «интеллектуального» разговорного шоу.

— Я бы тоже хотел сшибить тебя с ног. А потом стукнуть по башке чем-нибудь тяжелым, — сказал церемониймейстер, — но не могу этого сделать. Поэтому придется разделаться с тобой другим способом.

Мистер Ордз хмыкнул. Это был смех, долженствующий выражать удивление с некоторой долей шока. Кроме того, мистер Ордз таким образом прочищал носовые ходы.

— Ну, так вот, — продолжил церемониймейстер, — с помощью Конни я поймал тебя на крючок, хотя и без нее мог бы привлечь твое внимание, раз уж ты включил телевизор. А сейчас слушай меня внимательно. Мне отпущена ровно неделя на то,

чтобы убить тебя. Иначе я не получу своего спонсора.

— А интересно, что вы так легко попадаетесь на этот фокус с церемониймейстером и прочими телевизионными парафернaлиями. Постарайся понять меня хорошенько. Я не собираюсь сделать так, чтобы ты сдох от смеха или радости. Клянусь Богом, я собираюсь остановить твое сердце, Ордз, заставить тебя умереть. Я тебя изучил и знаю, что могу это сделать.

Мистеру Ордзу послышалось, что человек сказал «остановить весь этот сыр-бор», но церемониймейстер повторил:

— Сердце, Ордз. Остановить твое сердце, Ордз… Ну, хорошо, в таком случае, мистер Ордз. Ради Бога, слушай внимательней. Я же тебе сказал — у меня времени — одна неделя.

Мистер Ордз несколько раз переключил каналы. Но единственное, что он мог в два часа ночи найти по другим каналам, была таблица настройки. Он отыскал «Телегид» двухнедельной давности и убедился, что на это время во вторник не значилось никакого телевизионного шоу. После этого он позвонил в полицию.

— У меня по телевизору идет какая-то ненормальная программа, — сказал он, — и я подумал, может быть, вы заглянете ко мне.

— Подождите до утра и посмотрите. Наверняка она сама пройдет, — ответил ему полицейский. — Мы не можем разъезжать по всякому поводу.

— Хорошо, — согласился мистер Ордз. — Но я никогда не вызываю полицию, а тут в самом деле какая-то чертовщина.

Пришлось ему идти спать. Ложась, он легонько похлопал жену по плечу и прошептал: — По телевизору идет какая-то ерундовина. — Но, когда она встрепенулась конвульсивно, мистер Ордз забился в угол постели и притворился, что его там не было.

На следующий вечер мистер Ордз с головой ушел в книгу по грогам Шотландии и допоздна просидел за чтением. Но в два часа ночи он отложил книгу и включил телевизор.

— Будет лучше, если ты станешь включать меня пораньше, — сказал церемониймейстер. На этот раз он был одет в кричаших расцветок клетчатый пиджак и улыбался неискренней улыбкой.

— Ты так начнешь тянуть время, пока не включишь телевизор. А раз уж ты все равно его включишь, то почему бы тебе не делать это пораньше. Ну, ладно. Сейчас для тебя будет исполнен номер, Ордз. Лично я не вижу в этом никакого смысла. По какой-то дурацкой причине я должен каждый вечер показывать тебе один номер.

Вышла вчерашняя певичка в латиноамериканском костюме и, яростно прищелкивая пальцами, стала изображать нечто зажигательное с припевом: «Ваду-ваду-ваду-вей. Хей-хей-хей-ваду-вей». Она закончила песню словом «йе» и отвесила низкий и смиренный поклон, после чего церемониймейстер сказал:

— А если ты будешь меня выключать, мне придется обращаться с тобой пожестче. Я не имею в виду, что могу дотянуться до тебя и ударить. Поясняю… Я не могу застрелить тебя отсюда или нанести смертельный удар ребром ладони. Контракт несколько иной. У нас условие такое, что мне отпущено шесть дней на то, чтобы убить тебя, но я не могу этого сделать собственноручно. Что мне придется сделать, Ордз, так это довести тебя до такого состояния, чтобы, скажем, тебя в собственном доме хватил удар. Я не знаю, все ли у тебя в порядке с сердцем. Кроме того, мне не разрешается задавать тебе по этому поводу вопросов. Но, кстати, я-таки изучал тебя. Не важно, нравишься ты мне или нет. Главное для меня — это получить спонсора. Но могу тебе и признаться, что мне на тебя наплевать. Ты такой жалкий человечек, и жизнь у тебя такая никчемная… Я это говорю отчасти потому, что действительно так думаю, а отчасти для того, чтобы посмотреть: может быть, тебя в самом деле хватит удар.

— А теперь теленовости. Согласно нашим условиям, я буду тебе показывать только сюжеты о несчастных случаях и катастрофах. Я сам настоял на этом, и мне пошли навстречу. Сначала предполагалось, что еще будет политика.

Мистер Ордз посмотрел первый сюжет — авиакатастрофу с «Дугласом Д-7» где-то в Парагвае, — а потом выключил телевизор и снова позвонил в полицию. На этот раз был другой дежурный офицер, и мистер Ордз сказал:

— Вчера ночью я звонил насчет странной телепрограммы.

— Я не знаю, с кем вы разговаривали, — ответил полицейский. — У нас много звонков по поводу телевизоров, и мы не можем ко всем высылать наряд.

— Ладно, — сказал мистер Ордз. — Хоть я и звонил вчера ночью, это не значит, что я постоянно надоедаю полиции.

Единственным связанным с телевидением человеком, которого мистер Ордз знал, был его племянник Рафаэль. Он работал техником на телестудии. На следующий день во время обеденного перерыва мистер Ордз встретился с Рафаэлем. Разговор состоялся короткий.

— Мне кажется, это скотство так допекать человека, — пожаловался мистер Ордз. — Может быть, это грубая шутка, но зачем растягивать ее на целую неделю. Что, если меня в самом

деле хватил бы удар?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рафаэль, уплетая банан.

Он сидел на банановой диете и за обедом съел их несколько штук.

— Телевизор, — сказал мистер Ордз. — Я имею в виду, что с ним происходит.

— Да починю, починю я его, — сказал Рафаэль. — Чего ты стесняешься? Был бы ты посторонним, а родственнику я починю за так. Не вижу, чего тут стесняться. Стыдно ходить вокруг да около. Если твой телевизор сломался, я его починю. Неважно, что я с этими чертовыми штуками и так вожусь целыми днями. Ты мне ничего не будешь должен. Купишь мне гроздь бананов, и будем квиты. Паршивая диета, если не научишься себя обманывать. А я научился себя обманывать.

— Ты не понимаешь, что происходит, — беспомощно сказал мистер Ордз. — А у меня нет сил объяснять тебе.

Он вернулся на свою работу, а ночью не стал тянуть и ровно в два включил телевизор. Церемониймейстер был одет как ряженый для колядок в День всех святых.

— Итак, сегодня среда, — начал он, — и старое…

Мистер Ордз прервал церемониймейстера на полуслове, переключив телевизор на другой канал. Он подождал минут пять. В тишине были слышны удары его собственного сердца, из-за чего он занервничал и стал массировать себе грудь, пытаясь замедлить пульс. Он снова повернул переключатель, и церемониймейстер продолжил предложение:

— …сердце все еще бьется, но ты должен помнить, что… Мистер Ордз повернул ручку и на этот раз выждал минут десять, снова пытаясь унять сердцебиение. Потом он еще раз переключил канал и услышал продолжение той же фразы:

— …я создаю кумулятивный эффект. Для меня будет лучше, гораздо артистичнее, если я завершу это дело в конце недели. Вроде как постепенно нагнетать обстановку, а потом окончить спектакль, то бишь покончить с тобой, прямо под занавес. Что такое?

Церемониймейстер сложил ладонь лодочкой и приставил ее к уху, а потом сказал:

— Ага, Ордз, мне говорят, что ты там пытаешься баловаться с переключателем каналов, и тебя шокирует, что ты не можешь пропустить ничего из сказанного, даже если вообще выключаешь телевизор. Мне наплевать, шокирован ты или нет. Вообще-то, чем сильнее шокирован, тем лучше. Хотя я бы предпочел, чтобы ты не подох до конца недели.

Мистер Ордз встал перед телевизором и сказал:

— Я еще с тобой не разговаривал, но ты меня разозлил. А когда я по-настоящему разозлен, мне на все наплевать. Я могу по чему-нибудь ударить и не чувствовать никакой боли. В таком состоянии я не боюсь сердечных приступов, докторов, ударов в лицо, и самой смерти могу плюнуть в глаза. Это не имеет никакого отношения к моему росту, слабым рукам или дряблому животу. Должен тебе сказать, что сейчас я разъярен. А когда я разъярен, то внезапно становлюсь красноречивым, не боюсь никого и могу добраться до горла противника. Мне все равно, кто ты такой. Ты явился сюда и довел меня до бешенства. Поэтому клянусь, что я до тебя доберусь. Я знаю, что смогу это сделать, потому что в таком состоянии меня ничто не остановит.

— Успокойся, — сказал церемониймейстер, закуривая сигарету. — Сядь. Хорошо, я признаю, что ты меня несколько обескуражил. Но это ничего не меняет. Я действительно нахожусь в студии, но она очень хорошо замаскирована, и никто в мире не догадается, где она оборудована. Поэтому весь твой гнев ничего не может изменить. Так что успокойся немного, и ты поймешь, что я имею в виду. Пой, Конни!

Певица с угрюмым лицом вышла на этот раз одетая школьницей — в свитере и короткой юбочке. Ожидая, пока заиграет музыка, она переминалась на одной ноге, изображая невинность. Мистер Ордз закричал:

— И ее я слушать не собираюсь.

— Кто сказал? — спросил церемониймейстер, в панике приподнимаясь со стула. — Вот не было заботы. На этом проклятом телевидении ничего нельзя держать в секрете. Ну, хорошо, ты можешь выбирать из трех номеров. «Эльбайя» — танцоры в стиле фламенко, жонглеры из «Труппы Орсона» и «Акробаторама Алонсо».

— Я посмотрю «Акробаторама», — сказал мистер Ордз и еще раз погрозил телевизору кулаком. — Но это не значит, что я соглашаюсь участвовать в этом идиотизме или больше не собираюсь с тобой расквитаться. Просто мне нравятся акробаты, и я никогда не отказываюсь их посмотреть. А потом, после твоих дурацких новостей, пойду спать.

Мистер Ордз уселся в кресло и стал смотреть выступление акробатов, которые несколько раз выходили на «бис».

Перед камерой снова появился церемониймейстер. Он сменил костюм ряженого на клубный пиджак и курил сигарету.

— Ладно, сейчас перейдем прямо к новостям. Я действительно немного обескуражен, не стану отрицать. Уж не думаешь ли ты, что всю эту неделю я занимаюсь тем, чем хотел бы? Просто мне необходимо получить этого чертова спонсора и

убраться отсюда. На сегодня все, остается только обзор катастроф. Ты мне нравишься больше, чем я ожидал, поэтому я договорился о том, чтобы добавить спортивные новости. Сейчас будет сюжет о футбольной команде. Все до единого игроки разбились на автобусе в Нью-Мексико. Тоже спорт в некотором роде.

На следующий день мистер Ордз обратился к врачу с жалобой на боли в желудке.

— Не знаю, реальная это боль или мне только кажется, — сказал он доктору.

— Можете вы ее описать? — спросил доктор.

— В центре красноватая, серая по краям и никак не проходит.

— Может быть, пройдет сама по себе, — сказал доктор. — Если она станет синей, дайте мне знать. Я приду и избавлю вас от нее.

— Вы шутите? — спросил мистер Ордз.

— Я врач, — ответил доктор.

Вечером мистер Ордз задержался в городе, чтобы посмотреть иностранный фильм о том, как на козьей ферме взбесились все животные. После фильма он вышел в холл кинотеатра, где оказался наедине с включенным телевизором. Его церемониймейстер был одет в испанский карнавальный костюм.

— Я ожидал этого, — сказал церемониймейстер, — что ты попытаешься заглянуть под бинты. Если бы какой-то доктор сказал: «От этого зависит ваша жизнь», ты все равно должен был бы взглянуть хоть одним глазом. Я знал, что сегодня вечером ты уйдешь подальше от своего телевизора. Но я также знал, что ты не удержишься от того, чтобы посмотреть какой-нибудь другой телевизор. Поэтому можешь забыть о том, что я сказал тебе вчера насчет того, что был обескуражен. Я знаю только одно: мне нужен спонсор, иначе я никуда не попаду. Если бы я мог протянуть руку и перерезать тебе глотку, я бы сделал это не моргнув глазом. А так мне придется крутить тебе хвост, пока ты сам не захочешь подохнуть. Кстати, выдам тебе одну подробность. Исследовательская группа доложила мне, что ты сегодня вечером будешь здесь. И я добился того, что меня выпустили в эфир раньше обычного. Когда вернешься домой, сможешь уже в два часа посмотреть свои катастрофы. А сейчас для тебя «Акробаторама». Если же кто-нибудь зайдет в холл, то мы переключимся на обычную программу.

После того как акробаты Алонсо третий раз исполнили свой номер на «бис», мистер Ордз поехал на электричке домой. Во время поездки он вышел через тамбур из вагона, встал на буфер и, держась одной рукой за поручень, опустил вниз одну ногу. Но

потом он вернулся в вагон и поехал домой — смотреть назначенные на два часа катастрофы.

На следующий вечер, в пятницу, миссис Ордз присоединилась к сидящему перед телевизором мистеру Ордзу и начала осыпать его нос страстными поцелуями.

— Я взорвусь, — проворковала она и, действительно, ее грудь вздымалась самым опасным образом. — Предупреждаю тебя — я взорвусь прямо здесь, а ведь у нас окна без ставен.

— Остынь немного, — взмолился мистер Ордз. — Я тебе редко что-нибудь рассказываю, но об этом расскажу.

И он поведал ей историю о секретном канале и угрозах церемониймейстера. Но она только сидела, раскачиваясь, с закрытыми глазами, а потом прошептала:

— Ты произносишь слова, но я слышу только звериное рычание. Укроти меня, мой повелитель. Укроти меня, иначе я взорвусь на глазах у всего света.

— Я не могу ни до кого достучаться, потому что слишком нервничаю, — вздохнул мистер Ордз. — Мне бы только по-настоящему разозлиться, и все услышали бы меня как следует.

— Дикий, — проговорила она сквозь сжатые зубы. — Ты дикий, как ветер.

— Я бы очень хотел, чтобы ты поостыла, — сказал мистер Ордз, но от его жены было не так-то просто избавиться. В конце концов он понес ее грузное тело наверх и вернулся вниз в два тридцать ночи.

Мрачная певица сказала ему:

— Он просил меня передать, что простудился, но завтра вечером будет во что бы то ни стало. Кстати, я не знаю, как его зовут. Он сказал, что у него не было времени найти себе замену, поэтому ты можешь просто идти спать, если, конечно, не хочешь послушать мое пение.

— Нет, — сказал мистер Ордз. — Мне наплевать, что вы там делаете. Я в ваших затеях не участвую. Мне просто любопытно, как далеко это зайдет.

— Ах, да, ты тот, который хотел смотреть только акробатов. Ты думаешь, я стала бы участвовать в этом вонючем шоу, если бы у меня была другая работа? Но я так считаю: лучше показаться публике один раз, чем ни разу. Может быть, обзаведусь связями. Я еще прирабатываю фотомоделью. Сегодня теленовостей не будет. Раз ты не хочешь, чтобы я тебе спела, то еще успею на фотосъемки. Кстати, для порнухи я не снимаюсь.

Утром мистер Ордз вызвал свою секретаршу и сказал ей:

— Все мои сбережения в облигациях военного займа, акциях и наличности. Всего около шести тысяч долларов. И я хочу, чтобы

моя жена их получила.

— Так отдайте ей сами, — сказала девица. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я хочу сказать, что все это должно достаться ей, если со мной что-нибудь случится.

— Вы себя плохо чувствуете, мистер Ордз? — спросила секретарша. — Тогда вам нужно оформить завещание. Если вы просто кому-то это говорите, то это ничего не значит.

— Ни с какими завещаниями я не собираюсь возиться. Я просто вам сказал, чтобы вы знали.

— Но я не могу выступать в каком-то официальном качестве, — запротестовала девушка.

— Не спорьте со мной. Ваше дело просто знать.

Шоу в эту ночь началось гораздо позднее обычного. Церемониймейстер был одет в робу заключенного и непрерывно сморкался.

— Это была простуда. Раньше я болел не реже одного раза за зиму. По-видимому, подвержен и сейчас. Ну, да ладно. Было бы нечестно не признать, что у меня закрались сомнения: а вдруг твое сердце не остановится, и я окажусь без спонсора. Однако исследовательская группа доложила о твоих болях в желудке, и мне, естественно, полегчало. Ты на верном пути. Сегодня вечером я окончу твою жизнь, Ордз. А сейчас я предлагаю тебе нечто вроде последней сигареты. Я осточертел тебе, а ты осточертел мне. Если ты сейчас пойдешь наверх и выпьешь пузырек с йодом, тебе не придется высиживать сегодняшнее нудное шоу. Как тебе мое предложение?

Мистер Ордз уронил припасенные на вечер бутерброды с сыром и сказал:

— Боже, помоги мне! Он меня довел.

— И поверь мне, — продолжал церемониймейстер. — Сегодняшнее шоу просто тошнотворное. Я буду исполнять бездарнейшие пародии на песни вроде «Уж такой я вурдалак». Потом на целый час зарядим репортаж о катастрофе со школьным автобусом. Детишки там сгорели заживо. Так что лучше пойди наверх и сооруди себе хорошую удавку…

— Я уже дохожу до точки, когда могу плюнуть смерти в глаза, — простонал мистер Ордз, приподнимаясь с кресла.

— …привяжи один конец к насадке душа, сунь голову в петельку… и все разойдемся по домам пораньше.

— Я до тебя доберусь! — закричал мистер Ордз. С этими словами он кулаком проломил экран телевизора, после чего изображение исчезло, а из порезанной кисти фонтаном хлынула кровь. Она окропила шесть томов «Военных мемуаров» Черчилля

и залила титулы других жемчужин библиотеки мистера Ордза. Мистер Ордз уставился на свою руку и, пока еще не чувствуя боли, несколько раз нажал на нее повыше раны. При каждом нажатии кровь хлестала с удвоенной силой. После этого он на четвереньках дополз наверх до кровати жены и дернул ее за ночную рубашку.

— Я взорвусь, взорвусь, — промычала она во сне, а потом открыла глаза.

— Господи Иисусе, — вскрикнула она. — Кто-нибудь работает в это время в больнице? — Она надела платье, но к этому времени мистер Ордз уже потерял сознание. Своими мощными руками миссис Ордз сгребла мужа в охапку. Кровь струилась на ее платье, и она пробормотала:

— Прости меня, Господи, но даже это сексуально.

Она затащила его в машину и с облегчением увидела, что на его шее бьется жилка.

В больнице молодой доктор сказал:

— Несите его сюда. Мне доводилось лечить покусанных пчелами. О, разве это не от пчел?

— Миссис Ордз сказала:

— Какие у вас симпатичные санитары. Так и хочется ущипнуть.

Доктор наконец наложил турникет и перевязал руку мистеру Ордзу, который каким-то чудом на мгновение пришел в себя и быстренько заглянул под повязку.

— Мне еще нужно добраться кое до кого, — сказал он. После этого на больничный линолеум брызнул последний фонтан крови. Мистер Ордз закрыл глаза и умолк.

Когда он снова начал видеть, какие-то люди обтирали его лицо лосьонами.

— Вы готовите меня для соснового ящика, — сказал он, но не получил ответа. Потом снова были тампоны с какими-то жидкостями. На него надели фрак и куда-то понесли.

Краем глаза он увидел своего церемониймейстера взмывающим в небо через крышу вместе с двумя важного вида джентльменами. Чиновного вида молодцы поддерживали церемониймейстера за локти, и у всех троих за спиной были крылья.

Потом мистера Ордза подтолкнули вперед. В глаза ему ударил яркий свет, и послышался стрекочущий звук телекамеры. Перед его глазами опустили огромную карточку с крупным текстом, и один из тех людей с лосьоновыми тампонами сказал:

— Улыбайтесь все время. Готово, начинайте читать.

— Я не хочу, — сказал мистер Ордз. — И я, пожалуй,

разозлился уже достаточно, чтобы всем вам плюнуть в глаза, даже если я мертв.

Но с его губ не сорвалось ни звука. Свет стал еще ярче. Потом он глянул на карточку, почувствовал, что его рот растягивается в неискренней улыбке, и услышал собственный голос. Он обращался к незнакомому мужчине, сидящему напротив него в какой-то гостиной и жующему ломтики белкового хлеба:

— Так вот, Симмонс, мне отпущена ровно неделя на то, чтобы убить тебя. И это вовсе не шутка. Я действительно собираюсь окончить твою жизнь, сделать так, чтобы ты перестал дышать. За этим нет ничего личного. Просто мне нужен спонсор. Но, прежде чем мы продолжим, для твоего развлечения… Близнецы Татцо на трапеции!

Садок для рептилий

Двухтомник англо-американской фантастики

Часть I

Перевод с английского

(Серия «ФА» — «Фантасты XX века»), 1991

Перевод. Группа авторов, 1991

Составители. В.Кравченко, В.Терентьев, 1991.

Обложка. Л.Бетанов, Г.Шишкин, 1991.

Редактор Н.Поликсенова

Художественный редактор Л.Бетанов

Технический редактор М.Кислякова

Корректор Е.Лукошко

Ответственный за выпуск А.Березнев

Тираж 100 000 экз.

Набор и верстка МВП «НЕСТОР». 220113, Минск, а/я 563.

OCR выполнил Andy Kay. Andy_Kay@rambler.ru

Для проекта «Старая фантастика» http://sf.nm.ru

notes

Примечания

1

Согласно Евангелию, к Христу, прибывшему в землю Гадаринскую, обратился человек, одержимый нечистым духом, с просьбой изгнать бесов; бесы же попросили позволить им вселиться в свиней, которые паслись неподалеку, и, как только они вошли в свиней, стадо с крутизны ринулось в море.

2

Что там такое? (испан.).

3

До свидания, сеньор, сеньора (испан.).